

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета

Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 2 (29)

2017

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор

Ответственный редактор

Вершинина Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Заместители ответственного редактора:

Литинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Битюкова Юлия Владимировна

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
М.А. Стеценко

Технический редактор:
И.В. Битюкова

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vn-tgu-pravo@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 30.06.2017.

Выход в свет 11.09.2017.

Формат 60x84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 9,9.

Тираж 50 экз. Заказ 3-322-17.

Цена свободная.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Ответственный редактор

Вершинина Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместители ответственного редактора:

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук (Университет Лазарского, Варшава, Польша).

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Москва, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор (Самарский национально-исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Самарская гуманитарная академия, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства (Казахский гуманитарно-юридический университет, Астана, Республика Казахстан).

СОДЕРЖАНИЕ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА Арутюнян Армен Рубикович	7
О КОЛЛИЗИЯХ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УСЛУГ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Власова Наталья Викторовна.....	9
ПРИНЦИПЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ Воробьева Ольга Александровна, Шарафутдинов Ильдар Ринатович.....	12
НЕДОПУЩЕНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ Гербеков Ислам Исхакович	16
ПОБЕГИ ИЗ МЕСТА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ИЗ-ПОД АРЕСТА ИЛИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ И МЕРЫ ПО ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ Герман Сергей Эдуардович	18
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЛЕНОВ СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА Давыдов Петр Алексеевич	21
О НЕКОТОРЫХ ИНСТИТУТАХ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ И УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ Затонский Виктор Александрович	24
ПОНЯТИЕ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКА Зограбян Тигран Арамович.....	29
К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Кузьмин Игорь Александрович	34
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО» В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ Лазарева Валентина Александровна.....	39
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАК ЦЕЛЬ УЧАСТИЯ РОССИИ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЪЕДИНЕНИИ Малый Александр Федорович	44
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ Малько Александр Васильевич, Маркунин Роман Сергеевич.....	47
СУБЪЕКТ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ Маркунин Роман Сергеевич.....	51
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ЧАСТЬ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Марченко Дмитрий Эдуардович.....	55
ВЗАИМОСВЯЗЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ С ИНЫМИ ВИДАМИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Савельев Юрий Михайлович	59
МЕСТО ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Степанова Вера Владимировна	63

МЕТОДЫ ПОСТРОЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Хаснутдинов Ренат Рафаильевич	67
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ЗАКОНОМЕРНОСТИ, НЕОБХОДИМОСТИ, СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ Черных Евгений Валентинович	71
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В ЭВОЛЮЦИИ ПОЗИТИВНОЙ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Чупилкина Айгуль Фаридовна	77
ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Широков Дмитрий Сергеевич	80
Наши авторы	82

CONTENT

SOME PECULIARITIES OF THE FORMATION OF THE NAGORNO-KARABAKH REPUBLIC AS A LEGAL STATE Harutyunyan Armen Rubikovich	7
ON CONFLICTS IN THE REGULATION OF THE PROVISION OF SERVICES LOCAL AUTHORITIES Vlasova Natalya Viktorovna	9
PRINCIPLES OF PUBLIC AUTHORITY Vorobyova Olga Aleksandrovna, Sharafutdinov Ildar Rinatovich.....	12
NON-ADMISSION OF CONFLICT OF INTERESTS AS MEANS OF PROPHYLAXIS OF ANTICORRUPTION OFFENCES Gerbekov Islam Iskhakovich	16
ESCAPING FROM CAPTIVITY, FROM ARREST OR GUARDS AND POSSIBILITIES HOW TO PREVENT THAT SITUATIONS Hermann Sergey Eduardovich	18
LEGAL RESPONSIBILITY OF MEMBERS OF THE JUDICIAL COMMUNITY Davydov Petr Alexeyevich	21
CONCERNING CERTAIN INSTITUTES OF FIRST-HAND DEMOCRACY IN THE CONTEXT OF INCREASING THE MUNICIPAL LAW POLICY EFFECTIVENESS AND REINFORCEMENT OF THE RUSSIAN STATEHOOD Zatonskij Viktor Aleksandrovich	24
CONCEPT OF AGREEMENT FOR COMMUTATIVE MEDICAL SERVICES PROVISION AND ITS CHARACTERISTICS Zohrabyan Tigran Aramovich.....	29
ON THE QUESTION OF COMPARATIVE-LEGAL RESEARCHES OF LEGAL LIABILITY Kuzmin Igor Aleksandrovich.....	34
THE TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF “EVIDENCE” IN ADVERSIAL CRIMINAL PROCESS Lazareva Valentina Alexandrovna	39
ECONOMIC DEVELOPMENT AS A PURPOSE OF RUSSIA’S PARTICIPATION IN INTERSTATE ASSOCIATION Maliy Alexander Fedorovich	44
RESPONSIBILITY OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF LEGAL RESPONSIBILITY OF PUBLIC AUTHORITY BODIES Malko Aleksandr Vasilevich, Markunin Roman Sergeevich	47
THE SUBJECT AS AN ELEMENT OF THE SYSTEM OF RESPONSIBILITY OF PUBLIC AUTHORITIES BODIES Markunin Roman Sergeevich.....	51
CRIMINAL-EXECUTIVE POLICY AS A PART OF THE LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN THE FIELD OF LEGAL RESPONSIBILITY Marchenko Dmitry Eduardovich	55
INTERRELATION OF RESPONSIBILITY IN FAMILY LAW WITH OTHER TYPES OF LEGAL RESPONSIBILITY Savelyev Yuriy Mihailovich.....	59
THE PLACE OF RESPONSIBILITY FOR COMMISSION OF TAX OFFENCES IN SYSTEM OF LEGAL RESPONSIBILITY Stepanova Vera Vladimirovna	63
METHODS OF CREATION OF THE CONCEPT OF LEGAL POLICY IN THE FIELD OF LEGAL RESPONSIBILITY Khasnutdinov Renat Rafailevich	67

TOPICAL ISSUES OF THE DIALECTIC INTERCHANGE OF REGULARITY, NECESSITY, FREEDOM AND LIABILITY OF THE PERSON Chernykh Yevgeniy Valentinovich.....	71
SOCIO-ECONOMIC VECTOR IN THE EVOLUTION OF THE POSITIVE CONSTITUTIONAL LEGAL RESPONSIBILITY OF THE HIGHEST EXECUTIVE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION Chupilkina Aygul Faridovna	77
THE CONCEPT OF LEGAL LIABILITY Shirokov Dmitry Sergeevich.....	80
Our authors	82

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

© 2017

А.Р. Арутюнян, магистр политологии, старший преподаватель кафедры политологии
Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван (Республика Армения)

Ключевые слова: Нагорно-Карабахская Республика; конституция; правовое государство; президент; демократия.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблем установления правового государства в Нагорно-Карабахской Республике. В работе обозначены особенности строения правового государства в переходных государствах и, в частности, в Нагорно-Карабахской Республике. Установлено, что, несмотря на непризнанность независимости и в условиях военной агрессии со стороны Азербайджана, в НКР удалось последовательно развить все свои государственные институты.

Глава 1 (часть 1, статья 1) Конституции Нагорно-Карабахской Республики, определяющая основы конституционного строя Нагорно-Карабахской Республики, гласит: «Нагорно-Карабахская Республика – суверенное, демократическое, правовое, социальное государство» [1].

В ряде приведенных конституционных характеристик важное место занимает та характеристика, согласно которой Нагорно-Карабахская Республика провозглашена правовым государством [2]. Однако для создания реального правового государства одного лишь провозглашения недостаточно. Правовому государству присущ реальный режим господства права, который обеспечивает и защищает все права человека и гражданина. Правовое государство можно определить следующим образом – это государство, в котором публичная и политическая власть осуществляется на основе права и где гарантируются права и свободы человека и гражданина. Между тем представления о государстве, основанном на главенствующей роли закона, сложились еще в Древней Греции, были развиты Платоном, Аристотелем и другими выдающимися мыслителями. Аристотель выдвинул следующую идею: «Там, где отсутствует власть закона, нет места какой-либо форме государственного строя» [3]. Платон писал: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государству боги» [4]. Однако В. Нерсиянц отмечает: «Говорить о становлении концепции правового государства во времена античности – значит делать очень большое допущение» [5]. В идее правового государства А. Малько выделяет следующие два элемента:

1) свободу человека, наиболее полное обеспечение его прав [4];

2) ограничение правом государственной власти [4].

Важным условием существования правового государства является главенство закона и права для всех слоев общества. Это означает, что все государственные чиновники, организации и граждане равны перед законом. Данная мысль нашла свое отражение в статье 21 второй главы Конституции Нагорно-Карабахской Республики, которая гласит: «1. Все люди равны перед законом. 2. Запрещается дискриминация в зависимости от пола, расы, цвета кожи, этнического или социального происхождения, генетических признаков, языка, религии, мировоззрения, политических или иных взглядов, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного положения, рождения, инвалидности, возраста, либо иных обстоятельств личного или социального характера» [2]. Согласно первой и второй частям статьи 6 главного закона Нагорно-Карабахской Республики, «1. Государственная власть осуществляется в соответствии с Конституцией и законами – на основе разделения и баланса законодательной, исполнительной и судебной властей. 2. Государственные органы, органы местного самоуправления и должностные лица право-

мочны совершать только такие действия, на которые они уполномочены Конституцией и законами» [2]. Для регулирования общественных отношений перед законодательным органом и правительством стоит проблема принятия нужных, всеми соблюдаемых и на деле оправдываемых законов. Следует отметить, что в процессе принятия законов необходимо в первую очередь учитывать исторические, культурные, ментальные, психологические особенности народа, для которого принимаются эти законы. Естественно, что некоторые нормы и законы, являющиеся, например, для европейцев нормальными, могут быть неприемлемыми для народа Нагорного Карабаха. Законопроекты до превращения в законы проходят долгий и сложный путь, и после принятия законов Национальным Собранием начинают действовать только после подписания этих законов Президентом Нагорно-Карабахской Республики. Согласно 68 статье Конституции Нагорно-Карабахской Республики, «президент страны после получения принятого Национальным Собранием закона в тридцатидневный срок подписывает и обнародует его. В течение этого срока президент может возвратить закон с внесенными в него возражениями и предложениями в Национальное Собрание для нового обсуждения. В пятидневный срок подписывает и обнародует вновь принятый Национальным Собранием закон после его получения» [2]. Но несмотря на долгий процесс утверждения того или иного закона, особенно в переходных государствах, иногда принимаются законы, которые не соответствуют потребностям народа и граждан данной страны. Из этого следует, что законопроекты должны разрабатываться нейтральными, независимыми специалистами, которые должны учитывать потребности и нужды народа Нагорно-Карабахской Республики.

Правовое государство, призванное принимать права и свободы человека и гражданина в НКР как высшую ценность, признает нерушимость этих прав и свобод, а также обязуется соблюдать и охранять их [2]. Данный принцип, который соблюдается как в нагорно-карабахском обществе, так и в государстве, по существу лежит в основе основополагающих норм ООН о правовом государстве, особенно касаясь части прав и свобод человека, что еще раз подчеркивает общее соответствие данного положения с соответствующей правовой характеристикой функционирования Нагорно-Карабахской Республики [6]. В данном контексте особую важность в вопросе институционального строительства правового государства в НКР играет также и принцип разделения власти. В этом смысле как в Конституциях многих демократических, правовых государств, так и в Конституции Нагорно-Карабахской Республики закреплена статья, регулирующая осуществление государственной власти в НКР: «Государственная власть осуществляется в соответствии с Конституцией и законами – на основе разделения и баланса законодательной, исполнительной и судебной властей» [6]. То есть государственная власть в Нагорно-Карабахской Республике разделена на законодательную, представители которой избираются народом

для выработки плана развития общества путем принятия законов; исполнительную, которая занимается реализацией этих законов; и судебную, которая является гарантом восстановления нарушенных прав, и справедливого наказания нарушивших. Несмотря на то, что ветви государственной власти действуют самостоятельно и независимо, они одновременно являются и взаимосдерживающей друга друга властью. Исходя из вышесказанного важно заметить, что, несмотря на то, что большинство современных стран провозглашают себя правовыми государствами, по факту лишь очень маленькая часть из них соответствует критериям правового государства.

В целом уже 25 лет, как Нагорно-Карабахская Республика без существенной помощи извне пытается закрепить правовые основы становления и развития своего государства. На государственном уровне обеспечивается институциональное строительство всех институтов и процедур, особенно в условиях продолжавшейся со стороны Азербайджана агрессии, так как за короткое время, учитывая условия войны и военной агрессии, Нагорно-Карабахскому государству удалось не только последовательно развивать все свои государственные

институты, но и сформировать гражданское общество и демократию в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный веб-сайт Президента НКР. URL: president.nkr.am/ru.
2. Конституция Нагорно-Карабахской Республики: принята на референдуме 10 декабря 2006 г. // Нагорно-Карабахская Республика министерство иностранных дел. URL: nkr.am/ru/constitution.
3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: НОРМА, 2002. 800 с.
4. Малько А.В. Правовое государство // Теория государства и права. М.: Юрист, 2006. С. 30–45.
5. Нерсисянц В.С. Идеи и конструкции правовой государственности: история и современность // Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации. М.: Юридическая литература, 1990. С. 6–26.
6. Всеобщая декларация прав человека // Организация объединенных наций. URL: un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

SOME PECULIARITIES OF THE FORMATION OF THE NAGORNO-KARABAKH REPUBLIC AS A LEGAL STATE

© 2017

A.R. Harutyunyan, major-master degree in political science,
Head lecturer of political science department of Institute of Law and Policy
Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan (Republic of Armenia)

Keywords: Nagorno-Karabakh Republic; constitution; rule of law; president; democracy.

Abstract: The article is devoted to the problems of the establishment of the rule of law state in the Nagorno-Karabakh Republic. The paper outlines the peculiarities of the structure of the rule-of-law state in transitional states and, in particular, in the Nagorno-Karabakh Republic. It was ascertained that despite the unrecognized independence and military aggression on the part of Azerbaijan, NKR succeeded in consistently developing all its state institutions.

**О КОЛЛИЗИЯХ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УСЛУГ
ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

© 2017

Н.В. Власова, аспирант*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Ключевые слова: коллизии; органы местного самоуправления; государственные и муниципальные услуги; коррупциогенные факторы.

Аннотация: В статье рассматривается пример коллизии в федеральных законах, регулирующих отношения по предоставлению услуг органами местного самоуправления в рамках их полномочий.

Чаще всего в юридической литературе коллизии норм права рассматриваются как противоречие друг другу (столкновение) двух или более формально действующих норм права, регулирующих одни и те же общественные отношения. Для коллизий в законодательстве характерно существование различных норм для разрешения конкретной ситуации, но с противоречивым содержанием. Анализируя работы в рассматриваемой области, спорен вывод о едином определении коллизий норм права.

Так, профессор А.Ф. Черданцев характеризует коллизии норм права как различие в содержании двух норм права, распространяющихся на одни и те же фактические ситуации.

По мнению М.А. Власенко, коллизии норм есть отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения.

Из сказанного вытекает, что коллизии норм права могут проявляться в форме противоречия содержания норм права, противоборствуя друг другу, либо в форме различия в содержании норм, регулирующих одни и те же общественные отношения [1, с. 5].

В целом можно говорить о том, что возникающие на практике негативные последствия юридических коллизий неизбежно повлекли необходимость правового закрепления их исключения.

Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 18.07.2015 № 732 [2] были внесены изменения в Методику проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 [3].

Согласно данным изменениям, к коррупциогенным факторам, устанавливающим для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, были отнесены нормативные коллизии – противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае [2].

Указанное, безусловно, является положительным движением на пути к совершенствованию действующего законодательства.

Конституция Российской Федерации и Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) закрепили особый статус местного самоуправления.

Так, статьей 12 Конституции Российской Федерации установлено, что местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти [4].

Однако, например, часть 4 статьи 7 Федерального закона № 131-ФЗ определила, что муниципальные

правовые акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, названному Федеральному закону, другим федеральным законам и иным нормативным правовым актам Российской Федерации, а также конституциям (уставам), законам, иным нормативным правовым актам субъектов Российской Федерации [5].

Таким образом, обладая самостоятельностью, органы местного самоуправления вместе с тем не должны преступать рамки, законодательно установленные им органами государственной власти.

При этом наличие коллизий в нормативных правовых актах Российской Федерации, субъектах Российской Федерации, которые подлежат применению органами местного самоуправления, создает практические проблемы, не поддающиеся решению в одностороннем порядке органами местного самоуправления, в связи с отсутствием на то у них полномочий.

Рассмотрим следующий пример.

Часть 1 статьи 19 Федерального закона № 131-ФЗ относит к отдельным государственным полномочиям, передаваемым для осуществления органами местного самоуправления, полномочия органов местного самоуправления, установленные федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, по вопросам, не отнесенным данным Федеральным законом к вопросам местного значения.

Статья 19 Федерального закона 131-ФЗ определяет порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями [5].

Так, наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Российской Федерации осуществляется федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, отдельными государственными полномочиями субъектов Российской Федерации – законами субъектов Российской Федерации. Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями иными нормативными правовыми актами не допускается (часть 2 статьи 19 Федерального закона № 131-ФЗ).

Финансовое обеспечение отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления, осуществляется только за счет предоставляемых местным бюджетам субвенций из соответствующих бюджетов (часть 5 статьи 19 Федерального закона № 131-ФЗ).

При этом Федеральный закон, закон субъекта Российской Федерации, предусматривающие наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, должны содержать:

- 1) вид или наименование муниципального образования, органы местного самоуправления которого наделяются соответствующими полномочиями;
- 2) перечень прав и обязанностей органов местного самоуправления, а также прав и обязанностей органов государственной власти при осуществлении соответствующих полномочий;
- 3) способ (методику) расчета нормативов для опре-

деления общего объема субвенций, предоставляемых местным бюджетам из федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации для осуществления соответствующих полномочий, включая федеральные или региональные государственные минимальные социальные стандарты;

4) перечень подлежащих передаче в пользование и (или) управление либо в муниципальную собственность материальных средств, необходимых для осуществления отдельных государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления, или порядок определения данного перечня;

5) порядок отчетности органов местного самоуправления об осуществлении переданных им отдельных государственных полномочий;

6) порядок осуществления органами государственной власти контроля за осуществлением отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления, и наименования органов, осуществляющих указанный контроль;

7) условия и порядок прекращения осуществления органами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий [5].

Таким образом, наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями осуществляется в установленном порядке, оно сопровождается принятием Федерального закона, закона субъекта Российской Федерации, в том числе в соответствии с которым местному бюджету предоставляются субвенции из соответствующего бюджета с целью финансового обеспечения исполнения данных полномочий.

В соответствии с частью 5 статьи 20 Федерального закона № 131-ФЗ органы местного самоуправления вправе осуществлять расходы за счет средств бюджета муниципального образования (за исключением финансовых средств, передаваемых местному бюджету на осуществление целевых расходов) на осуществление полномочий, не переданных им в соответствии со статьей 19 указанного Федерального закона, если возможность осуществления таких расходов предусмотрена федеральными законами.

При этом органы местного самоуправления вправе устанавливать за счет средств бюджета муниципального образования (за исключением финансовых средств, передаваемых местному бюджету на осуществление целевых расходов) дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан вне зависимости от наличия в федеральных законах положений, устанавливающих указанное право [5].

Статьей 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», в частности, определены понятия:

- государственная услуга, предоставляемая федеральным органом исполнительной власти, органом государственного внебюджетного фонда, исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органом местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (государственная услуга), – деятельность по реализации функций соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (органы, предоставляющие государственные услуги), которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и

нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги;

- муниципальная услуга, предоставляемая органом местного самоуправления (муниципальная услуга), – деятельность по реализации функций органа местного самоуправления (далее – орган, предоставляющий муниципальные услуги), которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий органа, предоставляющего муниципальные услуги, по решению вопросов местного значения, установленных в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ и уставами муниципальных образований [6].

Таким образом, в понятие государственной услуги не включена деятельность по реализации функций органа местного самоуправления при осуществлении государственных полномочий, не переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, т. е. не в соответствии со статьей 19 Федерального закона № 131-ФЗ.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что деятельность по реализации функций органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, не переданных в соответствии со статьей 19 Федерального закона № 131-ФЗ (федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации), не относится к понятию «государственная услуга».

Вместе с тем указанную деятельность также нельзя отнести к понятию «муниципальная услуга», учитывая, что ею признается деятельность по реализации функций органа местного самоуправления по решению вопросов местного значения.

Как указывалось выше, в связи с отсутствием полномочий органы местного самоуправления не вправе в одностороннем порядке решать проблему исключения коллизий в нормативных правовых актах Российской Федерации, субъектах Российской Федерации, которые подлежат применению органами местного самоуправления.

Вместе с тем, понимая необходимость регулирования такого рода спорных отношений, органами местного самоуправления принимаются акты, направленные на данные цели, в рамках их полномочий.

Так, в городском округе Тольятти сформирован и утвержден уникальный в своем роде перечень услуг, предоставляемых в рамках осуществления государственных полномочий, не переданных органам местного самоуправления городского округа Тольятти в установленном законом порядке [7].

В целом отнесение нормативных коллизий к коррупциогенным факторам, с одной стороны, является антикоррупционной мерой, с другой стороны, также должно способствовать выявлению и устранению противоречий между уже установленными нормами. При этом непосредственно устранение коллизий находится в прямой логической связи с изменением действующего законодательства.

Справедливости ради необходимо отметить, что законодатель всегда придерживался пути исключения коллизий норм права.

Так, еще пунктом 17 Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 10.01.2001 № 3, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации от 10.01.2001 № 51, установлена последовательность конструирования нормативного содержания законопроекта.

В соответствии с пунктом 20 указанных Методических правил содержание правовых норм должно быть

логически последовательным и содержательно определенным, не допускающим различного понимания и толкования. Следует правильно использовать официально установленные наименования, общеизвестные термины, не перегружать текст специальными, узкопрофессиональными терминами, а также иностранной терминологией [8].

Также, например, подпункт 25.13.1 пункта 25.13 Методических рекомендаций по разработке и подготовке к принятию проектов технических регламентов, утвержденных приказом Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации от 12.04.2006 № 78, устанавливает, что под определением термина следует понимать описание вводимого им слова с помощью более широкого (родового) понятия и других известных словосочетаний (межвидовых отличий) таким образом, чтобы исключались логический круг, тавтология и отрицательные признаки.

В соответствии с правилами законодательной техники в федеральном законе должны содержаться определения только терминов, которые используются в законе и не определены действующим законодательством.

Не должны определяться термины, которые непосредственно не относятся к данному проекту или являются общераспространенными в той или иной области технического (или научно-технического) знания.

При определении терминов не могут быть использованы тождественные термины, имеющие различное содержание.

При определении терминов должны использоваться термины либо уже определенные действующим законодательством, самим регламентом, либо содержание которых устоялось в правоприменительной практике.

Определение термина должно исключать его неодинаковую трактовку и обеспечивать возможность однозначной идентификации термина в рамках соответствующей системы понятий [9].

Кроме того, еще первая редакция Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96, относилась к юридико-лингвистическую неопределенность (употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера) к коррупциогенным факторам, содержащим неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям [3].

Необходимо признать, что появление коллизий в отдельных случаях обусловлено объективными факторами, однако, обоснована позиция, призывающая законодателя стремиться к исключению даже возможности их появления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гущина Н.А. Коллизии общих и специальных норм права равной юридической силы // Современное право. 2016. № 5. С. 5–8.
2. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы: постановление Правительства Российской Федерации от 18.07.2015 № 732 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 30. Ст. 4604.
3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96: ред. от 18.07.2015 // Российская газета. 2010. № 46 (март).
4. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ: ред. от 03.04.2017 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
6. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ: ред. от 28.12.2016 // Российская газета. 2010. № 168 (июль).
7. Об утверждении Перечня услуг, предоставляемых мэрией городского округа Тольятти в рамках осуществления государственных полномочий, не переданных органам местного самоуправления городского округа Тольятти в установленном законом порядке: постановление мэрии городского округа Тольятти от 06.05.2016 № 1403-п/1: ред. от 10.04.2017 // Городские ведомости. 2016. № 29 (май).
8. Об утверждении Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти: приказ Министерства юстиции Российской Федерации № 3, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации № 51 от 10.01.2001 // Бюллетень Минюста РФ. 2001. № 2.
9. Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и подготовке к принятию проектов технических регламентов: приказ Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации от 12.04.2006 № 78 // Вестник Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. 2006. № 5.

ON CONFLICTS IN THE REGULATION OF THE PROVISION OF SERVICES LOCAL AUTHORITIES

© 2017

N. V. Vlasova, postgraduate student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: legal collisions; local authorities; state and municipal services; corruption factors.

Abstract: The article discusses an example of a conflict in Federal laws, regulating relations in providing services of local authorities within their powers.

О.А. Воробьева, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)
И.Р. Шарафудинов, оператор
ПАО «КуйбышевАзот», Тольятти (Россия)

Ключевые слова: право; власть; публичная власть; принципы публичной власти.

Аннотация: Актуальность работы заключается в том, что публичная власть всегда является предметом повышенного интереса общественности. Цель работы – анализ принципов публичной власти в соответствии с законодательством Российской Федерации. В настоящей статье рассмотрено понятие публичной власти, которое является многогранным. Также в работе проанализированы принципы публичной власти. Конституция Российской Федерации заложила новые принципы организации и деятельности органов публичной власти. По справедливому мнению В.В. Полянского, принципы, которыми насыщена конституция (в этом особенность природы Основного Закона), являются правовым ориентиром реализации публичной власти, деятельности всех субъектов, причастных к ее формированию, контролю. Проведенный анализ научной литературы позволил выделить следующие принципы публичной власти: законность; гласность; ответственность; единство системы публичной власти; компетентционная самостоятельность и независимость; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина; народовластие. Определяющим принципом организации публичной власти является принцип народовластия. Принцип гласности является одним из основополагающих принципов и означает обеспечение открытости и доступности информации о решениях и действиях субъектов публичной власти. Принцип компетентционной самостоятельности и независимости различных субъектов публичной власти заключается в том, что различные субъекты публичной власти, обладая собственной компетенцией, не могут произвольно вторгаться в сферу компетенции других субъектов, подменять их и ограничивать их самостоятельность.

Согласно Конституции РФ, единственным источником власти в нашей стране является народ. Стратегическое развитие России в качестве демократического государства зависит от эффективной организации всех институтов власти.

Проблематика публичной власти достаточно широко привлекает внимание исследователей в сфере конституционного и муниципального права, теории государства и права, также интерес к ней проявляют политологи, социологи, управленцы [1, с. 5].

Публичная власть – понятие многогранное, особенно если ее связывать с гражданским обществом. Она не сводится лишь к государственной власти, охватывает различные организационные средства для управления. Во-первых, это самоорганизация общества, у него нет единого центра управления, чаще всего управление общественными делами идет многоканально и строится как на устойчивых обычаях жизни людей, так и на участии в управлении различных организованных коллективов (политические партии, иные общественные объединения, трудовые коллективы, религиозные объединения и др.). Во-вторых, публичная власть – это управление государственными делами, что делается в масштабах всего государства, в условиях России – также на территории субъектов Российской Федерации. В-третьих, публичная власть – это управление делами муниципального уровня, оно представлено решением так называемых вопросов местного значения, а также в определенной мере управлением государственными делами от имени и по поручению государства. Отсюда и появилась трактовка местного самоуправления как публичной власти, соединяющей общественные и государственные начала [2].

Современная правовая природа России как демократического федеративного правового государства и как публично-территориального образования предполагает наличие публичной власти, в рамках которой функционируют государственная власть и местное самоуправление, цементирующие единство публичной власти [3, с. 23].

В соответствии с Конституцией РФ, единственным источником власти в нашей стране является народ [4]. На практике экономическая, социальная, внешняя политика разрабатывается в результате сложного взаимодействия самых разных общественных групп. Следование законным интересам и учёт мнений всех граждан России, независимо от их национальности, религиозных,

политических и иных убеждений, – это обязанность государства, это обязанность демократического государства. Способность эту обязанность выполнять является главным критерием эффективности такого государства. В то же время многие аспекты политической жизни подвергаются общественной критике. Отмечаются проблемы в организации выборов, низкий уровень политической культуры, дефицит глубоко проработанных альтернативных предложений по конкретным вопросам социально-экономического развития [5].

Как отмечают многие учёные, в том числе Е.В. Колесников и Н.М. Селезнева, «проблематика власти можно отнести к числу «вечных вопросов», она привлекала внимание мыслителей и политиков с давних времен» [6, с. 12].

В ряду выдающихся умов человечества, занимающихся проблемами власти, Платон, Аристотель, Т. Гоббс, Дж. Локк, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье и многие другие ученые [7, с. 146].

Обращаясь к первоосновным источникам, касающихся проблем власти можно увидеть, что власть в древний период понималась как средство преодоления социального хаоса (Мао-Цзы), как определенный инструмент достижения гармонии (Конфуций), идеального государства (Платон, Аристотель) [8, с. 2 431].

Т. Гоббс, Дж. Локк, Н. Макиавелли и Ж.-Ж. Руссо придерживались своего подхода: «...власть, ее реализация обуславливается особенностями человека как природного существа, которому свойственны естественные стремления к превосходству над другими» [9, с. 754].

В русском языке слово «власть» является однокоренным со словом «владеть», которое имеет значение «собственник», «хозяин», «обладающий собственностью» [10].

При всем многообразии походов к пониманию и обозначению существа власти для целей правового анализа наиболее показательным выступают такие свойства, как способность власти оказывать управляющее и контролирующее воздействие, обнаружение власти в системе «субъект – объект», где субъект наделен руководящими полномочиями, а объект испытывает действие специальных приемов и методов, применяемых субъектом. По-

скольку власть проявляется лишь в социальной среде, то объектом власти является пассивный субъект [11].

Проблема власти – наиболее острая для любого современного государства, так как затрагивает фундаментальные основы жизнедеятельности общества [12, с. 53].

В свое время Конституционный Суд Российской Федерации сделал очень важный вывод о том, что категорией «публичная власть» охватывается как государственная власть, так и власть местного самоуправления, причем это подчеркнуто в нескольких постановлениях Конституционного Суда. Являясь в ряде отношений продолжением государственной власти, имея возможность по поручению государства участвовать в реализации государственных полномочий, местное самоуправление тем не менее может свои задачи реализовывать и методами общественно организованного управления, опираясь на практику добровольного выполнения гражданами, частными и публичными учреждениями принятых решений местного самоуправления. Таким образом, на локальных уровнях возможность негосударственного управления не исключается и может даже быть широко распространена, достаточно очевидны два условия его существования: а) территория; б) наличие дел, т. е. предмета самоорганизации населения.

Рассматривая вопрос о содержании категории «публичная власть» обратимся к вопросу о принципах организации и деятельности публичной власти. Под принципами принято понимать основные, исходные положения какой-либо теории, мировоззрения, учения, программы [13].

Принципы (от лат. *principium* – первоначало, основа) – это основополагающие идеи, которые характеризуют содержание, сущность и назначение в обществе публичной власти; определяют в своей совокупности идеальную модель (способ) организации и деятельности субъектов публичной власти [14].

Конституция Российской Федерации заложила новые принципы организации и деятельности органов публичной власти. По справедливому мнению В.В. Полянского, принципы, которыми насыщена конституция (в этом особенность природы Основного Закона), являются правовым ориентиром реализации публичной власти, деятельности всех субъектов, причастных к ее формированию, контролю.

Проведенный анализ научной литературы позволил нам выделить следующие принципы публичной власти: законность; гласность; ответственность; единство системы публичной власти; компетенционная самостоятельность и независимость; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина; народовластие. Рассмотрим их.

Принцип законности закреплен в ст. 15 Российской Конституции, где говорится, что «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. Органы государственной власти, местного самоуправления, должностные лица, граждане и объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы».

Для органов публичной власти значимым является то, что с помощью законов должно достигаться адекватное отражение экономической, налоговой, правоохранительной, социальной функций государства, а также должен устанавливаться ясный механизм правового регулирования, налаживаться действенный контроль за их исполнением. Принцип законности также означает, что организация и деятельность аппарата государственного управления регулируется правовыми нормами и осуществляется в целях реализации предписаний закона при неукоснительном соблюдении прав и законных интересов всех участников управленческих отношений [15, с. 391].

Определяющим принципом организации публичной власти является *принцип народовластия* (или, по В.Е. Чиркину, принцип «народности» [16, с. 313]). Согласно части 1 статьи 3 Конституции РФ «единственным источником власти в РФ является её многонациональный народ». Народовластие выступает определяющим вектором политических, социально-экономических и духовно-культурных преобразований. Часть 2 статьи 3 Общероссийской Конституции предусматривает три формы осуществления власти народа: непосредственную демократию, государственную власть и местное самоуправление: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Никто больше не может ни обладать политической властью, ни осуществлять её, согласно части 3 статьи 4 Основного Закона РФ «Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону». Народ, обладая государственной властью во всей ее полноте, не отчуждает ее от себя, наоборот, «он создает надежные механизмы, при помощи которых может высказать, исходя из собственного понимания своих интересов, мнение относительно целесообразности и результативности осуществления государственной власти ее институтами» [17, с. 12].

Как справедливо отмечает В.В. Комарова, «демократизм государства находит также выражение в обеспечении в нем народовластия. Народовластие означает принадлежность всей государственной власти народу, свободное осуществление народом этой власти в полном соответствии с его суверенной волей и коренными интересами. Признание народа в качестве верховного носителя государственной власти является выражением народного суверенитета. Это значит, что народ, ни с кем не деля свою власть, осуществляет ее самостоятельно и независимо от каких бы то ни было сил, использует исключительно в своих интересах».

Реальное народовластие, полнота власти народа организуется им сообразно его интересам и потребностям, что непосредственно связано с такой категорией, как «суверенитет народа». Понятие суверенитета народа в научной литературе зачастую раскрывается как власть народа. Но, и понятие демократии нередко определяется таким же образом.

Принцип гласности является одним из основополагающих принципов и означает обеспечение открытости и доступности информации о решениях и действиях субъектов публичной власти (деятельности органов представительной и исполнительной власти, судов, органов местного самоуправления, порядка избрания или формирования соответствующих органов, обсуждения законопроектов, разрешения различных споров и т. д.).

Следующим принципом публичной власти является *принцип единства системы публичной власти* [18]. Некоторые исследователи считают, что в настоящее время под единством власти можно понимать: социальное единство, единство целей и направлений деятельности и организационное единство. Под организационным единством понимается принадлежность всей полноты власти одному органу (например, монарху) либо определенному виду органов (советы). Исходя из этого, теория разделения власти отвергалась как неприемлемая. Идея организационного единства власти была детально разработана в марксистско-ленинском учении. Свое же реальное и наиболее последовательное воплощение она получила в практике социалистических стран. На сегодняшний день, как отмечает В.В. Рачинский, сфера применения данного принципа значительно сужена и ограничивается, в основном, сферой исполнительной власти (в частности, правоохранительных органов).

Принцип компетенционной самостоятельности и независимости различных субъектов публичной власти,

как отмечают некоторые авторы, по своему содержанию является аналогичным принципу разделения власти в сфере государственной власти. Суть данного принципа заключается в том, чтобы различные субъекты публичной власти, обладая собственной компетенцией не могут произвольно вторгаться в сферу компетенции других субъектов, подменять их и ограничивать их самостоятельность.

Принцип ответственности. В настоящее время практически все ученые, так или иначе затрагивающие в своих исследованиях вопросы власти, обнаруживают необходимость установления взаимной ответственности субъектов и объектов власти. Причем в силу российской специфики акцент делается именно на ответственности субъектов, и в первую очередь органов публичной власти.

В современных демократических обществах для публичной власти характерен также *принцип признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина* [19]. В ст. 2 Конституции РФ провозглашается, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». В ст. 18 Конституции РФ закреплено: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Тем не менее последовательная реализация этого принципа требует четкого правового закрепления не только прав граждан, но и корреспондирующих им обязанностей соответствующих органов публичной власти. И если перечень прав и свобод человека и гражданина, закрепленный в законодательстве, в целом соответствует современным представлениям и международным нормам, то с закреплением корреспондирующих обязанностей дело обстоит несколько хуже. Полная ясность в вопросе распределения компетенции между субъектами публичной власти различных видов и уровней в действующем законодательстве отсутствует. На практике нередко возникают ситуации, когда не совсем понятно, чья же именно обязанность корреспондирует тому или иному праву человека.

Принцип прозрачности представляет собой одно из важнейших демократических начал, без практической реализации которого невозможно создание подлинно демократического, правового государства. Реализация принципа прозрачности позволяет обеспечить должную «открытость» органов государственной власти и местного самоуправления, поставить их деятельность под контроль общества, дает возможность гражданам влиять на выработку решений, затрагивающих их интересы, права и свободы.

Прозрачность также является основополагающим началом для формирования и осуществления публичных расходов, представляющих собой непрерывный процесс использования централизованных и децентрализованных фондов для удовлетворения публичных (общественных) интересов. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, из Конституции Российской Федерации следует, что финансовое регулирование, бюджетная система Российской Федерации должны отвечать требованиям открытости, прозрачности как процесса принятия органами государственной власти финансово емких решений, так и самого использования финансовых ресурсов Российской Федерации, что способствует реализации базирующегося на принципах демократии эффективного контроля гражданского общества за финансовой деятельностью государства в лице его органов.

Вместе с тем конституционная формула принципов публичной власти должна обладать некоторыми свойствами, позволяющими субъектам их толкования, развития в текущем законодательстве, правоприменения обеспечивать гармоничное функционирование публич-

ной власти, устранять ординарные конфликты, предотвращать чрезвычайные ситуации, снижать потери от возникающих кризисных ситуаций как для всего общества, так и для каждого человека.

Конституция Российской Федерации легально установила критерий конституционности и социальной позитивности функционирования институтов публичной власти (как и всех иных субъектов политической, экономической и иной деятельности). Таковым критерием является принцип, закрепленный в ст. 2 Конституции РФ, определившей человека, его права и свободы высшей ценностью. Этот принцип развивается в ст. 18 Конституции РФ. Будучи непосредственно действующими, права и свободы «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Как видно, все основные подсистемы публичной власти – государственной (с ее разделением на три ветви – законодательную, исполнительную, судебную) и самоуправленческой – в совокупности должны подчиняться в своей деятельности конституционному принципу высшей ценности человека, его прав и свобод, руководствуясь идеей признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина со стороны государства.

Однако не следует забывать, что положения ст. 2 и 18 Конституции РФ носят во многом оценочный характер, что может привести к искажению первоначального смысла конституционных принципов в процессе их толкования, развития и правоприменения. Фактически так иногда и происходит. Свидетельством этому является судебная практика, по-разному решающая вопросы защиты прав и свобод человека. Не изжиты рецидивы старых представлений о допустимости влияния исполнительной власти на судебную власть, имеющие место факты некачественной правоприменительской деятельности российского парламента [20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 5–11.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. Т. 1. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2014. 864 с.
3. Безруков А.В. Государственная и муниципальная власть в системе единой публичной власти России // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 6. С. 23–28.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2008. 592 с.
6. Колесников Е.В., Селезнева Н.М. Статус суда в Российской Федерации: конституционные вопросы. Саратов: Саратовск. гос. академия права, 2008. 204 с.
7. Глазунова Н.И. Система государственного управления. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 551 с.
8. Поярков С.Ю. К сущности политической идеологии государственной власти // Право и политика. 2009. № 12. С. 2431–2437.
9. Муртазалиев З.М. Особенности реализации политической власти в условиях глобализации // Право и политика. 2009. № 4. С. 754–762.
10. Толковый словарь русского языка. Т. 1. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Наука, 2000. 1424 с.
11. Воробьева О.А., Станкин А.Н. Публичная власть

- в России: проблемы теории и практики. М.: NoteBene, 2010. 192 с.
12. Комбарова Е.В. Вопросы организации органов публичной власти России в решениях Конституционного Суда РФ // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2. С. 53–59.
  13. Воробьева О.А. О понятии публичной власти // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3. С. 82–88.
  14. Воробьева О.А. Взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления // Вестник Орловского государственного университета. 2010. № 4. С. 76–80.
  15. Принципы российского права: общетеоретический и общепрофессиональный аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2010. 702 с.
  16. Чиркин В.Е. Конституционное право России. М.: Юрист, 2009. 447 с.
  17. Пятковская Ю.В. Прозрачность как основополагающий принцип публичных расходов: правовой механизм реализации // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 19–22.
  18. Воробьева О.А. Государственная власть как уровень публичной власти // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 1. С. 144–151.
  19. Воробьева О.А. Особенности взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 2. С. 23–26.
  20. Полянский В.В. Методы и принципы гармонизации публичной власти // LexRussica. 2015. № 10. С. 32–45.

PRINCIPLES OF PUBLIC AUTHORITY

© 2017

O.A. Vorobyova, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor
of the Department of Business and employment law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)
I.R. Sharafutdinov, operator
PJSC “KuibyshevAzot”, Togliatti (Russia)

Keywords: law; law; power; public power; principles of public power.

Abstract: The relevance of the work lies in the fact that public power is always a subject of increased interest of the public. The aim of this work is the analysis of principles of public authorities in accordance with the legislation of the Russian Federation. This article examines the concept of public authority, which is multifaceted. The work also examines the principles of public power. The Constitution of the Russian Federation laid out new principles of organization and activities of public authorities. At fair opinion Vladimir Polanski, the principles, which are saturated with the Constitution (this is the peculiarity of the nature of the Basic Law) are the legal benchmark implementation of public authority, the activities of all actors involved in its formation, control. The analysis of scientific literature allowed us to highlight the following principles of public authority: legality; transparency, responsibility, unity of system of public authorities; compentencia autonomy and independence; the recognition, observance and protection of the rights and freedoms of man and citizen democracy. The guiding principle of the organization of public authority is the principle of democracy. The principle of transparency is one of the fundamental principles and means securing the open-STI and availability of information on decisions and actions of subjects of public authority of power. Compentencies the principle of independence of the different actors public authorities, is that various entities of public authorities with their own competence cannot arbitrarily invade the purview of other actors to replace them and limit their autonomy.

According to the Constitution the only source of power in our country is the people. Strategic development of Russia as a democratic state depends on effective organization of all institutions of power.

НЕДОПУЩЕНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

© 2017

*И.И. Гербеков, судья**Верховный суд Карачаево-Черкесской Республики, Усть-Джегута (Россия)*

Ключевые слова: конфликт интересов; коррупция; личная заинтересованность; обязанность; государственная служба.

Аннотация: В статье анализируются правовые аспекты, связанные с понятием конфликта интересов как средства профилактики антикоррупционных правонарушений. Выделяются пробелы и недостатки отечественного антикоррупционного законодательства, предлагаются изменения в нормативных правовых актах.

В последнее время особое место в системе мер профилактики антикоррупционного правонарушения занимает институт урегулирования конфликтов интересов. Сам термин «конфликт интересов» в российской науке и законодательстве появился относительно недавно, но фигурирует во многих нормативных правовых актах. Впервые данное понятие упоминалось в предпринимательском законодательстве, а затем распространилось и на сферу публичной службы. Проведенный анализ различных отечественных и зарубежных источников относительно определения термина «конфликт интересов» показал, что приводимые трактовки данной дефиниции по своему содержанию совпадают и сводятся к пониманию такой ситуации, при которой возникает противоречие между служебным долгом и личным интересом лица во время исполнения своих должностных и общих служебных обязанностей. Так, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» под конфликтом интересов понимает ситуацию, «при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)» [1].

Однако, в отличие от отечественной правовой системы, за рубежом данный институт охватывает своим действием не только публичную сферу, но и частный сектор. К примеру, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию предусматривает ответственность за активный и пассивный подкуп в частном секторе [2], Конвенция ООН против коррупции обязывает каждое государство – участника принимать меры по предупреждению коррупции в частном секторе [3]. В то же время нельзя не отметить, что в последнее время Россия предпринимает попытки по урегулированию конфликта интересов в бизнесе, что находит свое отражение в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. [4], где отмечается что «борьба с коррупцией ведется не только в органах государственной власти, но и в государственных учреждениях, оказывающих социальные услуги населению, и в связанных с государством крупных хозяйственных структурах (естественных монополиях)».

Вместе с тем эти положения не получили своего должного нормативного закрепления, что объясняется историческими традициями Российского государства видеть проблему коррупционных правонарушений исключительно в сфере государственного аппарата. Поэтому в юридической науке найдется немного работ, посвященных правовым средствам профилактики и противодействию коррупции в частном секторе [5, с. 152–199]. Необходимо также отметить, что некоторые нормативные правовые акты, регламентирующие институт урегулирования конфликта интересов в частном секторе,

страдают пробельностью. В частности, признавая конфликт интересов при совершении сделок, законодатель не распространяет правила урегулирования конфликта интересов в организациях при выполнении юридически значимых действий, заключении актов управления и т. д. Более того, для каждой организационно-правовой формы, а иногда и для отдельных организаций (государственных корпораций) устанавливаются свои собственные правила о совершении сделок, в т. ч. сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. Вообще, как отмечают А.В. Габов и А.Е. Молотников, «законодательство о сделках, в совершении которых имеется заинтересованность, страдает формализмом в том смысле, что охватывает конфликт интересов только тех лиц, которые формально замещают должности в органах управления (и могут не иметь отношения к распределению имущественных благ), но могут совершенно не регулировать конфликт интересов обычных работников, в сферу деятельности которых как раз входит принятие решений об их распределении» [5, с. 167].

Однако несмотря на то, что законодатель сосредоточил внимание на конфликте интересов в сфере публичной службы, сам механизм реализации данного института не совсем отлажен и проработан до конца. Так, в нормативных правовых актах, регулирующих деятельность государственных и муниципальных служащих, не раскрыто полностью понятие личной заинтересованности. Под последней понимается исключительно получение денежных и материальных выгод, тогда как выгода может иметь и нематериальный характер, например, в виде продвижения по службе в связи с «особыми» отношениями с лицами, уполномоченными решать подобные вопросы. Закон устанавливает, что личная заинтересованность может быть как прямой, так и косвенной. Вместе с тем неясно, что следует понимать под последней [6, с. 29].

По-прежнему на законодательном уровне отсутствует перечень причин и условий, способствующих возникновению конфликта интересов; типовых конфликтных ситуаций; механизмы ограничения или отказа от личных интересов, приводящих либо способных привести к конфликту интересов; критерии оценки эффективности разрешения конфликтных ситуаций и т. д. [7, с. 19]. Кроме того, ни один год научное сообщество обращает внимание на необходимость усовершенствования механизма урегулирования конфликта интересов. В частности, некоторые исследователи предлагают придать императивный характер решениям комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов [8, с. 78]. Вместе с тем данные комиссии не обладают государственно-властными полномочиями. Как отмечает С.Н. Дубик, «по сути они являются общественными органами, призванными быть, с одной стороны, проводниками... мер по противодействию коррупции и способствовать формированию атмосферы неприятия коррупционного поведения. С другой стороны, на эти комиссии возлагаются функции консультативного и совещательного органа...»

по выработке управленческих решений в сфере противодействия коррупции» [9, с. 361].

Кроме того, недостаточно полно урегулированы обязанности государственных и муниципальных служащих по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. К примеру, ч. 7 ст. 11 Федерального закона «О противодействии коррупции» предусматривает обязанность государственного или муниципального служащего «в целях предотвращения конфликта интересов передать принадлежащие ему ценные бумаги (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством». Вместе с тем юридическая практика свидетельствует о том, что зачастую отмеченное имущество передается родственникам государственного или муниципального служащего или иным лицам, что до конца не исключает возможность возникновения личной заинтересованности у государственного или муниципального служащего, поскольку последние по-прежнему остаются собственниками перечисленного имущества и могут принимать меры по его защите и даже приумножению.

Поэтому представляется необходимым реформирование отечественного законодательства с учетом отмеченных пробелов и недостатков. Кроме того, не мешало бы законодателю обратить внимание на опыт других стран в урегулировании конфликта интересов среди должностных лиц. Так, названный институт за рубежом, например в Хорватии, закрепляется в отдельном законе, где детально регламентируются понятия «конфликт интересов», «чиновники», закрепляются перечень должностей, на который нормативный правовой акт распространяется, принципы поведения чиновников при исполнении своих обязанностей, запреты во время службы, правила получения подарков на службе, членство в других организациях и взаимоотношения с иными субъектами, способными повлиять на исполнение должностных обязанностей [8, с. 79]. Вместе с тем в современных условиях нашей стране не требуется принятие еще одного нормативного правового акта. Вполне достаточным было бы внесение изменений и дополнений в действующее законодательство, которыми бы давалось точное определение понятий «личная заинтересованность», «конфликт интересов», касающиеся не только публичной, но и частной сферы правоотношений; определялся конкретный перечень должностных лиц, способных повлиять на принятие решения и стать причиной конфликта; устанавливался бы перечень причин и условий, способствующих возникновению конфликта интересов; типовых конфликтных ситуаций; определялись бы сроки информирования о ситуации конфликта интересов; механизм ограничения или отказа от личных интересов, приводящих либо способных привести к конфликту интересов; критерии оценки эффективности разрешения конфликтных ситуаций; порядок урегулирования конфликтных ситуаций; а также предусматривались бы конкретные меры юридической ответственности за невыполнение обязанностей по предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

мирования о ситуации конфликта интересов; механизм ограничения или отказа от личных интересов, приводящих либо способных привести к конфликту интересов; критерии оценки эффективности разрешения конфликтных ситуаций; порядок урегулирования конфликтных ситуаций; а также предусматривались бы конкретные меры юридической ответственности за невыполнение обязанностей по предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52-1. Ст. 6228.
2. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию ETS № 173, Страсбург, 27 января 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.
4. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.
5. Габов А.В., Молотников А.Е. Гражданско-правовые средства противодействия коррупции в бизнесе // Правовые средства противодействия коррупции. М.: Юриспруденция, 2012. С. 152–198.
6. Чаннов С.Е. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов на государственной и муниципальной службе: новеллы антикоррупционного законодательства // Административное право. 2009. № 2. С. 19–29.
7. Братановский С.Н., Зеленев М.Ф. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе как объект антикоррупционного контроля // Государство и право. 2012. № 6. С. 16–23.
8. Мифтахова А.М. К проблеме урегулирования конфликта интересов на государственной службе: «пошаговый» алгоритм // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 1. С. 75–81.
9. Дубик С.Н. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов на государственной и муниципальной службе // Коррупция: природа, проявления, противодействие. М.: Юриспруденция, 2012. С. 349–362.

NON-ADMISSION OF CONFLICT OF INTERESTS AS MEANS OF PROPHYLAXIS OF ANTICORRUPTION OFFENCES

© 2017

*I.I. Gerbekov, judge
Supreme Court of Karachaevo-Cherkessk Republic, Ust-Dzheguta (Russia)*

Keywords: conflict of interests; corruption; personal interest; duty; government service.

Abstract: The legal aspects related to the concept of conflict of interests as facilities of prophylaxis of anticorruption offences are analysed in the article. Blanks and lacks of home anticorruption legislation are distinguished, changes are offered in normative legal acts.

**ПОБЕГИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ,
ИЗ-ПОД АРЕСТА ИЛИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ
И МЕРЫ ПО ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ**

© 2017

С.Э. Герман, студент Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: преступление; осужденный; интересы правосудия, причины и условия совершения побегов из мест лишения свободы.

Аннотация: В статье рассматриваются причины побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи; анализируется проблематика исследуемого преступления, и предлагаются меры по их предотвращению.

Несмотря на вполне понятный профессиональный интерес работников уголовного розыска и сотрудников ФСИН к случаям побегов из советских лагерей и пенитенциарных учреждений Российской Федерации эта тема по-прежнему остается малоизученной и непубличной. Вся информация о совершенных побегах почерпывается из кинематографической продукции и художественной литературы, создаваемых на основе произвольно надерганых и недостоверных фактов, из рассказов лиц, ранее отбывавших наказание, а также из мемуаров сотрудников уголовного розыска и прокурорских работников, зачастую лишь косвенно имевших отношение к расследованию данного вида преступлений.

В результате на свет появляются эмоциональные, но недостоверные произведения весьма сомнительных «знатоков» преступного мира, которые зачастую несут ложную информацию, изобилуют неточностями и ставят неверные акценты.

Это вполне объяснимо, потому как в советское время основная часть документов, касающаяся побегов, была засекречена или отнесена к разряду «для служебного пользования», а официальные статистические выкладки и справочно-отчетные материалы были недоступны.

Сегодня большая часть этих документов открыта для широкого доступа. В результате появилось множество серьезных научных работ, статей, монографий на темы исследования пенитенциарной системы.

Причины побегов из мест лишения свободы и меры по их профилактике освещались в работах О.В. Мазура, А.Н. Волобуева, К.В. Мазняка, В.К. Сауляка, Ю.К. Шевелева, В.Е. Квашиса, В.И. Егорова, Г.Ф. Хохрякова, О.Б. Борисовой, побег из изоляторов временного содержания исследовались С.З. Шамариным, из лесных ИТУ – Г.Г. Слободянюком, из воспитательных колоний для несовершеннолетних преступников – Л.В. Перцовой и другими учеными.

Все научные работы данных авторов уникальны с точки зрения их глубины, объема и осмысления материала. Тем не менее представляется целесообразным не только написать исследование о побегах, но и представить новое видение причин их совершения и методов профилактики, осветить проблемные вопросы с иной точки зрения, возможно отличающейся от взглядов профессиональных сотрудников уголовно-исполнительной системы России.

Как известно, местом отбывания наказания или заключения под стражу кроме мест лишения свободы или предварительного заключения считаются также и места, где осужденный либо подследственный временно находится в связи с необходимостью производства следственных действий, судебного разбирательства, конвоирования. Ими могут быть и различные транспортные средства, используемые для этапирования спецконтингента к месту отбывания наказания, в суд, из камеры или кабинета следователя, прокурора или лица, производящего дознание.

Стремление осужденного покинуть место отбывания наказания путем совершения побега само по себе не содержит общественной опасности, но влечет много-

численные и весьма тяжкие последствия. Данный вид преступления препятствует осуществлению правосудия, подрывает авторитет государства, нарушает принцип неотвратимости наказания. Кроме того, вызывает обеспокоенность граждан и неверие в то, что государство способно обеспечить их безопасность.

Побеги осужденных из мест лишения свободы оказывают отрицательное воздействие на других заключенных и служат примером для подражания, дезорганизуют работу исправительных учреждений.

Опасность заключается также в действиях, сопутствующих совершению побега, а именно: причинение насилия или применения угроз в отношении сотрудников учреждения, завладение транспортным средством или оружием, одеждой или форменным обмундированием, деньгами и необходимыми документами.

Как правило, на совершение побегов идут наиболее решительные и опасные осужденные, а также лица, психологически готовые преступить грань, за которой уже нечего терять. Совершая побег, они понимают, что своими действиями обрекают себя на нелегальное положение, и чтобы выжить изначально дают себе установку на совершение любого, даже самого тяжкого преступления.

Так, летом 1993 года в исправительной колонии ух 16/6 г. Омска не вернулся из отпуска осужденный К., отбывавший наказание за совершение кражи. В ночь перед возвращением в колонию он решил совершить побег, для чего убил сотрудницу медсанчасти С., с которой его связывали близкие отношения, завладев ее автомобилем и деньгами.

Лица, совершившие побег, вынуждены жить на нелегальном или полунелегальном положении, и поэтому обычно единственным источником их существования является доход от совершения преступлений. Практика показывает, что вновь совершаемые преступления, как правило, более тяжкие, чем те, за которые они были осуждены в прошлом.

Любой побег из тюрьмы – это всегда чрезвычайное происшествие, нарушающее нормальную работу пенитенциарных учреждений, неизбежно вызывая при этом рост количества нарушений режима. Усложняется процесс охраны осужденных, поскольку приходится выделять из числа сотрудников поисковые группы и проводить дополнительные режимно-профилактические мероприятия в целях исключения подобных эксцессов.

Побеги были всегда. Осужденные и подследственные совершали побеги из таких мест, содержание в которых не оставляло им никакого шанса выжить. Лица, обвиняемые в совершении преступлений, бежали из неприступных крепостей, острогов, сибирской каторги, лагерей системы ГУЛАГ. Эта тенденция сохраняется и в наше время. Несмотря на гуманизацию пенитенциарной системы современной России из исправительных учреждений и следственных изоляторов по-прежнему совершаются побеги.

Что побуждало людей преступивших закон вновь ставить себя «вне закона» и идти хоть и в подготовленный, но предельно рискованный побег, который был чре-

ват как дополнительным сроком наказания, так и причинением увечья либо смерти при задержании?

С царской каторги политические заключенные бежали по идеологическим соображениям, для того, чтобы продолжить революционную деятельность. Из советских лагерей – по причине невыносимой жизни, когда непосильный труд, голод, холод и избиения лагерной охраны подводили жизнь заключенного к последней черте. Уголовники, бытовики и осужденные по политическим статьям бежали от безысходности, в надежде добраться до большой земли, или просто до людского жилья, чтобы умереть свободным.

С демократизацией пенитенциарной системы в Российской Федерации и смягчением условий отбывания наказания изменились и мотивы, толкающие на побег. Почти исключены случаи, когда причиной побега становился голод или невыносимые условия содержания.

В настоящий момент, по мнению О.В. Мазура, «первопричиной совершения побега из мест лишения свободы является криминогенная направленность личности осужденного, так как именно она формирует и мотивирует осужденного на совершение преступления» [1, с. 168].

Второй причиной, по мнению Г.Ф. Хохрякова, является общность интересов осужденных в условиях изоляции от общества. Вследствие этого умозаключения причины совершения побега можно классифицировать на две группы: криминогенная направленность личности и сложившаяся ситуация и обстановка. Именно это взаимодействие представляет собой прямую причину преступления [2, с. 305].

Но, несмотря на авторитетность данных суждений, О.В. Мазур полагает, что 43 % осужденных по месту отбывания наказания характеризуются положительно и, соответственно, отрицательно характеризующихся – 57 % [1, с. 298].

Таким образом, можно сделать вполне обоснованный вывод, что склонность к совершению побегов из мест лишения свободы является прерогативой не только злостных нарушителей режима содержания, но и осужденных, вставших на путь исправления.

Как представляется, комплекс причин, побуждающих осужденного на побег, можно разделить на следующие.

Чаще всего основной причиной побега является нежелание отбывать наказание в виде лишения свободы.

В качестве второстепенных можно рассматривать следующие причины:

- 1) стремление решить проблемы близких людей, родственников, друзей, оставшихся на свободе;
- 2) психологические проблемы, связанные с однообразием и рутинной находкой в неволе;
- 3) конфликтные отношения с другими осужденными и возникшая в связи с этим опасность угрозы жизни, здоровью и достоинству осужденного;
- 4) конфликт с администрацией исправительного учреждения;
- 5) желание реализовать агрессивные намерения по отношению к лицам, имеющим отношение к аресту осужденного лица – сотрудникам правоохранительных органов, сообщникам, потерпевшим, свидетелям, неверным супругам.

То есть стремление осужденного совершить побег можно расценивать как закономерное явление, имеющее различные причины.

Кроме того, совершению побегов способствуют упущения в деятельности исправительных учреждений, недостаточная изученность личности каждого осужденного, неудовлетворительное несение службы контролерским составом дежурной смены, личным составом караула, плохо организованная оперативная работа по выявлению преступных намерений осужденных, недоработки и просчеты в профилактической работе с осужденными, неорганизованность подразделений и служб,

недостатки в оборудовании инженерно-технических средств охраны и надзора за осужденными.

Также при рассмотрении условий, способствующих совершению побегов необходимо обратить внимание на отношение администрации исправительных учреждений к вопросу о предоставлении осужденным права передвижения без конвоя или направлении их для дальнейшего отбывания наказания в колонию-поселение. Как правило, положительное решение принимается формально, без учета личности осужденного, а исходя только из производственной необходимости и профессиональной квалификации осужденного.

Версия формального подхода администрации учреждения при рассмотрении данного вопроса является приоритетной, поскольку около 48,6 % побегов из мест лишения свободы совершается осужденными этой категории и подобные инциденты происходят в системе ФСИН регулярно. Особенно часто случаются побеги из колоний-поселений. Это не составляет никакого труда, потому как при побеге осужденные просто покидают место отбывания наказания, не встречая никакого противодействия. И это не всегда лица, осужденные за малозначительные преступления – поскольку законодательство позволяет переводить на поселение осужденных, хоть и совершивших тяжкие преступления, но вставших на путь исправления.

Так, 28 декабря 2014 года из колонии-поселения в Ульяновской области совершил побег 33-летний осужденный Н. С 2001 года он отбывал 17-летний срок за убийство, разбой и поджог. На поселение его перевели в 2013 году.

При задержании Н. объяснил сотрудникам ФСИН, что узнал об измене жены и совершил побег, чтобы отомстить ей.

Все вышеперечисленные факторы являются наиболее распространенными в учреждениях уголовно-исполнительной системы и чаще всего способствуют совершению побегов.

Как правило, почти никогда не бывает случайных неподготовленных побегов, совершаемых из исправительной колонии, следственного изолятора либо при этапировании осужденного.

Практически всегда совершению данного преступления предшествует долгая и кропотливая подготовительная работа, зачастую с подкупом должностных лиц или использованием технических средств. Так в июле 1995 года из следственного изолятора «Матросская тишина» совершил побег подследственный Александр Салоник. В осуществлении побега ему помогал один из контролеров, сержант внутренней службы Сергей Меньшиков, который по официальной версии был специально внедрен в тюрьму некой влиятельной преступной группировкой и после выполнения поставленной задачи ликвидирован.

В марте 2012 года из колонии строго режима ИК № 17 (пос. Шексна) УФСИН России по Вологодской области, совершил побег 35-летний осужденный Алексей Шестаков, сообщники которого впервые в истории российских побегов использовали вертолет.

Как предотвратить побеги из мест лишения свободы?

Одним из способов по-прежнему является ужесточение наказания за их подготовку и совершение. Но вместе с тем существующая проблема в данной области никуда не денется. Побеги были, есть и вероятнее всего будут продолжаться до той поры, пока человечество не придумает для наказания преступников что-нибудь более эффективное, чем тюрьма.

Для того чтобы изменить создавшуюся ситуацию, необходимо глубокое изучение складывающейся ситуации, нужны комплексный и системный подходы, а также коррекция криминогенного мышления осужденных.

Для этой цели необходимо проводить индивидуальную профилактическую работу с каждым из осужденных и с привлечением профессиональных специалистов-психологов.

План мероприятий должен строиться на основании оперативной информации о каждом из осужденных. Необходимо всестороннее изучение личности осужденного, определение его иерархического места в криминальной среде и отношения к ней. А также из кого состоит его близкое окружение, осуществляется ли связь с родственниками, личностные характеристики, привычки, склонности, слабые и сильные стороны, играющие роль мотивирующих факторов, поведение осужденного и его реакция на происходящее в стране, учреждении, отряде, бригаде. Полученная информация дает основание для составления психологического портрета осужденного и осуществления последующих предупредительных мероприятий. Необходимо особо отметить, что полнота и достоверность полученной информации имеют решающее значение.

При проведении психологической диагностики лиц с четкой криминогенной установкой, нацеленной на совершение побегов и иных преступлений в местах лишения свободы, в первую очередь необходимо обращать внимание на осужденных возрастной категории 16–35 лет с длительными сроками наказания, с хорошей физической подготовкой, криминальным прошлым, имеющих связи в преступном сообществе. Существенным признаком будет являться наличие опыта побегов из детских домов, интернатов, армейских подразделений, а также нахождение в стрессовой ситуации и пониженная способность к адаптации.

Для выявления таких лиц необходимо применять современные технологии, способные на высококачественном, профессиональном уровне очертить предварительный круг лиц, представляющих опасность. Одной из таких технологий является профайлинг (от англ. *profile* – профиль) – система предотвращения противоправных действий путем профилирования, что означает выявление потенциально опасных лиц путем оперативной невербальной диагностики.

Технология профайлинга – это ответы на простейшие вопросы, позволяющие респондентам без затруднений ответить на них, а сотрудникам ФСИН выявить нестандартные реакции опрашиваемых лиц. Эта технология проста, имеет в своем содержании небольшое количество стандартных типов поведения, и уже достаточно хорошо зарекомендовала себя.

Кроме того, в свете масштабной реформы пенитенциарной системы России необходимо внедрение современных технологий, таких как различные детекторы лжи, полиграфы, анализаторы лжи по голосу, которые достаточно эффективны и удобны в применении при обнаружении противоправных намерений.

В случае обнаружения у осужденного реакций, свидетельствующих о наличии у него признаков, указывающих на возможность совершения побега, с ним необходимо наладить психокоррекционную работу, направленную на такую организацию процесса исправления, чтобы с помощью индивидуального психотерапевтического воз-

действия подавлять механизмы психологической защиты осужденного, вырабатывая у него адекватную самооценку, изменяя самосознание в части раскаяния и принятия наказания как заслуженной кары за совершенное преступление.

К проведению индивидуально профилактической работы с осужденными должны быть привлечены наиболее подготовленные и обученные сотрудники, обладающие знаниями, а также опытом в области педагогики и психологии.

В случаях, не требующих отлагательств, в целях предотвращения побега, а также действий по дезорганизации работы исправительного учреждения и недопущения возможности негативного влияния на других осужденных, лица, отрицательно воздействующие на других осужденных, должны быть изолированы от общей массы.

Лица, склонные к совершению побегов, в обязательном порядке должны быть поставлены на оперативный профилактический учет. За ними должен осуществляться особо строгий контроль с регулярной отметкой у дежурного помощника начальника колонии в дневное время и проверкой нарядом дежурной смены на спальном месте в ночное время.

Спальные и рабочие места таких лиц необходимо размещать у входа в спальное и производственное помещение, им не может быть предоставлено право на отпуск с выездом за пределы учреждения, работа за территорией исправительной колонии или в ночное время, а также работа с использованием самодвижущихся механизмов и агрегатов.

При заступлении на дежурство и проведении инструктажа вся дежурная смена в обязательном порядке должна быть ознакомлена со списком данных лиц. Фотографии лиц, склонных к совершению побегов, должны располагаться в комнате дежурного помощника начальника колонии на видном месте.

Меры администрации исправительного учреждения по предупреждению побегов осужденными должны быть комплексными, с привлечением и задействованием всех служб, отделов и сотрудников учреждения. Упущения в работе или формальный подход одного подразделения сводят на нет добросовестную работу остальных служб учреждения. В предотвращении побегов необходимы совместные и слаженные действия всех сотрудников учреждения, а также неукоснительное соблюдение ими всех служебных инструкций и наставлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мазур О.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с побегами из мест лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1997. 219 с.
2. Хохлаков Г.Ф. Криминология. М.: Юристъ, 1999. 511 с.

ESCAPING FROM CAPTIVITY, FROM ARREST OR GUARDS AND POSSIBILITIES HOW TO PREVENT THAT SITUATIONS

© 2017

S.E. Hermann, student of law Institute
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: crime; convicted; interests of justice; causes and circumstances of escape from prison.

Abstract: The following article deals with the reasons of escaping from places of deprivation of liberty. It analyses the problems of the crime and provides possibilities of prevention.

П.А. Давыдов, кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии, Астрахань (Россия)

Ключевые слова: судебная система; независимость судебной власти; статус суда; Конституционный суд; юстиция; реформа судебной власти.

Аннотация: Происходящие серьезные преобразования в современной общественной жизни должны динамично развиваться в сфере судебной деятельности. Ответственность судей, процедуру приобретения статуса судьи необходимо пересмотреть с учетом современных потребностей гражданского общества.

Современное правовое государство не может и не должно существовать без независимой и сильной системы судебных органов. Указанная система – это ядро, защищающее правовыми средствами прежде всего установленное в государстве право, а также интересы общества в целом, а также физических и юридических лиц.

Единственным источником власти в РФ Конституция признает многонациональный народ нашего государства. Однако участие народа в формировании судебной системы у нас является опосредованным и очень мало значительным. Если быть откровенными, то большинство населения просто не ориентируются в этой процедуре и полностью абстрагированы от данной проблемы, имеющей место быть. Указанное состояние, конечно, влияет пагубно на развитие всех институтов судебной системы. Как показывает мировая практика, только активно принимающее в правовой жизни страны участие гражданское общество способно самостоятельно эволюционировать и влиять на государство и его важные элементы. В нашем государстве государство всегда играло особую и доминирующую роль в жизни граждан. Сегодняшнее постоянное, непродуманное и дискретное реформирование судебной системы констатирует, что государство пока не готово на реальное, а не декларативное разделение властей, и придание в первую очередь судебной системе нового витка именно в эволюции, совершенствовании и, как логичного итога, самостоятельности в принятии решения по любому делу.

Последние 15–20 лет перед государством объективно стояла сложная задача, по формированию единой вертикали государственной власти. В стране шла активная борьба с бандитизмом, сейчас проводится активная антикоррупционная политика для создания еще более эффективного аппарата управления такой великой и многогранной страной – РФ. Однако, полагаем, что в данной ситуации, в концепции государственного понимания системы разделения властей, происходит самообман и подмена базисных понятий. В частности, невозможно развивать институты правового государства при явной доминанте в системе разделения властей именно исполнительной ветви. Сейчас в уголовном судопроизводстве ситуация такова, что практически только позиция обвинения учитывается при рассмотрении дел. Подобная ситуация не совершенствует судебную систему. Речь не идет о каком-то конкретном примере, в целом практически каждое возбужденное уголовное дело заканчивается обвинительным приговором. Из данного тезиса, основанного на статистических данных, следует, что суды оценивают только одну позицию, органы следствия и дознания никогда не ошибаются, а прокуратура, согласна со всеми направляемыми в это ведомство обвинительными заключениями. Возможна ли подобная синхронность действий судебной и исполнительной власти в правовом государстве? Полагаем, что нет. Это не свидетельствует о том, что государство не принимает мер по оптимизации данной сферы правовой политики. Однако очевидно, что предпринимаемых мер недостаточно. В качестве

главного аргумента можно выдвинуть следующий тезис: «Несмотря на активно принимаемые государством меры по реформированию судебной системы, очевидно, что данная власть не просто находится в состоянии стагнации, она начинает планомерно деградировать, и как любая замкнутая системы саморазрушаться».

Несомненно, интересным сегодня является статус судов в системе органов охраны права. Ведь по сути, именно за ними законодательством закреплена основная правоприменительная деятельность. Однако юридическая ответственность судей и иных работников аппарата судебной системы завуалирована и недоступна для понимания уровня ответственности указанных субъектов за осуществляемую ими на постоянной основе правоприменительную деятельность. В частности, как справедливо указывается Д.А. Липинским, «под юридической ответственностью принято понимать юридическую обязанность соблюдения и исполнения требований, предусмотренных нормой права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом и поощряемом государством, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав материального, правового или личного характера, и их реализация» [1, с. 14]. Таким образом, юридическую ответственность можно разделить как на позитивную, так и на негативную. В свою очередь, ни непосредственно судьи, ни работники аппарата судебной власти не несут четкой, персональной, прямой ответственности за принимаемые ими судебные акты. В том числе и отсутствует проверка гражданским обществом деятельности судей.

В целом в РФ процесс построения судебной системы существенно затянулся. Отсутствуют реальные основы построения адекватной независимой судебной власти. В свою очередь, принципы формирования судебной системы, на наш взгляд, устарели и не отражают тех задач, которые ставятся перед судебной системой современным гражданским обществом. Рассуждая именно о юридической ответственности судей в целом, можно отметить, что они фактически выведены из состава субъектов юридической ответственности. Иммунитеты и гарантии, предоставляемые данным субъектам государством для обеспечения их независимости, фактически создают отдельную касту граждан, отделенных от общества и выведенных из числа лиц, несущих юридическую ответственность за свою профессиональную деятельность. В том числе и ответственность их как граждан перед законом очень призрачна. Да, в Уголовном кодексе РФ предусмотрены статьи, субъектами преступлений по которым могут выступать судьи, однако, на практике реальных инструментов контроля судей не имеется. Данные статьи фактически не работают. Кроме того, существует и ряд парадоксальных ситуаций, когда мы можем заключить, что и в гражданском судопроизводстве очень тяжело инициировать искомое производство не только в отношении судей, но и сотрудников суда.

Таким образом, мы видим, что все проходящие в государстве реформы судебной системы направлены на от-

деление суда от гражданского общества и все большую подчиненность судебной системы исполнительной власти. Да, существуют квалификационные коллегии судей в субъектах федерации, а также федерального уровня, но на практике общество ощущает, что судьи становятся кастой «неприкасаемых», они не подотчетны обществу, они закрыты, формы их ответственности непонятны и закрыты. Независимость судебной власти должна реализовываться через отделение судебной власти от законодательной и исполнительной, но у нас на практике сформирована система, ставящая суды в зависимость от двух других ветвей власти. Полагаем, что гражданское общество должно активнее участвовать в процессе формирования судебного корпуса. Судебная система, должна быть в целом ответственной перед гражданским обществом, так как именно его интересы должны защищать суды. Данная концепция отражает сущность правового государства. Ведь по сути, судебная власть – это единственный инструмент защиты прав граждан и юридических лиц от незаконных действий государства. Именно отсутствие реальной юридической ответственности членов судейского сообщества сегодня главная причина того, что общество перестало доверять судьям и не верит в их независимость.

Реформы, осуществляемые в судебной власти в последнее время, непоследовательны и не меняют концепции, выработанной еще в СССР, а может ли концепция правосудия, выработанная в социалистическом государстве, соответствовать, тем целям, которые стоят в государстве капиталистической формации, каким и становится РФ? Думаем, что ответ очевиден – не может. Доминанта государства в рыночных отношениях недопустима. Судья, конечно, должен иметь гарантии и иммунитеты, но они должны быть лишь на период его профессиональной деятельности, то есть в период, когда он не отправляет правосудия, он должен быть обычным гражданином, но с учетом той поведенческой сущности, которая приемлема для морального облика судьи. Европейский суд по правам человека неоднократно отмечал, что в РФ отсутствуют эффективные средства правовой защиты от незаконных действий государства. В частности, отмечалось, что имевший раньше место кассационный порядок обжалования судебных актов по уголовным и гражданским делам неэффективен. РФ в результате установило в гражданском и уголовном судопроизводстве апелляционный порядок, но как мы видим сегодня существенных изменений не произошло. На практике мы видим, что, как и раньше, вторая инстанция неохотно изменяет решения нижестоящих судов или исправляет их недочеты, а иногда и явные ошибки. Полагаем, что именно отсутствие реальной самостоятельности и независимости у конкретного судьи, как должностного лица, т. е. его ориентированность на систему, где он трудится, в итоге и создает неадекватность судебных актов реалиям. Ведь по существу, мы видим, что при отсутствии реальной юридической ответственности у судей перед гражданским обществом, у них имеется ответственность ведомственная, которая подчиняет их системе и делает не служителями права, а сотрудниками огромного бюрократического аппарата, ориентированного на исполнение статистических инструкций, на корню прерывающих самостоятельность судьи при принятии решения.

Вынуждены резюмировать, механизм формирования судейского корпуса, а также правовые основы деятельности судов при отправлении правосудия не создают достаточной независимости судов от исполнительной и законодательной власти. Если обратить внимание на опыт иностранных государств с сильной и независимой судебной системой, мы увидим, что подход к формированию судейского корпуса там, и у нас принципиально различен. Во многих государствах, во-первых, используется система выбора кандидатов, во-вторых,

они не могут быть выпускниками заочных отделений, в-третьих, диплом по юриспруденции кандидата должен быть с отличием, в-четвертых, это сдача специального экзамена, в-пятых, безупречная репутация кандидата. Очевидно, что принципы, используемые в государствах с более развитой правовой системой, чем у нас, в нашем государстве практически не применяются. Кроме того, не секрет, что в нашем государстве очень низок процент адвокатов, которые назначаются на должность судей, а в других государствах, наоборот, очень редки случаи, когда человек, не имеющий опыта адвокатской деятельности, назначается на должность судьи. В некоторых государствах лица не могут стать судьями, если не были адвокатами.

Объединение судов общей юрисдикции и Арбитражных судов не привело к унификации судебной системы, так как в виде альтернативы действует Конституционный суд РФ, решения которого в большинстве своем направлены на формирование судебной правовой политики, но изменило ли это правоприменение? Очевидно, что нет. В нашей стране роль Конституционного суд все же эфемерна, несмотря на его очень важный и весомый статус как субъекта формирования правовой политики, очевидным становится то, что данный орган неэффективно использует свое исключительное право на толкование Конституции.

В РФ предусматривается, что основной закон государства обладает высшей силой и подлежит непосредственному применению. Вынужден констатировать, что прямого применения Конституции в РФ судами практически не происходит. Полагаем, что панацеи от данной проблемы, как и иных очень важных проблем быть не может, но изменение ситуации возможно через изменения активности участия Конституционного суда в судопроизводстве по гражданским и уголовным делам.

В частности, речь идет о том, чтобы включить КС РФ в систему Верховного суда и в итоге сделать Конституционную коллегию, которая наряду с уже имеющимися функциями, рассматривала бы по жалобам граждан и иных субъектов вопрос о соответствии судебного акта Европейской конвенции по защите прав и свобод человека и гражданина, а также всеобщей декларации прав человека, и, конечно Конституции РФ. Полагаем, что данная система смогла бы решить ряд проблем и оптимизировать сущность Конституционного суда РФ.

Дискуссионным сегодня стал вопрос о возможности отнесения судов к правоохранительным органам, хотя полагаем, что они таковыми должны быть, так как именно охрана права в государстве должно быть их основной и единственной целью.

Однако в целом юридической ответственности судейского корпуса перед гражданским обществом, за выносимые ими акты сегодня в РФ не имеется. Полагаем, что суды входят по сути в выстроенную вертикаль власти, а это не создает их независимости и делает их ориентированными на защиту исполнительной и законодательной власти, что является негативным явлением, которое препятствует построению в России правового государства, а также существенно тормозит формирование активного гражданского общества. Ведь по сути, именно суды в соотвествии с действующим законодательством выносят правоприменительный акт, констатирующий окончательное правовое положение в правоотношении сторон по всем видам споров, а судебная защита своих прав является основной и базисной в правовом государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 400 с.

LEGAL RESPONSIBILITY OF MEMBERS OF THE JUDICIAL COMMUNITY

© 2017

P.A. Davydov, Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of State Legal Disciplines
Astrakhan branch of the Saratov State Law Academy, Astrakhan (Russia)

Keywords: judicial system; independence of the judiciary; the status of the court; the Constitutional Court; justice; judicial reform.

Abstract: Serious transformations taking place in modern social life, should develop dynamically and the sphere of judicial activity. The responsibility of judges, the procedure for acquiring the status of a judge, needs to be reviewed taking into account the contemporary needs of civil society.

**О НЕКОТОРЫХ ИНСТИТУТАХ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ
В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
И УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

© 2017

В.А. Затонский, кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
*Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России) в г. Саратове, Саратов (Россия)*

Ключевые слова: государственность; непосредственная демократия; правовая политика; муниципальная правовая политика; муниципальное правотворчество; правотворческая политика; референдум; правотворческая инициатива граждан.

Аннотация: В статье рассматриваются наиболее эффективные демократические средства, позволяющие повысить эффективность муниципальной правовой политики и укрепить отечественную государственность: всенародные обсуждения, правотворческая инициатива, общественные слушания, референдумы. Особое внимание уделено порядку осуществления правотворческой инициативы граждан.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Нынешняя ситуация на муниципальном уровне российской государственности характеризуется недостаточной урегулированностью многих отношений, процессов, явлений в поселениях. В значительном числе муниципальных образований существует ситуация, близкая к безвластию, когда власть формально есть, но она не ощущается людьми, реально отсутствует (можно сказать, существует виртуально). Такая ситуация – самая нежелательная для правовой политики государства. Ей не на что опереться, нечем подкрепить свои императивы. Попытки проводить ту или иную политику без правового обеспечения, как правило, также терпят провал по причине недостаточности нормативно-правовой базы, то есть скрепляющей правовой воли, выраженной в юридических нормах. Продолжать демократические реформы можно только с помощью и посредством конструктивной правовой политики.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор; выделение не разрешенных раньше частей общей проблемы. Научно-теоретическую основу исследования составили труды ученых-юристов, посвященные изучению механизмов выстраивания и реализации правовой политики в Российской Федерации (исследования С.В. Корсаковой [1], А.Н. Костюкова [2], А.П. Мазуренко [3], А.В. Малько [4], Н.И. Магузова [5], С.В. Полениной [6], В.А. Рудковского [7], О.Ю. Рыбакова [8] и др.), анализу форм участия граждан в управлении государством и обществом (работы С.А. Комарова [9], И.В. Ростовщикова [9], Л.А. Нудненко [10], И.В. Тепляшина [11], В.Е. Чиркина [12] и др.). Вместе с тем непосредственная проблема данной статьи – анализ основных институтов непосредственной демократии в контексте повышения эффективности муниципальной правовой политики и укрепления российской государственности – будучи поставленной в публикациях последних лет (в том числе в работах автора данной статьи), не получила основного изучения.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью статьи является общетеоретический анализ основных институтов непосредственной демократии (всенародных обсуждений, правотворческой инициативы, общественных слушаний, референдумов, научных и общественных экспертиз) в контексте повышения эффективности правовой политики на муниципальном уровне и укрепления отечественной государственности.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Выстраивание и реализация эффективной правовой поли-

тики, повышение тем самым эффективности российской государственности предполагает, прежде всего, достаточно высокий качественный уровень правотворчества, оперативно реагирующего на динамично изменяющиеся потребности общества. Такой подход позволит государству более широко и уверенно использовать правовые средства при исполнении своих функций, обеспечит стабильность деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления на основе верно определяемых приоритетов и соответствующих им правовых решений.

Важными формами формирования и реализации правотворческой политики в современной России должны стать всенародные обсуждения, общественные слушания, референдумы, научные и общественные экспертизы, иные формы непосредственного участия граждан, их объединений и организаций в правотворческом процессе. Закрепление такой практики в муниципальной политико-правовой жизни – важнейшая задача правовой политики государства в сфере местного самоуправления. При этом не просто гражданское участие, а постоянное взаимодействие населения и органов местной власти является незаменимым условием эффективного функционирования государственного правотворческого (и всего властного) механизма.

Власть тем сильнее, а следовательно, авторитетнее и эффективнее, «чем большее количество решений она способна предложить для собственной реализации. Усиление власти объективно происходит по мере увеличения степени свободы обеих сторон: и властной, и подвластной. Чем больше власть предлагает альтернатив для развития общества, тем она сильнее» [13, с. 20]. Следовательно, государство должно расширять сферу социально значимой деятельности (как своей, так и других социальных субъектов). Чем более ограничен круг и субъектный состав такой деятельности, тем менее зрелой и устойчивой является государственная власть.

Муниципальные органы власти при формировании нормативного массива имеют возможность более оперативно и целенаправленно использовать разнообразные формы вовлечения населения в управление государством. Неслучайно А.Н. Лебедев, изучая природу федерализма, делает вывод о том, что в демократических федеративных государствах соответствующие субъекты учреждаются не только в интересах интеграции территорий и децентрализации государственной власти, но также и в целях более результативной реализации принципов демократического властвования, всестороннего развития территорий, охраны и защиты прав граждан [14, с. 16]. Местное самоуправление является самым эффективным механизмом, способным обеспечить достижение этих целей.

Государственное регулирование политико-правовой активности граждан на муниципальном уровне призвано не только её стимулировать, но в необходимых случаях и ограничивать, поскольку «компетенция» форм такой активности вовсе не безгранична. Так, Конституционный Суд РФ в своём постановлении от 30 ноября 2000 г. по поводу обращения Государственной Думы РФ о признании неконституционными законов Курской области, дававших возможность проведения референдума по вопросу об упразднении в области местного самоуправления, констатировал, что местное самоуправление – это необходимая форма реализации власти народа, одна из незыблемых основ конституционного строя России, что граждане имеют право на участие в осуществлении публичной власти в рамках муниципального образования, но, при этом, «как само муниципальное образование, так и право проживающих на его территории граждан на осуществление местного самоуправления возникает на основании Конституции Российской Федерации и закона, а не на основании волеизъявления населения муниципального образования» [15].

Вывод Конституционного Суда РФ о невозможности (неконституционности) самоликвидации местного самоуправления на определённой территории имеет принципиальное значение. В его основе лежит понимание сложной природы местного самоуправления, в конституционной характеристике которого сочетаются как институты прав и свобод граждан, так и организации публичной власти. Государство не может быть непричастным к организации местного самоуправления как публичной власти. Смысл развития местного самоуправления не состоит «в движении к полной самоорганизации или, что в принципе одно и то же, абсолютной отдалённости его от государства... Местное самоуправление никогда не будет полностью отделено от государства, даже если провозглашать это отделение как конституционный принцип. Пока государство существует – а перспективу его перерастания в общественное самоуправление в ближайшем или отдалённом будущем все научные теории, кроме марксистской, отрицают, – оно *в той или иной мере* (курсив мой. – В.З.) будет присутствовать в организации местного самоуправления» [13, с. 81].

Правотворчество представляет собой такую сферу политико-правовой жизни, в которой может и должен наиболее эффективно функционировать механизм «гражданин – власть». Такое, весьма ценное для укрепления государственности, взаимодействие наиболее реально на местном уровне, где власть приближена к населению и где каждый имеет право принять участие в этих отношениях. Нельзя не согласиться в этой связи с Н.С. Бондарем в том, что специфика муниципальной власти, по сравнению с властью государственной, проявляется в повышенном значении институтов непосредственной демократии [16, с. 57]. В принципиальном понимании удельный вес (масштаб) решения местных вопросов местного на основе непосредственного волеизъявления населения территории должен быть более высоким в сравнении с таким же решением вопросов на государственном – федеральном либо региональном – уровне. В этом (как в частности, так и в особенности) выражается «корневой» характер муниципального властвования, его характеристика как управленческого воздействия, в максимальной степени приближенного к населению и в определённом смысле сливающегося с ним.

Роль граждан в процессе создания правовой базы местного самоуправления весьма существенна, поскольку в общественном мнении, политико-правовой активности проявляется действие идеолого-психологического, социально-культурного, а через них – и всех иных основных социальных факторов нормотворческой деятельности. Как бы ни были развиты в том или ином государстве институты представительной демократии, как бы эффек-

тивно ни работал парламент, подлинное народовластие обязательно предполагает активное функционирование наряду с представительной демократией также институтов непосредственной демократии в самых различных формах и на разных уровнях.

Наиболее действенным средством определения воли народа, совершенствования правотворческой деятельности и укрепления государственности является референдум. Именно таким путём была принята в 1993 г. ныне действующая Конституция РФ. Между тем авторитетные западные специалисты по-разному воспринимают референдум, неоднозначно высказываются о его политико-правовой ценности. Наряду с авторами, рассматриваемыми в основном позитивные качества референдума (Г. Гарнер, Т. Флейнер, М. Йовичич), много других, рассматривающих референдум как бесполезную, неприемлемую форму народовластия (Ф.О. Огг, Х. Берд). В ряде развитых государств (в Великобритании, например) референдум вообще неизвестен [6, с. 191]. Если учесть, с каким вниманием, а порой и трепетом относятся некоторые весьма влиятельные отечественные политические деятели, учёные, выступающие творцами правовой политики, к опыту так называемых развитых демократий, становится понятным немаловажное значение изложенного обстоятельства.

Да, они, видимо, на самом деле развитые и их устраивает сложившаяся веками система народовластия. Народовластия по-английски, по-американски, по-немецки и т. д. Наша же – российская государственность, как показывает и анализ далёкой и не столь отдалённой истории, и политико-правовая практика последних десятилетий, не в состоянии быть достаточно действенной без конкретных форм участия граждан в государственном и общественном управлении. На наш взгляд, в российских условиях значение референдумов как одной из форм реализации непосредственного народного властвования и совершенствования правотворчества сложно переоценить. Во всяком случае, её не стоит недооценивать. И если по вопросу целесообразности общенациональных референдумов можно сомневаться, то не признавать ценность такого рода процедур на муниципальном уровне вряд ли разумно.

В нашей стране имеется конкретный опыт (пусть и неидеальный) функционирования некоторых механизмов непосредственной демократии. В частности, такой механизм как способ правотворчества активно использовался путём проведения всенародных обсуждений важнейших законопроектов в годы советской власти вплоть до начала 90-х гг. XX века. Такие мероприятия проводились регулярно в 60–80-х гг.

Мы несколько не погрешим против истины, если скажем, что обсуждение законопроектов об изменениях и дополнениях Конституции СССР и о выборах народных депутатов СССР (1988 г.) буквально взорвало общественность. На поверхность были подняты самые наболевшие, самые злободневные проблемы, наступило непривычное для общества время, время ломки прежних догм и поиска нового, время нестандартных решений. После публикации законопроектов всё бурлило, приходило в движение. Пресса, телевидение, радио некогда, пожалуй, не переживали ещё такого поразительного накала борьбы мнений, столкновения интересов различных слоёв и групп нашего общества. О чём это говорит? Люди, наконец-то получили реальную возможность практически участвовать в организации политико-правовой жизни страны. Они поняли это и активно включились в решение проблем. Более 300 тыс. замечаний и предложений было внесено по законопроектам в ходе всенародного обсуждения. В итоге в законопроекте о выборах народных депутатов СССР были изменены 32 из 62 статей, а в законопроекте об изменениях и дополнениях Конституции СССР – 26 из 55 [17, с. 3–4].

Разве можно умалчивать об этом факте? Разве не следовало проанализировать уроки, которые преподало нам всенародное обсуждение?

В 90-х гг. практика всенародных обсуждений постепенно стала приобретать всё более формальный характер, превратившись, в конце концов, в элементарное информирование граждан о подготавливаемых для принятия законах или управленческих решениях, а впоследствии такая практика и вовсе была прекращена. А зря, поскольку проведение всенародных обсуждений даёт осуществляющим правотворческую деятельность органам государства, местного самоуправления уникальную возможность не только обобщенно увидеть мнение граждан по той или иной реально существующей проблеме, но и провести его количественную и качественную обработку [6, с. 191–192].

Как справедливо отмечают В.Е. Чиркин, С.В. Поленина, с позиции легализации государственной власти процедура всенародного обсуждения проектов законодательных актов не имеет определяющего значения (для легализации значимо, чтобы такие акты принимал полномочный орган), но, в интересах легитимации, всенародные обсуждения законопроекта могут иметь решающее значение. Данный процесс внедряет в сознание граждан ощущение сопричастности в подготовке нормативного акта, убеждение в том, что определяемый им порядок реализует также их волю [6, с. 192; 18, с. 12].

Именно на уровне местного самоуправления может и должно в первую очередь получить развитие правотворчество, осуществляемое с непосредственным участием населения. Без достаточно массового участия, вошедшего в привычку, ставшего национальной традицией, обязательным элементом политико-правовой жизни, трудно рассчитывать на повышение эффективности отечественной государственности. Ценность форм правотворчества с участием населения и в том, что они формируют благоприятную среду для успешной правоприменительной деятельности.

Непосредственное народное правотворчество (референдумы), как и правотворчество органов местного самоуправления, на первый взгляд, не согласуются с пониманием правотворчества как разновидности государственного управления обществом. Но это неверное представление. Данная разновидность правотворческой деятельности (несмотря на ее «народность») выступает выражением руководящей государственной деятельности, поскольку осуществляется в пределах тех полномочий, которые предоставлены государством, в случаях и порядке, установленных законодательством государства. Это ещё раз подтверждает позицию о том, что хотя органы местного самоуправления формально не включены в систему государственных властных структур, по своей сути они осуществляют именно государственную власть, а не какую-то иную.

Ценной формой участия населения в реализации местного самоуправления выступает правотворческая инициатива граждан. В действующем законодательстве о местном самоуправлении данный вопрос решается иначе, чем прежде. В Федеральном законе от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ [19] речь шла о «народной правотворческой инициативе». В ныне действующем Федеральном законе о местном самоуправлении [20] данный институт непосредственной демократии обозначается как «правотворческая инициатива граждан». Если исходить из того, что субъектом местного самоуправления в конкретном муниципальном образовании является население, а не народ [13, с. 9–49], то такое наименование представляется более точно отражающим особенности субъекта этого права. Согласно Федеральному закону № 154-ФЗ субъектный состав правотворческой инициативы был представлен неопределённым количеством граждан – «населением». Последующий же Федеральный закон № 131-ФЗ закрепил

право выступать с такой инициативой за группами граждан, минимальная численность которых не может превышать 3 % жителей муниципального образования, обладающих избирательным правом.

Данный институт прямой демократии стал более определённым благодаря норме, в соответствии с которой проект муниципального правового акта, внесённый в порядке реализации инициативы граждан, должен быть обязательно рассмотрен органом или должностным лицом местного самоуправления, к компетенции которых относится принятие соответствующего акта, в течение трёх месяцев со дня его внесения. Согласно прежнему Федеральному закону № 154-ФЗ внесённый проект мог рассматриваться сколь угодно долгое время.

Правило об обязательном рассмотрении внесённого проекта «на открытом заседании с участием представителей населения» заменено в Федеральном законе № 131-ФЗ порядком, согласно которому представителям инициативной группы граждан должна быть обеспечена возможность изложения своей позиции при рассмотрении предложенного проекта. Причём это правило действует при рассмотрении проекта любым органом или должностным лицом местного самоуправления. Если документ рассматривается коллегиальным органом, то делается это на его открытом заседании.

Процедура осуществления правотворческой инициативы, согласно прежнему Закону, должна была регулироваться уставом муниципального образования. На деле эта норма многими муниципалитетами не реализовывалась, поскольку загромождала уставы регламентными нормами вполне справедливо считалось нецелесообразным. Данный закон, учитывая это обстоятельство, указывает на то, что процедура осуществления гражданами правотворческой инициативы устанавливается нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования.

Такой единый акт можно назвать «О порядке осуществления правотворческой инициативы граждан», а наиболее важными процедурными вопросами, которые должны быть отражены в данном правовом акте, могли бы стать следующие положения [21, с. 105–106].

1. Обязанность муниципальных органов и соответствующих должностных лиц оказывать содействие в оформлении гражданской правотворческой инициативы. Могут найти применение, например, такие формы, как консультации по просьбе инициаторов разработки законопроекта по вопросам соответствия его действующему законодательству, возможных финансовых затрат, связанных с его осуществлением, и др.

2. Для членов инициативной группы есть смысл закрепить возможность и установить процедуру их участия в законопроектной (или иной правотворческой) работе и принятия разработанного проекта в том органе, который наделен соответствующими полномочиями. В таком случае могут быть оперативно разрешены спорные моменты, достигнут компромисс, а в результате появится оптимальный как по форме, так и по содержанию правовой документ.

3. В четкой регламентации нуждается сам процесс гражданской правотворческой инициативы (регистрация, форма подписного листа для выдвижения инициативы, проверка данных листов после их заполнения, рассмотрение в органе местного самоуправления), а также порядок оформления результатов названного процесса.

4. Необходим механизм стимулирования правотворческой активности граждан, меры социальной защиты выдвинутых проектов и их авторов, система юридических, социальных, материальных, моральных и других гарантий.

5. Нужно чётко определить и закрепить перечень обязанностей СМИ (в том числе электронных) по обнародованию сути предложенных инициативных проектов

в сфере муниципальной правовой жизни. Необходимо также строгий учёт проектов, вносимых гражданами, на всех уровнях управления и самоуправления социальными процессами. Сбор, обобщение, анализ и оценка правотворчества с участием граждан должны осуществляться под постоянным контролем, носить систематический характер.

Учитывая специфику правоприменительного и правореализационного процессов в нашей стране, уместно предположить, что вполне реально отсутствие в ряде муниципальных образований документа, устанавливающего порядок реализации правотворческой инициативы граждан. Законодатель, предвидя это, установил, что в такой ситуации принятие и рассмотрение органом или должностным лицом местного самоуправления проекта муниципального правового акта, внесённого гражданами, осуществляется в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. России жизненно необходима такая система управления, которая в себе самой содержала бы механизм эффективности (политический, социальный, правовой). Таким механизмом, по убеждению автора, является процесс конструктивного взаимодействия и взаимовлияния личности и государства, опосредованного правом. В одном из своих Посланий Федеральному Собранию Российской Федерации, особо подчеркнув важность обеспечения преемственности государственной политики, Президент РФ в числе главных стратегических задач назвал «формирование дееспособного гражданского общества» и «строительство эффективного государства, обеспечивающего безопасность и достойную жизнь людей» [22].

Поэтому основным стратегическим направлением развития современной отечественной государственности является, с одной стороны, создание политико-правового механизма, способного надёжно обеспечивать такую основу конституционного строя Российской Федерации, как положение о правах человека как высшей ценности, а с другой, – выстраивание системы эффективного воздействия граждан на государство и его аппарат через институты гражданского общества. Такой механизм функционирования и развития российской государственности пока не создан, находится на этапе формирования. Государственность эффективна только тогда, когда налажено взаимовлияние институтов публичной власти и общества друг на друга. Только при таком условии в состоянии результативно функционировать стержневой механизм развития государственности – механизм взаимодействий в системе «сильное государство – дееспособное гражданское общество».

Дальнейшая изыскательская работа на данном исследовательском поле может принести весомые теоретические и практические результаты в плане закрепления в отечественной правовой жизни действенных механизмов эффективного функционирования институтов прямой демократии на муниципальном уровне и, как следствие этого, укрепления отечественной государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корсакова С.В. Муниципально-правовая политика в России. М.: Юрлитинформ, 2012. 344 с.
2. Костюков А.Н. Российская муниципально-правовая политика. М.: Юрлитинформ, 2012. 320 с.
3. Мазуренко А.П. Правотворческая политика и правотворчество. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 329 с.
4. Малько А.В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. 325 с.
5. Матузов Н.И. Право и политика: антиподы или союзники? // Правовая культура. 2014. № 4. С. 8–15; 2015. № 1. С. 11–25.
6. Поленина С.В. Правотворческая политика // Российская правовая политика. М.: Норма, 2003. С. 180–204.
7. Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2009. 336 с.
8. Рыбаков О.Ю. Право, отчуждение и согласие в современном Российском государстве. М.: Юрист, 2009. 248 с.
9. Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. СПб.: Юридический институт, 2002. 336 с.
10. Нудненко Л.А. Теория демократии. М.: Юрист, 2001. 96 с.
11. Тепляшин И.В. Формы участия граждан в управлении делами государства: классические, перспективные и допустимые // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 18–21.
12. Чиркин В.Е. Основы государственного и муниципального управления. М.: Норма, 2016. 384 с.
13. Гражданин, закон и публичная власть / под ред. А.Ф. Ноздрачева. М.: Норма, 2005. 368 с.
14. Лебедев А.Н. Статус субъекта РФ: основы концепции, конституционная модель, практика. М.: ИГиП РАН, 1999. 197 с.
15. По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области»: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П // Российская газета. 2000. 19 декабря.
16. Бондарь Н.С. Гражданин и публичная власть. Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М.: Городец, 2004. 352 с.
17. Редакционная статья // Человек и закон. 1989. № 3. С. 3–4.
18. Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. 1995. № 8. С. 10–18.
19. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ (ред. от 21 июля 2005 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 35. Ст. 3506; 2005. № 30-1. Ст. 3108. (Документ утратил силу с 1 января 2009 г. в связи с принятием Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ).
20. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ: ред. от 7 июня 2017 г. // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2017. № 24. Ст. 3476.
21. Нудненко Л.А. Новеллы Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года о непосредственной демократии // Право и политика. 2004. № 3. С. 28–36.
22. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. // Российская газета. 2007. 27 апреля.

**CONCERNING CERTAIN INSTITUTES OF FIRST-HAND DEMOCRACY
IN THE CONTEXT OF INCREASING THE MUNICIPAL LAW POLICY
EFFECTIVENESS AND REINFORCEMENT
OF THE RUSSIAN STATEHOOD**

© 2017

V.A. Zatonskij, candidate of history sciences,
associate professor of the chair of state and legal disciplines
Volga Region Institute (the brunch) of All-Russian State Juridical University
(RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice of the Russian Federation)
in Saratov, Saratov (Russia)

Keywords: statehood; first-hand democracy; law policy; municipal law policy; municipal law-making activity; law-making policy; referendum; citizens' law-making initiative.

Abstract: The article describes mostly effective democratic legal sources used to increase effectiveness of the municipal law policy and to enforce domestic statehood. These sources are: nation-wide discussions, law-making initiative, public hearings, referendum, etc. The author of the article pays special attention to the order of realization of citizens' law-making initiative.

Т.А. Зограбян, аспирант*Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван (Республика Армения)*

Ключевые слова: медицинская услуга; договор возмездного оказания медицинских услуг; система здравоохранения; анализ договора; правовое регулирование; законодательство; рынок медицинских услуг; характеристика договора.

Аннотация: В связи с бурным развитием предпринимательских отношений в Республике Армения в целом и рынка медицинских услуг в частности, эффективное правовое регулирование отношений, возникающих в процессе оказания медицинских услуг на возмездной основе, становится возможным лишь при закреплении последних в договоре возмездного оказания медицинских услуг. Названный договор, ставший темой рассмотрения для нашей научной статьи, на данный момент является основным официальным документом, призванным оговорить права и обязанности, регулировать гражданско-правовые отношения между медицинским учреждением (врачом) и пациентом, а также выступающим инструментом охраны прав сторон при получении и предоставлении медицинской помощи на платной основе. Более того, в нынешних условиях динамического прогресса в сфере медицинских услуг, закрепление условий по предоставлению последних является приоритетной задачей на пути защиты прав как заказчика, так и исполнителя услуг, являющегося не менее уязвимой стороной в данных правоотношениях. Таким образом, договор оказания именно услуг медицинского характера на возмездных основах, с определением и закреплением как фундаментальных прав сторон, на основе международных договоров и локального законодательства, так и специфических прав и обязанностей сторон, вытекающих из самой природы оказываемой услуги, требует особого внимания и непрерывной разработки для соответствия тренду развития рынка медицинских услуг с его постоянно модифицируемыми потребностями. Понятие вышеназванного договора и определено в данной статье, основываясь на анализе зарубежных источников, наряду с раскрытием основных характеристик рассматриваемого договора. В статье содержатся законодательские предложения по закреплению понятий «медицинская услуга» и «договор возмездного оказания медицинских услуг» в законодательстве Республики Армения.

В нынешних условиях продолжительного формирования демократической правовой республики и непрерывного развития рыночных отношений в Армении, а также глобального внимания к сфере здравоохранения со стороны мирового сообщества и Республики Армения (далее – РА), в частности, как активно интегрированного участника, развитие отрасли медицинского права приобретает всё больший удельный вес в процессе повышения эффективности всемирной системы здравоохранения. На данный момент нет единой научной точки зрения на счёт того, является ли медицинское право самостоятельной отраслью права или нет. Однако, учитывая многочисленность проблематичных случаев, возникающих в течение профессиональной деятельности врачей, решение которых возможно лишь прибегая к букве Закона; неравенство прав и асимметрия информации в процессе взаимодействия врачей и пациентов; а также возмездный характер предоставляемых услуг, на основе чего складываются гражданско-правовые отношения между пациентом и врачом; и т. д. – все вышеназванные причины всё более подкрепляют вопрос признания и дальнейшего фундаментального рассмотрения с целью развития медицинского права как отдельной отрасли права. На данный момент основным официальным документом, призванным оговорить права/обязанности, регулировать гражданско-правовые отношения между медицинским учреждением/врачом и пациентом, а также выступающим инструментом охраны прав сторон при получении/предоставлении медицинской помощи на платной основе – является договор возмездного оказания медицинских услуг.

Оказание медицинских услуг как объектов предпринимательских правоотношений должно быть закреплено гражданско-правовым договором, с целью создания и поддержания императивной модели взаимного поведения пациента и исполнителя медицинских услуг. Прежде чем приступить к определению понятия, установлению элементов и анализу содержания договора возмездного оказания медицинских услуг, рассмотрим понятие договора, осуществляющегося на возмездных основах, подробнее. Согласно статье 436 Гражданского кодекса РА

(далее – ГК РА), договором считается соглашение двух или нескольких лиц, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [1]. Иными словами, на основе договора создаётся определённая модель, оговаривающая права и обязанности сторон, регулирующая правоотношения последних и вырабатывающая определённую закономерность поведения участников. Основную роль, выполняющую договором, согласно современной литературе по Договорному праву, является определение и регулирование отношений сторон с указанием на пределы их возможного и должного поведения, а также последствия нарушения соответствующих условий и требований [2]. Одной из классификаций договоров является возмездность и безвозмездность. Статьей 439 понятие возмездный договор определяется следующим образом: «Договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей, является возмездным» [3]. Далее той же статьёй оговаривается, что договор предполагается возмездным, если из закона, иных правовых актов, содержания или сути договора не вытекает иное.

Сущность договора возмездного оказания услуг, согласно статье 777 ГК РА, заключается в следующем: исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определённые действия или осуществить определённую деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги [4]. Таким образом, устанавливаются обязанности и права: заказчика (заказчика-бенефициара либо заказчика, заключающего договор в пользу третьего лица) – соответственно, оплатить заказ и принять его; и исполнителя – соответственно, оказать услуги надлежащим образом и принять плату за них. Далее, та же статья устанавливает открытый перечень договоров возмездного оказания услуг: связи, медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных услуг, услуг по обучению, туристическому обслуживанию и иных услуг [5].

В силу нашего исследования остановимся на договоре возмездного оказания медицинских услугах. Действующий Гражданский кодекс РА не содержит отдельного

института, посвященного регулированию правоотношений именно по оказанию медицинской помощи как особого типа договорных обязательств. По данной причине попытаемся дать исчерпывающее определение договора возмездного оказания медицинских услуг основываясь на научно-правовой литературе. Согласно М.Н. Малеиной, по договору возмездного оказания медицинских услуг лечебное учреждение обязуется обеспечить гражданину квалифицированные услуги, избрав для этого соответствующие методы врачевания и сохраняя врачебную тайну, а гражданин имеет право требовать информацию о диагнозе, методах лечения, его возможных последствиях, обязан следовать предписаниям лечебного учреждения и оплачивать медицинскую помощь в установленных законом случаях [6]. Во-первых, в данном определении не раскрывается полный круг участников правоотношений – исполнителем может быть медицинское учреждение или частнопрактикующий врач, заказчиком может быть, как гражданин, так и иностранное лицо; как сам пациент, так и третье лицо, действующее в интересах пациента. Во-вторых, не обозначается перечень и характер услуг, оказываемых исполнителем.

С данной точки зрения уместно определение С.С. Шевчука, согласно которому по договору оказания медицинских услуг одна сторона – исполнитель медицинских услуг (медицинская организация или частнопрактикующий специалист) обязуется оказать другой стороне – пациенту квалифицированные медицинские услуги, выражающиеся в совершении определенных действий или определенной деятельности профессионального характера с целью сохранения и/или коррекции здоровья пациента, предоставлять достоверную информацию о диагнозе, методах лечения и прогнозируемых результатах и соблюдать врачебную тайну, а пациент обязуется выполнять требования исполнителя, обеспечивающие качественное и эффективное предоставление медицинских услуг, сообщать необходимые для этого известные ему сведения о состоянии своего здоровья и в определенных соглашениях случаях оплатить предоставленные ему услуги [7]. Такая формулировка оказываемых медицинских услуг, как «определенные действия или определенная деятельность профессионального характера с целью сохранения и/или коррекции здоровья пациента» является относительно более конкретной, однако не охватывает некоторые ныне широко распространённые медицинские действия эстетического характера, корректирующие внешние физические данные пациента и не подпадающие ни под формулировку «сохранение», ни под формулировку «коррекция здоровья» пациента. Аналогичное определение приводит И.Г. Ломакина, утверждающая, что «по договору возмездного оказания медицинских услуг одна сторона – исполнитель медицинской услуги (медицинская организация, частнопрактикующий врач) обязуется обеспечить квалифицированную помощь по поддержанию или восстановлению здоровья пациента, избрав для этого соответствующие методы медицинского воздействия, а другая сторона – гражданин обязан оплатить оказанные ему услуги (либо представить доказательства последующей компенсации расходов по обслуживанию из других источников)» [8].

Приведём определение, приведённое С.В. Нагорной, и дающей исчерпывающий перечень участников отношений, и попытавшейся дать такой же для видов договоров возмездного оказания медицинских услуг одна сторона (исполнитель – медицинская организация) обязуется оказывать медицинские (профилактические, диагностические, лечебные, восстановительно-реабилитационные) услуги другой стороне (получателю – пациенту) с его согласия, а в предусмотренных законом случаях без такового, который обязан исполнять предписания исполнителя, а другая сторона (заказчик – пациент, стра-

ховщик или третье лицо в интересах пациента) обязана оплатить предоставленные услуги [9]. Исчерпывающий перечень видов медицинских услуг, приведённых автором в скобках не охватывает ныне весьма распространённые следующие виды медицинских процедур: косметологические, стоматологические, услуги психолога, циркумцизия, гименопластика, прерывание беременности и т. д.

Иной подход к определению исполнителя медицинских услуг как субъекта предпринимательских правоотношений приводит Н.В. Зайцева, представленный в её определении договора возмездного оказания медицинских услуг, согласно которому лицо, осуществляющее соответствующую предпринимательскую деятельность на профессиональной основе, обязуется по заданию гражданина (пациента, третьего лица) выполнить необходимый комплекс медицинских действий, которые направлены на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, имеющих самостоятельное законченное значение и определенную стоимость, а заказчик обязан их оплатить. В данном определении исполнитель характеризуется как «лицо, осуществляющее соответствующую предпринимательскую деятельность на профессиональной основе» [10], под которые подпадают как лицензированные медицинские учреждения, зарегистрированные в качестве юридических лиц и осуществляющие систематическую предпринимательскую деятельность, так и врачи – индивидуальные предприниматели.

Все вышеприведённые дефиниции направлены на всестороннюю характеристику договора возмездного оказания медицинских услуг, в целом каждая из них полноценно определяет данное понятие, в то же время, на наш взгляд, в каждой содержится определённые пробелы, требующие внимания. Основываясь на вышеизложенном, предлагаем следующую формулировку исследуемого понятия для закрепления на законодательном уровне: «Договор возмездного оказания медицинских услуг – это соглашение, согласно которому уполномоченный в соответствии с законодательством РФ исполнитель обязуется оказать медицинскую услугу, направленную на удовлетворение потребностей заказчика по профилактике, диагностике, лечению заболеваний, пост-лечебной реабилитации, а также по изменению или сохранению физического состояния в эстетических и оздоровительных целях, осуществляемой в рамках медицинской деятельности профессиональным медицинским персоналом, путем непосредственного воздействия на человеческий организм или иного вмешательства в биологические и психические процессы его функционирования, а пациент обязуется содействовать оказанию услуг и оплатить их».

Продолжая характеристику исследуемого договора, рассмотрим его виды по классификационным признакам. Итак, из вышеприведённого определения можно заключить, что договор возмездного оказания медицинских услуг по своей правовой природе является:

– *консенсуальным*.

Договор оказания медицинских услуг является консенсуальным, ввиду природы самого объекта договора. Консенсуальным (от лат. consensus – согласие), является договор считающийся заключённым с момента достижения согласия участниками по всем существенным условиям договора. Согласно определению профессора М.И. Брагинского, «консенсус – минимум необходимого для договора» [11]. Профессор С.С. Занковский, касательно разграничения договоров на консенсуальные и реальные, утверждает, что данное разграничение является прерогативой законодателя, основанное на прагматических соображениях [12]. Таким образом, поскольку объектом является медицинская услуга, для оказания которой необходимо определить и согласовать все условия о её виде, качестве, стоимости и сроках, а все дальнейшие действия начинаются уже после достижения согла-

сия в рамках договора, и, более того, поскольку договор не связан с передачей вещи, можно однозначно утверждать, что договор оказания медицинских услуг является консенсуальным.

– *Возмездным.*

Данный признак вытекает из самого понятия медицинской услуги. Как мы отметили выше, возмездность оказания услуги является одним из основных критериев профессиональной медицинской помощи. Согласно предложенному нами определению для закрепления в Законе РА «О медицинской помощи, обслуживания населения»: «Медицинские услуги – платные мероприятия (или комплекс платных мероприятий), осуществляемые в рамках медицинской деятельности квалифицированным медицинским персоналом, направленные на профилактику, диагностику и лечение заболеваний с целью удовлетворения потребностей граждан в подержании и восстановлении здоровья» [13]. Следовательно, само понятие медицинской услуги, оказание которой закрепляется договором, обуславливает обязанность медицинского персонала оказать услугу надлежащим образом на возмездных условиях, из чего вытекает обязанность получателя оплатить (ассигнования из Государственного бюджета РА; страховые компенсации; непосредственные платежи людей; иные источники, не запрещенные законодательством РА) оказываемые услуги. Таким образом, участники договора принимают обязательства в целях получения встречного исполнения от контрагента, что указывает на возмездный характер договора.

– *Двусторонним.*

Договор оказания медицинских услуг является двусторонним, в случае, когда в его заключении участвуют две стороны, обладающие встречными правами и обязанностями. Согласно Закону РА «О медицинской помощи, обслуживания населения», человек имеет право на получение качественной профессиональной медицинской помощи, в соответствии с его нуждами, со стороны выбранного им профессионала и с соблюдением тайны по факту обращения и выявленных сведений, с получением достоверной информации о состоянии своего здоровья и выражением согласия на медицинское вмешательство [14]. Обязанностью же получателя является оплатить оказываемые услуги, прибыть вовремя для получения услуги, а также соблюдать требования врача в течение постлечебного периода. Встречными правами и обязанностями медицинского персонала в рамках договора оказания медицинских услуг, согласно Главе 3 того же Закона, является получение вознаграждения и оказание услуг надлежащим образом. В случае если оплата производится из иных источников, приведённых статьёй 25 об «Источниках финансирования медицинской помощи, обслуживания населения» Закона РА «О медицинской помощи, обслуживания населения», нежели непосредственных платежей людей, точнее получателя услуг, то часть обязанности граждан, касающаяся оплаты, переходит к лицу, осуществляющему финансирование.

– *Публичным.*

Оказание медицинской помощи и осуществление медицинского обслуживания коммерческими организациями или приравненными к ним индивидуальными предпринимателями относятся к предпринимательской деятельности в РА и находятся под публичным контролем. Согласно статье 442 ГК РА, «Публичным договором признается договор, заключенный коммерческой организацией и устанавливающий ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые такая организация по характеру своей деятельности должна осуществлять в отношении каждого, кто к ней обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т. п.)» [15]. Данной статьёй законодатель относит медицинское об-

служивание к предметам публичных договоров, следовательно, договор оказания медицинского обслуживания на коммерческой основе является публичным. Далее та же статья устанавливает, что коммерческая организация не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим в отношении заключения публичного договора, помимо случаев, оговоренных законом либо иными нормативно-правовыми актами. Отказ коммерческой организации от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие услуги не допускается законодательством РА. Согласно статье 461 ГК РА, в случае необоснованного наличия последнего, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор, также, согласно вышеприведённой статье, действует сценарий возмещения убытков стороной, необоснованно уклоняющаяся от заключения договора [16].

Следует обратить внимание на тот факт, что вышеприведённая статья ГК РА, так же, как и её аналог ГК РФ [17], отмечается, что стороной-участником публичного договора является только коммерческая организация. Что поднимает следующий логический вопрос – могут ли некоммерческие медицинские учреждения, предоставляющие медицинские услуги, ставить предпочтение между гражданами, обратившимися за последними? Более того, обязательность заключения публичного договора, каковым является договор о предоставлении медицинских услуг на возмездной основе, при наличии возможности предоставить соответствующие услуги подразумевает и недопустимость одностороннего отказа исполнителя от исполнения обязательств по договору, если у него имеется возможность исполнить свои обязательства. Подобная обязательность выступает ограничением свободы договора для одной из сторон – исполнителя (в данном случае – медицинского учреждения, оказывающего медпомощь на возмездной основе). Данное ограничение согласно некоторой научной трактовке направлено на защиту интересов пациента как экономически более слабой стороны в этих правоотношениях, обеспечение реализации им права на медицинскую помощь, ввиду существенного фактического неравенства сторон в договоре о предоставлении медицинских услуг. Однако в обратном случае, т. е. признание права медицинского учреждения на односторонний отказ от исполнения обязательств, при наличии возможности оказать оговоренные услуги, привело бы к нелегитимному ограничению конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь [18], а также значительно уменьшению конституционной свободы договора, в частности об оказании медицинских услуг, для гражданина.

– *Письменным.*

Согласно статье 297 ГК РА, сделки юридических лиц между собой и с гражданами должны заключаться в простой письменной форме. Следовательно, все коммерческие организации, оказывающие медицинские услуги, а также приравненные к медицинским организациям профессионалы, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, должны заключать сделки с потребителями услуг в простой письменной форме.

– *Договором присоединения.*

Согласно законодательству РА, договором присоединения признается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом [19]. Договор возмездного оказания медицинских услуг в основном является договором присоединения, поскольку медицинское учреждение имеет письменную форму с определённым содержанием, устанавливающим предмет договора, права и обязанности сторон, сроки и условия оплаты. Потребитель же присоединяется к данным условиям, давая своё согласие.

– *Договором в пользу третьего лица.*

Договор оказания медицинских услуг может считаться договором в пользу третьего лица, в случае, когда договор заключён между заказчиком и исполнителем на оказание медицинских услуг физическому лицу, не являющемуся заказчиком. В роли последнего могут выступать как физические, так и юридические лица.

Как было отмечено выше, согласие человека является необходимым условием для осуществления медицинского вмешательства. Следовательно, в первую очередь право дать согласие и заключить договор имеет сам потребитель медицинской услуги. Согласно Закону РА «О медицинской помощи, обслуживании населения», статьей 8 устанавливается, что в случае невозможности по состоянию здоровья либо некомпетентности лица вступать в подобные правоотношения (лицо, не достигшее 18 лет или признанное недееспособным в установленном законом порядке), дать согласие и заключить договор должен его законный представитель. В случае отсутствия последнего, решение исходя из интересов больного принимается консилиумом врачей или врачом единолично, в особых ситуациях. Однако одним из основных критериев медицинской услуги, приведённым нами в предыдущей главе данной научной работы, является согласие и активное поведение самого потребителя услуги; что исключает регулирование правоотношений заказчика и исполнителя медицинских услуг договором о возмездном оказании медицинских услуг в ситуациях, когда специалисту приходится действовать без получения согласия (первичная помощь, срочные операции, состояние бессознания больного и т. д.).

Относительно заказчиков – юридических лиц – ими могут являться страховщики, работодатели, благотворительные фонды, государство и т. д.

– *Фидуциарным.*

Как известно, рынку медицинских услуг присуща асимметрия информации, поскольку исполнитель обладает информацией о предмете договора в намного большей степени, чем его приобретатель, что само собой подразумевает неотъемлемый фактор доверия покупателя к продавцу при заключении договора [20]. Следовательно, доверительный или фидуциарный характер предмета правоотношений, медицинских услуг, экстраполируется на сам договор.

Важность разработки договора возмездного оказания медицинских услуг, охватывающего весь широкий спектр правоотношений по предоставлению услуг медицинского характера, в очередной раз подчёркивается ввиду непосредственной связи объектов подобных правоотношений и здоровья личности. Именно ввиду того факта, что медицинские услуги обладают отличительными особенностями по сравнению с иными видами услуг, договор возмездного оказания медицинских услуг может и должен императивно оговорить сценарии поведения сторон при получении/предоставлении медицинской помощи на платной основе, ссылаясь на общепринятую практику и стандарты качества оказания услуги, тем самым выступая инструментом охраны прав сторон при возникновении неблагоприятных последствий от услуги. Данная тема приобретает ещё большую актуальность ввиду того, что заказчик добровольно наделяет врача большой ответственностью, связанной с риском причинения вреда здоровью пациента, тем более ввиду воз-

можности влияния факторов, независимых от действий врача. Тем самым, подчёркивается факт уязвимости медицинских работников в данных правоотношениях. Следовательно, дальнейшая разработка договора возмездного оказания медицинских услуг как такового, закрепление данного понятия на законодательном уровне и обязательный характер его соблюдения при установлении правоотношений по оказанию медицинских услуг являются приоритетными задачами для повышения эффективности правового регулирования рынка медицинских услуг в РА.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский Кодекс РА от 05.05.1998 г. // Официальный Вестник РА. 1998. Гл. 28. Ст. 436.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2011. 847 с.
3. Гражданский Кодекс РА от 05.05.1998 г. // Официальный Вестник РА. 1998. Гл. 28. Ст. 439.
4. Гражданский Кодекс РА от 05.05.1998 г. // Официальный Вестник РА. 1998. Гл. 39. Ст. 777-1.
5. См. там же, пункт 3.
6. Малейна М.Н. Человек и медицина в современном праве. М.: БЭК, 1995. 260 с.
7. Шевчук С.С. Договор оказания медицинских услуг. М.: АЭФИП, 2005. 299 с.
8. Ломакина И.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений по оказанию медицинских услуг в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 194 с.
9. Нагорная С.В. Договор об оказании медицинских услуг : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2004. 180 с.
10. Зайцева Н.В. Договор возмездного оказания медицинских услуг в гражданском праве РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 186 с.
11. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2011. С. 392.
12. Занковский С.С. Предпринимательские договоры. М.: Волтерс Клувер, 2004. 304 с.
13. Зограбян Т.А. Медицинская услуга как объект предпринимательских правоотношений // Вестник Российско-Армянского университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1. С. 39–51.
14. Закон Республика Армения «О Медицинской помощи, обслуживании населения»: принят 04.03.1996. Глава 2. Статьи 4, 5 // Med-Practic. Для здоровья. URL: med-practic.com/rus/613/2003/article.more.html.
15. Гражданский Кодекс РА от 05.05.1998 г. // Официальный Вестник РА. 1998. Гл. 28. Ст. 442.
16. Гражданский Кодекс РА от 05.05.1998 г. // Официальный Вестник РА. 1998. Гл. 29. Ст. 461.
17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. // Собрание Законодательства РФ. № 32. Ст. 426.
18. Конституция Республики Армения с изменениями: принята 06.12.2015 г. // Официальный Вестник РА. 2015. Гл. 2. Ст. 85.
19. Гражданский Кодекс РА от 05.05.1998 г. // Официальный Вестник РА. 1998. Гл. 28. Ст. 444.
20. Zohrabyan T.A., Kosyan R.A. The Development Issues of Medical Care Service Market in the Republic of Armenia // Zarządzanie Nr 17. Częstochowa, 2015. P. 37–49.

**CONCEPT OF AGREEMENT FOR COMMUTATIVE MEDICAL SERVICES PROVISION
AND ITS CHARACTERISTICS**

© 2017

T.A. Zohrabyan, postgraduate student
Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan (Republic of Armenia)

Keywords: medical service; agreement for commutative medical services provision; healthcare system; agreement analysis; legal regulation; legislation; medical services market; contract description.

Abstract: Due to the rapid development of entrepreneurial relations in RA, specifically considering the development of the medical services market, effective legal regulation can be applied through setting parties' behavior in the agreement for commutative medical services provision. This agreement is currently the main official document intended to stipulate the rights and obligations, regulate the civil-law relations between the medical institution (doctor) and the patient, and also serve as an instrument for protecting the rights of the parties in obtaining and providing medical services on commutative basis. Moreover, in the present conditions of dynamic progress in area of medical services, the consolidation of conditions for the provision of the latter is a priority task on the way of protecting the rights of both the customer and the provider of services, who appears to be in identically vulnerable situation in the frames of considered legal relationships. Thus, considered agreement with the determination and consolidation of both the fundamental rights of the parties, on the basis of international treaties and local legislation, and the specific rights and obligations of the parties arising from the nature of the service provided, requires special attention and continuous development, to match the trend of the medical services market with its constantly modifiable needs. This article discloses the concept of the latter and defines main characteristics of the considered agreement. The article contains legislative proposals on the consolidation of the concepts "medical service" and "agreement for commutative medical services provision" at the legislative level in RA.

**К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

© 2017

И.А. Кузьмин, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
*Иркутский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Иркутск (Россия)*

Ключевые слова: юридическая ответственность; общая теория юридической ответственности; сравнительно-правовое исследование; методика исследования; индикаторы исследования.

Аннотация: Исследуются особенности проведения компаративных исследований юридической ответственности, вытекающие из специфики ее общетеоретических особенностей, онтологии и праксиологии. Обозначены базовые признаки юридической ответственности, а также объективные (не зависящие от исследователя) и субъективные (зависящие от исследователя) основания общей теории юридической ответственности, отмечена условность их разграничения. Исходя из предпосылок и содержания сравнительно-правового исследования юридической ответственности, сформулированы вопросы, на которые необходимо получить ответ в процессе познавательной деятельности. Предложена методика компаративного исследования ответственности в праве, способная объективизировать ценность предполагаемых результатов изучения данной категории. Для повышения роли и эффективности познавательной функции при изучении конструкции ответственности в различных правовых системах было рекомендовано прибегать к сведениям, полученным в ходе мониторинга правотворчества и мониторинга правоприменительной деятельности. В целях предварительной оценки «успешности» сравнительно-правового исследования юридической ответственности и его результатов названы специальные индикаторы, учитывающие возможность использования полученных в ходе исследования сведений в науке и на практике. По результатам проделанной работы автор приходит к выводу о наличии значительной специфики сравнительно-правовых исследований юридической ответственности, предопределенной общетеоретическими и частно-видовыми особенностями этой правовой категории, которые следует учитывать и внедрять в методику исследований. В свою очередь (на своих промежуточных и итоговых этапах) компаративное исследование ответственности в праве надлежит диагностировать при помощи особого рода индикаторов, способных дать представление о возможных направлениях и формах применения результатов (как реальных, так и предполагаемых) исследования.

Потребность в сравнительно-правовых научных исследованиях в современных условиях существования юридической действительности является неперенным условием достижения истины и прогрессивного развития национально-правовых и международно-правовой системы. При этом важно помнить, что потребителями (реципиентами) результатов научных изысканий выступают не только представители юридической науки, но и практикующие юристы [1, с. 31]. Как верно заметил Х. Бехруз, современное мышление юристов «...предполагает выход за рамки национального права и учет правовых принципов и правовых положений наднациональных правовых массивов. Правоприменитель в современных условиях обязан демонстрировать не только знания и умение работать с национальной правовой базой, но также с принципами и нормами, содержащимися в международных универсальных и региональных правовых актах» [2, с. 70].

Юридическая ответственность как фундаментальная категория правоведения обуславливает наличие самостоятельного научного направления в рамках теории права – общей теории юридической ответственности и оправдывает формирование специальной методологии и методики для своего изучения.

Особенности компаративных исследований юридической ответственности вытекают из ее общетеоретической конструкции, охватывающей различные элементы системы ответственности.

Мы знаем, что юридическая ответственность обладает значительным потенциалом для «блокировки» противоправного поведения и противодействия правонарушениям в многочисленных областях регулируемых правом общественных отношений. Примером сказанному могут послужить дискуссии, посвященные межнациональным проблемам юридической ответственности в сфере медицины и здравоохранения [3].

Характерные особенности ответственности в праве заключаются в том, что она:

- выражается в системе специальных норм, состав-

ляющих институт наказаний – системе закрепленных в санкциях наказаний, в которой юридическая ответственность получает свою правовую «прописку»;

- воплощается в особом охранительном правовом средстве (акте реализации субъективной обязанности претерпеть наказание в виде реально совершенных участниками правоотношения ответственности актов, связанных с назначением и исполнением наказания);

- связана с реакцией субъектов права на противоправное поведение (нередко приобретаая форму государственного принуждения или оставаясь в рамках неюрисдикционной формы, когда правонарушитель добровольно исполняет свою обязанность претерпеть наказание);

- основывается на комплексе негативных санкций, которые могут быть применены по отношению к конкретным правонарушителям (лишениях личного, имущественного или организационного характера);

- многолика, имеет множество разновидностей, что обусловлено необходимостью охраны общества, государства и личности во всех сферах регулируемых правом общественных отношений;

- обеспечивается специальными процессуальными механизмами реализации (правоприменительная динамика юридической ответственности может осуществляться как в рамках общего порядка, так и в специальной процессуальной форме воплощения в жизнь актов применения права, конкретизирующих ответственность);

- обладает целым рядом иных значимых характеристик (порождает состояние «наказанности», может создавать ограничения по служебной деятельности и др.).

Обозначенная теория юридической ответственности имеет под собой объективные основания, которые следует учитывать в процессе научных исследований.

Во-первых, данная теория и составляющие ее элементы являются самостоятельным направлением для изучения.

Во-вторых, юридическая ответственность нацелена на охрану правопорядка и обеспечение надлежащего действия норм права в любых массивах правоотношений.

В-третьих, юридическая ответственность по своей правовой природе всегда ретроспективна и ее реализация возможна лишь при наличии свершившегося юридического факта – противоправного деяния.

В-четвертых, независимо от отраслевой принадлежности и процедуры своей реализации юридическая ответственность сохраняет свою связь с государственным принуждением, обеспечена им.

В-пятых, юридическая ответственность охватывает собой категорию «наказание» и подразумевает возложение лишений на нарушителя права.

В-шестых, юридическая ответственность проявляет себя на уровне объективного и на уровне субъективного права.

В-седьмых, юридическая ответственность одновременно выступает как институт права, как мера принуждения и как субъективная обязанность.

В-восьмых, юридическая ответственность отграничивается от близких правовых категорий по своей родовой принадлежности и направленности.

Интересно отметить, что П.В. Трощинский пришел к выводу об осознании китайскими учеными многомерности юридической ответственности, которая была рассмотрена последними с позиции юридической обязанности, негативных последствий, наказания и особой ситуации [4, с. 21–28]. Китайским научным сообществом была выявлена связь ответственности с санкциями, правонарушением, государственным принуждением, а также была оговорена особая процедура возложения ответственности [4, с. 39–51].

Субъективные основания теории юридической ответственности находят себя в содержании различных концепций, теорий и гипотез (точек зрения, мнений), характеризующих различные элементы системы юридической ответственности. Эти основания, в свою очередь, предопределяют направление и содержание научно-исследовательской мысли. Так, приверженность ученого позитивной концепции ответственности в праве, неизменно будут побуждать его учитывать данное проявление ответственности применительно ко всем поднятым аспектам проблематики. Например, раскрывая формы юридической ответственности, он не сможет ограничиться описанием лишь наказания, негативных санкций и лишений, должен будет разобраться в возможных проявлениях позитивной ответственности.

С точки зрения предпосылок и содержания сравнительно-правовых исследований юридической ответственности логично выделить несколько вопросов, на которые требуется получить ответ в ходе познавательной деятельности:

1. Употребляется ли в законодательстве, охваченных сравнительно-правовым исследованием государств, ответственность как таковая и что под ней понимается (какие синонимы, соответствующие объему слова и словосочетания используются)?

2. Разработана ли в государствах, правовые системы которых сравниваются, общая теория юридической ответственности (за счет сопоставления общетеоретических положений об ответственности в разных странах можно существенно повысить качество исследований, посредством обеспечения системы измерения и средств оценки правовых категорий)?

3. Имеются ли сравниваемые аспекты юридической ответственности в каждой из затрагиваемых правовых систем?

4. Включает ли нормативная основа системы юридической ответственности в свой состав нормативные акты толкования высших судебных и административных инстанций, обязательные разъяснения которые существенно влияют на понимание юридической ответственности и связанных с ней элементов?

5. Какова степень эффективности правоохранитель-

ной системы государства и уровень поражения коррупцией регулируемых правом общественных отношений?

6. Какие реальные и перспективные инструменты профилактики, выявления и борьбы с правонарушаемостью применяются в государстве?

7. Отношение населения соответствующего государства к системе юридической ответственности и ее социальным показателям (справедливость, неотвратимость, оперативность и т. д.) в целом.

По мнению автора, учет обозначенных выше особенностей юридической ответственности и аспектов сравнительно-правовых исследований юридической ответственности возможен при условии использовании соответствующей методики. Так, рассуждая о значении юридических исследований, Е.А. Попов пришел к выводу, «...что сказать что-то новое в науке – это лишь часть сложного пути в научной деятельности, важным является технология продвижения такого знания, его институционализация, рационализация и в конечном итоге получение поддержки со стороны научного сообщества, признание ценности результата» [5, с. 22]. В этой связи упомянутая методика будет способна объективизировать ценность исследовательского процесса и будет включать в себя:

1) установление правовых систем, посредством изучения которых требуется выявить и раскрыть (подтвердить) те или иные общетеоретические закономерности возникновения, развития или функционирования юридической ответственности;

2) определение предмета исследования (поскольку объектом изучения является теоретическая конструкция юридической ответственности, то предметом являются составляющие ее элементы: понятие, сущность, виды, цели, функции, принципы, реализация юридической ответственности и т. д.);

3) подборку методов исследования (помимо собственно-юридических методов в большинстве случаев уместно прибегать к методам иных гуманитарных, а также физико-математических наук, например, определение эффективности функций юридической ответственности без учета общественного (в том числе экспертного) мнения или изучения социально-массовых характеристик юридической ответственности без применения социологических и статистических приемов практически невозможно);

4) определение круга источников и средств исследования (полнота исследования юридической ответственности предопределяется степенью доступности (языковой и предметной) автору нормативно-правовых актов и специальной литературы, иных источников, в которых получает отражение юридическая ответственность, для чего используются специальные средства);

5) аналитическое и синтетическое сопоставление нормативных и теоретических конструкций юридической ответственности в различных национальных правовых системах, выделение их сходных и отличительных черт с использованием целого комплекса методов и средств в отношении изучаемых источников;

6) обобщение полученных результатов, с их последующей практической актуализацией, и постановкой рекомендаций по дальнейшему совершенствованию конструкции юридической ответственности (ее элементов) на основе выявленных достоинств и недостатков последней;

7) оценку проведенного сравнительно-правового исследования юридической ответственности на предмет установления и углубления дальнейших перспективных направлений изучения в рамках поднятой проблематики [6, с. 12–13; 7, с. 165].

Хорошим вспомогательным средством изучения ответственности в праве может послужить мониторинг правотворчества и правоприменения, осуществляемый

исследователем в соответствующей сфере, где юридическая ответственность получает свое воплощение. Мы убеждены, что наблюдения за изменениями нормативной конструкции ответственности, а также практики ее применения и научного описания обеспечат актуальность исследований и ориентируют их на достижение объективных результатов.

Объективная потребность введения мер юридической ответственности за те или иные социально-вредные деяния может быть также подтверждена ссылкой на проведенные сравнительно-правовые исследования. Так, в одном из своих постановлений Европейский суд по правам человека на основе имеющихся у него сравнительно-правовых материалов установил, что «...большинство государств – членов Совета Европы... имеют систему привлечения к дисциплинарной ответственности депутатов парламента, которые нарушают правила поведения в парламенте... Аналогичные правила существуют в Парламентской Ассамблее Совета Европы... парламента применяют различные дисциплинарные меры... включая запрет на право выступать, отстранение от участия в заседании и денежные штрафы» и далее «члены Совета Европы, как правило, признают необходимость наличия норм, наказывающих оскорбительное выступление или оскорбительное поведение в парламентах» (п. 145) [8].

Индикаторами, свидетельствующими об уровне «успешности» сравнительно-правового исследования юридической ответственности могут служить:

1) объем (сфера) элементов системы юридической ответственности, изученных в ходе сравнительно-правового исследования (при этом во внимание берутся не только отраслевые виды ответственности [9, с. 75] или система наказаний [10, с. 41–42], но и иные ее элементы: процедурные, идеологические и др.);

2) непротиворечивость исследовательских выводов в части достижения баланса между теоретическими выкладками и практико-ориентированной, нормативно-правовой, доказательной (фактической) базой (в ключе размышлений И.А. Иванников, оценивая проблемы российского общества заметил, что «...отсутствие адекватного реагирования государства на отдельные преступления в условиях повсеместной пропаганды электронными СМИ насилия и безнравственного поведения, противоречащего исторически сложившимся в России морали и образа жизни, привели к криминализации общества, падению нравов, кризису правосудия» [11, с. 33]);

3) верификация полученных выводов на предметных научных, научно-практических, учебно-методических и иных площадках с участием представителей юридического сообщества из государств, охваченных исследованием (в этой части следует согласиться с позицией Ю.Е. Пермякова в том, что независимо от методов познания окружающего мира, любое приобретенное знание нужно верифицировать – подвергать проверке, что предполагает процедуру соотнесения теоретического высказывания с имеющимся знанием о фактической реальности [12, с. 44–45], что справедливо для исследований любого уровня, включая глобальный [13, с. 97–99]);

4) апробация результатов сравнительно-правового исследования в материалах, оцененных со стороны юридического сообщества (оценивая один из законопроектов, предусматривающий введение уголовной ответственности юридических лиц, Ю.И. Бытко указал на слабый уровень его апробации и недостаточную проработанность с точки зрения использования опыта зарубежных стран [14, с. 190–191]);

5) соответствие полученных выводов основам общей теории юридической ответственности (по этому поводу Д.А. Липинский отметил: «Без создания общей теории юридической ответственности, адекватной современным условиям, невозможно формулирование и постро-

ение отраслевых теорий юридической ответственности» [15, с. 4]);

6) наличие комплексной характеристики общих и отличительных черт института юридической ответственности в каждом из государств (например, в подготовленном АННО «Институт права и публичной политики» заключении по результатам сравнительно-правового исследования института ответственности за причинение вреда окружающей среде в российском и зарубежном правовом порядке от 09.07.2014 этому пункту уделено особое внимание [16], одновременно с этим, нужно учитывать, что соответствующие свойства юридической ответственности должны быть «сравнимыми» [17, с. 26–27]);

7) формулирование авторских рекомендаций по оптимизации института юридической ответственности с точки зрения универсальных и национально-правовых особенностей этой категории, отвечающих социальным потребностям и государственным интересам (в этой связи особый интерес представляет исследование Г.А. Проккопович, посвященное проблеме оптимизации юридической ответственности в публичном и частном праве [18, с. 119–121]);

8) формулирование авторских рекомендаций по оптимизации юридической практики ее возложения в национально-правовых системах, затронутых исследованием [19, с. 235–236];

Необходимо отметить, что седьмой и восьмой индикаторы становятся наиболее действенными при наличии между ними прямой взаимосвязи – связи норм объективного права с их реализацией на индивидуальном уровне правового регулирования [20, с. 143–145].

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

I. Юридическая ответственность является центральной категорией правоведения и обладает рядом существенных свойств и качеств, предопределяющих ее ценность. Общая теория юридической ответственности как элемент общей теории права имеет в своей основе объективные и субъективные предпосылки, которые влияют на содержание и направленность исследования.

II. Сравнительно-правовые исследования в области юридической ответственности являются специфичными и подразумевают необходимость учет целого комплекса существенных и инструментальных особенностей, позволяющих оценивать ответственность в праве нескольких государств. В компаративном процессе установлению подлежат следующие обстоятельства (факты): употребление термина «ответственность» в законодательстве и ее дефиниция, факт и уровень разработанности теории ответственности, наличие сравниваемых аспектов юридической ответственности, особенности толкования элементов системы юридической ответственности, степень эффективности правоприменительной деятельности и уровень пораженности коррупцией в соответствующих государствах, правовые системы которых охватываются сравнительно-правовым исследованием. Дополнительно установлению подлежат реальные и перспективные инструменты профилактики, выявления и борьбы с правонарушаемостью применяются в государстве, а также отношение населения соответствующего государства к системе юридической ответственности и ее социальным показателям. Названные аспекты проблематики изучаются в рамках одного из трех основных блоков: общетеоретический, частно-видовой, практический.

III. Аккумуляция знаний о теоретической конструкции юридической ответственности, специальной методологии и эмпирического материала позволяют предложить методiku сравнительно-правового исследования общетеоретической модели юридической ответственности.

Названная методика охватывает следующие действия:

- установление правовых систем, входящих в объект исследования;

- определение предмета исследования (характеристик юридической ответственности);
- подборка разноуровневых и качественно разнообразных методов и средств предполагаемого или проводимого исследования;
- определение круга источников исследования, подлежащих изучению;
- аналитико-синтетическое сопоставление нормативных и теоретических моделей юридической ответственности в различных национальных правовых системах;
- обобщение полученных результатов и выработка рекомендаций по совершенствованию правотворчества, правореализации и правоинтерпретации в данной сфере;
- оценка перспектив и направлений дальнейших сравнительно-правовых исследований в области установления и реализации юридической ответственности с учетом выводов по итогам исследования.

IV. Уровень успешности сравнительно-правового исследования юридической ответственности может быть установлен за счет использования специальных показателей-индикаторов, которые характеризуют предполагаемую ценность соответствующего исследования для науки и практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комиссарова Е.Г. Методологические аспекты в исследовании проблем взаимодействия юридической науки и практики // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2012. № 2. С. 26–33.
2. Бехруз Х. Сравнительное международное право – актуальное направление правовых исследований // *Вестник университета им. О.Е. Кутафина*. 2016. № 3. С. 63–72.
3. Attaran A., Wilson K. The Ebola Vaccine, latrogenic, and Legal Liability // *PLoS Medicine*. 2015. Vol. 12. URL: journals.plos.org/plosmedicine/article?id=10.1371/journal.pmed.1001911.
4. Трощинский П.В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М.: ИДВ РАН, 2011. 272 с.
5. Попов Е.А. Некоторые возможности и критерии установления истины в современных юридических исследованиях // *Российский журнал правовых исследований*. 2016. № 2. С. 22–27.
6. Кузьмин И.А. Специфика сравнительно-правовых исследований юридической ответственности // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2017. № 35. С. 6–15.
7. Сравнительное правоведение / под ред. А.В. Юрковского. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. 175 с.
8. Дело «Карачнонь и другие (Karacsony and Others) против Венгрии» (жалобы № 42461/13 и 44357/13): постановление ЕСПЧ от 17.05.2016 // *Прецеденты Европейского Суда по правам человека*. 2016. № 12.
9. Маматазизова Э.К. Система юридической ответственности // *Наука, новые технологии и инновации*. 2008. № 10-11. С. 74–76.
10. Подройкина И.А., Улезько С.И. Система уголовных наказаний в иерархии мер юридической ответственности // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2016. № 2. С. 40–44.
11. Иванников И.А. Юридическая ответственность в России: проблемы теории и практики // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2010. № 4. С. 27–36.
12. Пермяков Ю.Е. Эмпирические основания юридической науки // *Вестник Самарской гуманитарной академии*. Серия: Право. 2007. № 1. С. 43–54.
13. Калужный В.Г. Верификация геополитических знаний о мировом порядке: перспективы развития // *Право и безопасность*. 2009. № 2. С. 96–99.
14. Бытко Ю.И. Нужен ли России такой закон (к вопросу о проекте закона об уголовной ответственности юридических лиц) // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2015. № 2. С. 182–193.
15. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. 46 с.
16. Сравнительно-правовое исследование института ответственности за причинение вреда окружающей среде в российском и зарубежных правовых порядках: заключение АННО «Институт права и публичной политики» от 09.07.2014 г. // *Институт права и публичной политики: официальный сайт*. URL: [ilpp.ru/netcat_files/userfiles/Litigation_Treings/Zaklyuchenie_ob_ekolog_otvet-sti_\(IPPP\)_2014-09-07%20\(1\).pdf](http://ilpp.ru/netcat_files/userfiles/Litigation_Treings/Zaklyuchenie_ob_ekolog_otvet-sti_(IPPP)_2014-09-07%20(1).pdf).
17. Юрковский А.В., Кузьмин И.А. Проблема выбора объекта сравнительно-правового исследования // *Право и современные государства*. 2016. № 3. С. 19–31.
18. Прокопович Г.А. Оптимизация правоотношений ответственности в публичном и частном праве // *Юридическая мысль*. 2008. № 6. С. 117–122.
19. Стромов В.Ю. Оптимизация реализации наказаний: проблемы уголовно-правовой теории и правоприменительной практики // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 11. С. 235–238.
20. Рипинский С.Ю. Ответственность государства: рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2002. № 4. С. 142–146.

ON THE QUESTION OF COMPARATIVE-LEGAL
RESEARCHES OF LEGAL LIABILITY

© 2017

I.A. Kuzmin, Ph. D. in Law, Associate Professor,
Associate Professor of Department of Theory of State and Law
Irkutsk Institute of Law (branch) of the Academy
of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Irkutsk (Russia)

Keywords: legal liability; general theory of legal liability; comparative legal research; research methodology; research indicators.

Abstract: Features of carrying out comparative researches of legal liability are investigated. The specificity of general theoretical features of legal liability, its ontology and praxeology is taken into account. Objective and subjective grounds of the general theory of legal liability are taught and conditionally delineated. Questions of the research of legal liability for which it is necessary to receive an answer are formulated. The technique of comparative liability research in law, which can actualize the value of research results, is proposed. To increase the effectiveness of the function of knowledge of liability, it is recommended to take into account the results of monitoring of law enforcement and lawmaking. The indicators indicating the success of a comparative legal research of liability and its results are named. The author comes to conclusions about the existence of the specifics of comparative researches of liability, which is based on its general theoretical and specific features. Specifics of the research of legal liability must be taken into account. A comparative research of liability should be diagnosed on the basis of special indicators that show the expected forms of application of the results of the research.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО»
В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

© 2017

В.А. Лазарева, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)*

Ключевые слова: доказательство; доказывание; допустимость доказательств; состязательность; презумпция невиновности; доказательства стороны защиты.

Аннотация: В статье рассмотрено понятие «доказательство» в состязательном уголовном процессе. Автор обосновывает необходимость пересмотра требований к доказательствам, представленным стороной защиты, и раскрывает понятие процессуальной формы в свете принципа презумпции невиновности.

Понятия «доказывание» и «доказательство» продолжают оставаться в центре научных дискуссий [1, с. 248; 2; 3, с. 15]. Об этом свидетельствует количество посвященных им публикаций и защищенных диссертаций. В большинстве своем авторы работ, несмотря на некоторую разность теоретических воззрений, исходят из традиционных представлений о доказывании и доказательствах, основанных на гносеологическом подходе и учении об истине [4, с. 19–20; 5, с. 37–48]. Истина провозглашается целью доказывания, а поскольку доказывание осуществляется следователем, дознавателем, прокурором и судом, то цель деятельности суда в конечном итоге совпадает с целью деятельности субъектов обвинительной власти. Эта цель состоит в том, чтобы доказать виновность лица в совершении преступления, и для того, чтобы увидеть это, достаточно сопоставить положения ст. 85 и 73 УПК РФ: доказывание состоит в установлении указанных в ст. 73 обстоятельств, главным из которых является событие преступления и виновность лица, его совершившего.

Вполне очевидно, что такое представление о роли суда в уголовном процессе не соответствует ни независимости судебной власти как самостоятельной ветви государственной власти, ни состязательности как принципу уголовного судопроизводства, провозглашенному Конституцией РФ (ст. 123) и закрепленному Уголовно-процессуальным кодексом РФ (ст. 15). Состязательность возможна лишь там и тогда, где и когда существует судебная власть, независимая от других властей и в первую очередь от тех государственных структур, на которые возложены обвинительные функции. Общая цель уголовно-процессуальной деятельности органов уголовного преследования и суда при свойственном состязательному процессу разделении их процессуальных функций невозможна, поскольку функция не только отражает роль и назначение участника уголовного судопроизводства, но и характеризует направление его деятельности [6, с. 188; 7, с. 77]. Имея целью достижение истины, то есть установление указанных в ст. 73 обстоятельств совершения преступления, суд имеет и общее с органами уголовного преследования направление деятельности. Однако процесс, в котором суд имеет общие с одной из сторон цель и направление деятельности, состязательным не является.

Нельзя отрицать, что учение об истине как общей цели уголовного судопроизводства обладает огромной притягательностью, истина облагораживает уголовный процесс и привычно олицетворяет собой идею его справедливости. Поэтому она имеет крепкие корни не только идеологического, но и нравственного происхождения. Отказаться от цели достижения истины в уголовном процессе можно только предложив общественному и профессиональному правосознанию равноценную замену и, как представляется, такую роль способна принять на себя состязательность. Означающая равные

для обеих сторон возможности добиваться признания своей правоты, состязательность уголовного судопроизводства не в меньшей степени, чем истина, служит идее справедливости: достигаемый в уголовном процессе результат воспринимается как справедливый, если сторонам в равной мере была обеспечена возможность влиять на судебное решение, а естественное для уголовного судопроизводства в силу его публичности неравенство сторон обвинения и защиты преодолевалось адекватными компенсациями.

Сегодня не принято открыто отвергать и опровергать состязательность как принцип уголовного процесса, однако утверждения о том, что в российском УПК отчетливо прослеживается желание законодателя «**гипертрофировать состязательность**» [4, с. 23] уголовного процесса, в котором лишь «судебное производство осуществляется в последовательно состязательной форме» [8, с. 14], а предварительное расследование включает «отдельные элементы состязательности», встречаются достаточно часто. В подобных суждениях, хотя и в скрытой форме, отражается фактическое отрицание состязательности как формы уголовного судопроизводства в целом. Отчетливее всего это проявляется во взглядах на понятие «доказательство».

Наиболее распространенным является представление о доказательстве как о единстве содержания и формы. При этом под содержанием чаще всего понимаются сведения о подлежащих доказыванию обстоятельствах, а под формой – показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, заключения эксперта, вещественные доказательства, протоколы и иные документы, то есть перечисленные в части 2 ст. 74 УПК РФ виды доказательств. Спорить против того, что любое явление имеет не только содержание, но и форму, в силу очевидности этого постулата, бессмысленно, корень проблемы, однако, заключается в том, как именно понимается форма доказательств.

Синтезируя ч. 1 и 2 ст. 74 УПК РФ, С.А. Шейфер определяет доказательства как «сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, полученные законным способом и облеченные в надлежащую процессуальную форму», или как «показания, заключения и т. д., содержащие полученные законным способом сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию» [9, с. 15]. Ключевым словом, связанным с формой доказательств, здесь, как видим, является законность способа получения сведений об имеющих значение для дела обстоятельствах. Информация становится доказательством лишь «будучи выявленной, преобразованной субъектом доказывания и облеченной им в требуемую законом процессуальную форму» [9, с. 14]. Аналогичным образом определяют понятие доказательства и другие авторы: «доказательство по уголовному делу выступает в единстве своего содержания (сведений) и процессуальной формы *получения* (курсив мой. – В.А.) и фиксации этих

сведений» [7, с. 227]. Еще более четко эту мысль выразил В.С. Балакшин: «Доказательство» в уголовном процессе следует рассматривать как единство не двух, а трех основных элементов: 1) сведений о фактах, 2) источников сведений о фактах, 3) *способов и порядка собирания и проверки сведений* (курсив мой. – В.А.) о фактах и их источников» [10, с. 33]. Таким образом, процедура собирания и закрепления (а по Балакшину, даже проверки) доказательств выступает как составная и неотъемлемая часть формы доказательства, а следовательно и самого доказательства в целом.

Неверность такого взгляда на форму доказательства заключается, по нашему мнению, в умышленном смешении самостоятельных явлений – доказательств и способов собирания (получения) доказательства, каждое из которых имеет собственное содержание и форму. Безусловное наличие связи между процессуальной деятельностью и доказательствами не дает оснований для их отождествления. Однако главная причина, позволяющая считать эти взгляды ошибочными, состоит в их несоответствии современной модели уголовного судопроизводства России, в основе которой – концепт состязательности. Поясним сказанное.

Собирание доказательств в соответствии со ст. 86 УПК РФ осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий. Основным способом собирания доказательств, как давно и хорошо известно [11, с. 383], являются следственные действия, процедура которых имеет детальную правовую регламентацию, призванную обеспечить адекватное отражение в материалах дела результатов познавательной деятельности субъектов уголовного процесса, гарантировать права участников следственного действия. В связи с этим указание на законность способа получения сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в формулировку понятия доказательства означает, что доказательствами по уголовному могут выступать только сведения, полученные органами предварительного расследования и/или судом. Противостоящая обвинению сторона защиты, не наделенная полномочиями по производству следственных действий, не имеет возможности собирать доказательства и, следовательно, участвовать в равноправном, то есть справедливом состязании со стороны обвинения. Результатом этого является не только односторонность исследования обстоятельств дела в стадии предварительного расследования, но и необъективность их оценки судом.

Для получения всестороннего представления об обстоятельствах дела суду должна быть предоставлена возможность исследовать доказательства, представленные обеими сторонами. Как бы ни старался суд проявлять беспристрастность, его решение не может рассматриваться как объективное, если объектом исследования в суде были доказательства, представленные лишь или преимущественно одной стороной. Предоставление второй стороне права участвовать в исследовании обвинительных доказательств и высказывать суду свою оценку их достоверности, допустимости и достаточности позволяет создавать лишь видимость состязательности и объективности рассмотрения уголовного дела, в действительности же никакой состязательности не происходит: стороны не равны, вследствие чего и суд необъективен.

Построение российского уголовного процесса, имеющего досудебную часть в виде предварительного расследования, все полномочия по производству и распоряжению которым принадлежат органам уголовного преследования, закономерным образом обуславливает такое положение дел, при котором практически все доказательства, исследуемые судом, собраны следователем (дознавателем). Поэтому провозгласив наш уголовный процесс состязательным, законодатель предпринял по-

пытку обеспечить равноправие сторон в собирании доказательств. Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны представлять запрашиваемые документы или их копии. Однако теоретики уголовного процесса восприняли это нововведение, в основном, критически, считая, что сведения, полученные названными в ст. 86 УПК способами, доказательствами не являются [12, с. 114–115; 13, с. 33–34; 14, с. 47].

Аргументы противников идеи о собирании защитником доказательств не отличаются ни разнообразием, ни новизной. «Документы, предметы, сведения, полученные защитником в результате опроса лица, не отвечают такому обязательному свойству доказательства как допустимость, так как они не получены и не закреплены в процессуальном порядке и в процессуальной форме» [7, с. 254]. Поэтому «защитник, не имея властных полномочий, которыми располагает следователь, может лишь представить ему полученные доказательствами материалы (справки, характеристики, записи бесед с гражданами, мнения специалистов и т. п.) с ходатайством о приобщении их к делу или о допросе нужных лиц» [13, с. 33]. Подобное отношение к результатам деятельности адвоката-защитника высказывалось и ранее, задолго до того, как Конституция РФ закрепила состязательность в качестве основного вектора судебной реформы. «Материалы, полученные защитником, становятся доказательствами лишь после их приобщения к делу и обычно должны быть проверены путем проведения следователем или судом соответствующего процессуального действия – допроса свидетеля, назначения экспертизы, осмотра местности или помещения» [15, с. 60], – еще в 1982 году писал Ю.И. Стецовский.

Итак, представляемые защитником материалы не считаются доказательствами, так как не отвечают свойству допустимости. Аргумент достаточно серьезный: «недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 Уголовно-процессуального кодекса (ст. 75 УПК РФ). Однако и эти положения закона не дают, как представляется, основания отождествлять доказательства с процедурой их получения, что неизбежно при рассмотрении процедуры получения доказательства в качестве его формы.

Приведем в качестве аргументов ряд правовых положений.

1. «Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего кодекса, являются недопустимыми» (ч. 1 ст. 75 УПК РФ).

2. «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела» (ч. 1 ст. 88).

3. «Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» (ч. 2 ст. 17).

В своем единстве эти установленные законом правила говорят о том, что вывод о допустимости доказательства есть **результат его оценки**, ни одно доказательство априори не является и не может считаться относимым, допустимым или достоверным. Естественно, оценка доказательств, как мыслительный процесс, сопровождает каждый шаг следователя, совершаемый им при производстве того или иного следственного действия. Такая оценка является необходимым условием отбора получаемой следователем информации, однако она носит лишь **предварительный** характер, главным образом потому, что в момент получения доказательства следователь не рас-

полагает всей информацией, способной повлиять на выводы об относимости и достоверности доказательства. Что же касается допустимости доказательства, зависящей от соблюдения самим следователем требований уголовного-процессуального закона, то он, то есть следователь, не может рассматриваться в качестве надлежащего субъекта её оценки в силу своей пристрастности, а рассмотрение этого вопроса судом требует привлечения и соответственно оценки других доказательств, совокупность которых и позволяет установить или опровергнуть факт нарушения закона при получении следователем доказательства.

Таким образом, приведенные правовые положения приводят к выводам:

1) допустимость доказательства является точно таким же критерием его оценки, как относимость и достоверность;

2) для оценки допустимости доказательства, так же как и для оценки относимости и достоверности, требуется сопоставить его с другими доказательствами, а следовательно,

3) допустимость не является имманентным свойством доказательства. Иначе говоря, уголовно-процессуальный закон различает понятия «доказательство» и «допустимое доказательство». Формулировка части 2 ст. 74 УПК РФ, согласно которой в качестве доказательств допускаются показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых и подозреваемых, заключения и показания эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных действий и иные документы, не дает оснований для утверждения о том, что перечисленные виды доказательств заведомо допустимы. Закон лишь говорит о том, что только эти виды доказательств могут быть использованы для доказывания обвинения, но вопрос о том, соответствует ли закону процедура получения каждого из них, относится к исключительной прерогативе суда. Поэтому суждение о том, что «относимость и допустимость – необходимые и достаточные свойства сведений, при наличии которых они обретают статус доказательств» [14, с. 115–116], не только по существу, но и методологически неверно, особенно если учитывать, что «проявлением этого статуса служит фиксация такого рода сведений в тех или иных процессуальных документах, содержащихся в материалах дела» [14, с. 116]. Получается, что любое доказательство, полученное следователем и облеченное в предусмотренную частью 2 ст. 74 УПК форму, уже допустимо, но это и означает, что понятия «допустимое доказательство» и «доказательство» фактически тождественны, допустимость обвинительных доказательств презюмируется, выводится за рамки оценки доказательств.

Подобные взгляды и есть (скрытое) отрицание состязательности, существующее на подсознательном уровне и отражающее представления об уголовном процессе как направленной к общей цели деятельности следователя, прокурора и суда. Включение допустимости в понятие доказательства в качестве его неотъемлемого свойства создает заведомые преимущества доказательствам обвинения, ибо только они могут обладать допустимостью в рассмотренном выше значении. В соответствии с этим в теории утверждается, что предусмотренное частью 3 ст. 86 УПК РФ право защитника собирать доказательства носит декларативный характер, а предметы и документы, представленные в качестве доказательств стороной защиты, не признаются допустимыми потому, что «получены без соблюдения надлежащей процессуальной процедуры» [9, с. 16; 16, с. 59–65]. «Трансформация предметов и документов в доказательства, то есть обретение ими свойства допустимости, зависит от решения должностного лица (дознателя, следователя, прокурора) или органа (суда)» [14, с. 139–140].

Совершенно очевидно, что такая позиция плохо согласуется как с состязательностью уголовного судопроиз-

водства, так и с закрепленным в ряде статей УПК правом подозреваемого, обвиняемого, защитника собирать и представлять доказательства, ни с принципом свободной оценки доказательств. Доказательства обвинения при-дается заведомая юридическая сила допустимых доказательств до их оценки [14, с. 118], тогда как сведения, представленные стороной защиты, обретают свойство допустимости, а значит, трансформируются в доказательства, после оценки, ибо, как полагает С.А. Шейфер, «именно после закрепления информации создается возможность определить её относимость (по содержанию) и допустимость по способу получения и надлежащей фиксации), то есть признать её доказательством» [16, с. 62].

Ошибочность таких представлений, на наш взгляд, заключается и в игнорировании положений уголовно-процессуального закона, следующих из взаимосвязанных принципов состязательности уголовного судопроизводства и презумпции невиновности. Допустимость сведений, представленных защитой, не может оцениваться с тех же позиций, что допустимость доказательств, собираемых органами уголовного преследования. Защитник не наделен правом производить следственные действия, на него не возложена обязанность доказывания достоверности своих утверждений, следовательно, к нему не может быть предъявлено требование о соблюдении процессуальной формы при получении сведений, представляемых им в качестве доказательств. В то же время, субъекты, осуществляющие в уголовном процессе уголовное преследование от имени государства, обязаны доказать как обвинение, так и законность своих действий по собиранию тех доказательств, которыми это обвинение обосновывается. Именно поэтому для доказывания обвинения закон допускает только те сведения, которые получены в соответствии с требованиями УПК. Обязанность независимого от обвинения суда удостовериться в допустимости этих доказательств обуславливает обязанность государственного обвинителя доказать, что доказательства были получены законным путем. Этой цели и служит сложная процессуальная форма собирания и закрепления доказательств, неправомерно используемая теорией для отрицания доказательственной ценности предметов и документов, представляемых стороной защиты.

Презумпция допустимости лишь доказательств, полученных органами предварительного расследования, теоретически и идеологически оправданная в предшествующий период исторического развития, не совместима с принципами уголовного процесса новой России. В состязательном уголовном процессе нет и не может быть доказательств, обладающих заранее установленной силой (ч. 2 ст. 17 УПК РФ), поэтому любая попытка придать такую силу результатам следственных действий нарушает баланс процессуальных возможностей сторон и отбрасывает нас далеко назад, в инквизиционное прошлое.

Вытекающие из приведенных аргументов выводы очевидны. Привычные представления о доказательствах сохраняют свое значение при рассмотрении уголовного процесса лишь как формы уголовного преследования. Однако поскольку уголовный процесс имеет и другую сторону, позволяющую считать его формой осуществления правосудия, то есть собственно, уголовным судопроизводством, и поскольку в России принята состязательная модель судопроизводства, теоретическая конструкция понятия «доказательство» должна быть приведена в соответствие с его нормативным выражением.

Закон различает доказательства, которые собирают и представляют стороны (ст. 42, 44, 46, 47, 53, 54, 86, 245 и др.), проверяет и оценивает суд (ст. 87, 88, 240), и доказательства, на основе которых принимается судебное решение. Такое различие соответствует общепринятым представлениям о двух уровнях процесса доказывания – практическом и логическом. В соответствии со ст. 74

УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном законом порядке устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Эти сведения могут быть получены любым из предусмотренных в УПК способом, причем не только субъектами уголовного преследования, но и субъектами защиты. Разность способов соби­рания этих сведений сторонами, обусловленная возло­жением на одну из сторон бремени доказывания, в свою очередь, диктует и разность требований, предъявляемых законодателем к тому, что мы называем процессуальной формой, однако доказательством, лежащим в основа­ние судебного решения, всегда являются собственные знания судьи, приобретенные в процессе исследования доказательств, представленных сторонами.

В силу требования непосредственности (ст. 240 УПК) суд обязан лично допросить свидетелей, потерпевших, обвиняемых, осмотреть вещественные доказательства, местности и помещения, произвести следственный эксперимент, опознание, освидетельствование, назна­чить экспертизу и допросить эксперта и специалиста, поскольку только таким путем может быть обеспечена независимость и объективность судейского восприятия и оценки доказательственной информации, то есть сво­бода внутреннего убеждения. Приговор суда не может быть основан на неисследованных им доказательствах, и ни одно доказательство для суда не имеет заранее уста­новленной силы, в том числе и силы допустимого до­казательства, ни одно доказательство не имеет преимущ­еств перед другими. Сведения, полученные судьей из источников, на которые указывают стороны, подверга­ются анализу и синтезу, осмыслению и обобщению. Пере­работанные его сознанием, эти сведения и становятся основанием судейского решения, то есть трансформиру­ются в собственно судебные доказательства.

Изложенное не следует толковать как отрицание про­цессуальной формы получения и закрепления доказа­тельной информации органами предварительного рас­следования, поскольку эффективность доказывания обвинения находится в прямой зависимости от его закон­ности. Требуется безусловного соблюдения процессуаль­ной формы и деятельность по получению и закреплению доказательственной информации, осуществляемая судь­ей. Однако, только разграничив понятия «доказатель­ство» как объект практической деятельности субъектов уголовного процесса, и «доказательство» как установ­ленный судом в результате проверки и оценки представ­ленных ему сведений факт, мы обеспечиваем равенство сторон в соби­рании и представлении доказательств, сво­боду, то есть независимость от формальных критериев оценки доказательств судьей, а значит состязательность, то есть справедливость уголовного судопроизводства.

Резюмируя изложенное, подведем краткие итоги:

1) сложившееся в предшествующий исторический период представление о доказательствах только как о сведениях, облеченных в предусмотренную законом форму, неизбежно ведет к отрицанию доказательствен­ного значения сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, представленных стороной защиты, нарушает равноправие сторон и состязательность уго­ловного судопроизводства, ограничивает независимость судебной власти и свободу оценки доказательств;

2) эти представления о доказательствах не соответству­ют не только духу, но и букве уголовно-процессуально­го закона. УПК РФ различает доказательства как любые сведения, собираемые сторонами для представления суду в целях обоснования или опровержения обвине­ния, подлежащие всесторонней проверке и объективной

оценке в соответствии с требованиями и критериями, установленными ст. 87, 88 УПК РФ, и доказательства как проверенные и оцененные судом достоверные сведения, являющиеся основанием судебного решения;

3) пора, наконец, признать, что представляемые сто­ронами доказательства обладают для суда равным зна­чением, что доказательства обвинения не имеют перед доказательствами защиты никаких преимуществ, обу­словленных процессуальной формой их соби­рания и за­крепления;

4) соблюдение процессуальной формы при соби­рании обвинителем доказательств – не основание для вы­вода о преимуществе этих доказательств, а составная часть вытекающего из презумпции невиновности бре­мени доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федера­ции / под ред. И.Л. Петрухина. М.: Проспект, 2006. 688 с.
2. Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного пра­ва. М.: Юрист, 2002. 312 с.
3. Соловьев А.Б. Доказывание по уголовно-процессу­альному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии). М.: Юрлитинформ, 2003. 264 с.
4. Азаров В.А., Ревенко Н.И., Куземаева М.М. Функ­ция предварительного расследования в истории, те­ории и практике уголовного процесса России. Омск: ОмГУ, 2006. 560 с.
5. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уго­ловным делам: проблемы теории и правового регули­рования. М.: Норма, 2008. 240 с.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процес­са. Т. 1. М.: Наука, 1968. 468 с.
7. Уголовно-процессуальное право Российской Феде­рации / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юрист, 2004. 1072 с.
8. Шейфер С.А., Тарасов А.А. Требуют ли принцип со­стязательности и положения ч. 3 ст. 86 УПК создания новой теории доказательств? // Актуальные пробле­мы современного уголовного процесса: Российский Межвузовский сборник научных статей. Самара: Са­марский университет, 2007. Вып. 2. С. 14–22.
9. Шейфер С.А. Понятие доказательства: спорные во­просы теории // Государство и право. 2008. № 3. С. 12–21.
10. Балакишин В.С. Доказательства в теории и практике уголовного-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации) : ав­тореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 533 с.
11. Теория доказательств в советском уголовном процес­се / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 735 с.
12. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уго­ловного процесса в России. Ч. 1. М.: ТК Велби, 2004. 220 с.
13. Шейфер С.А. Куда движется российское уголовное судопроизводство? (размышления по поводу векто­ров развития уголовно- процессуального законода­тельства) // Государство и право. 2007. № 1. С. 28–37.
14. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по дока­зыванию в уголовном процессе. М.: Проспект, 2006. 189 с.
15. Стецовский Ю.И. Уголовно-процессуальная деятель­ность защитника. М.: Юрид. лит., 1982. 174 с.
16. Шейфер С.А. Роль защиты в формировании доказа­тельной базы по уголовному делу // Государство и право. 2006. № 7. С. 59–65.

**THE TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF “EVIDENCE”
IN ADVERSIAL CRIMINAL PROCESS**

© 2017

V.A. Lazareva, Doctoral degree in law, professor,
head of Department of Criminal Procedure and Forensic Science
Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: proof; evidence; admissibility of the proofs; adversarial; presumption of innocence; evidence submitted by the defense.

Abstract: In the article the concept of “evidence” in adversarial criminal process. The author substantiates the need to review the requirements to evidence submitted by the defense and explains the idea of procedural forms in the light of the principle of the presumption of innocence.

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАК ЦЕЛЬ УЧАСТИЯ РОССИИ
В МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЪЕДИНЕНИИ**

© 2017

А.Ф. Малый, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и административного права
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)

Ключевые слова: экономическая интеграция; межгосударственное объединение; союз; надгосударственный орган; юрисдикционные полномочия.

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые проблемы участия России в межгосударственных объединениях. В 2014 году Беларусь, Казахстан и Россия создали Евразийский экономический союз (ЕАЭС), целью которого является развитие экономик государств-учредителей. О привлекательности нового Союза говорит тот факт, что к нему уже присоединились Киргизия и Армения, обсуждаются вопросы относительно форм участия других стран в деятельности Союза. Переговоры о заключении соглашений о зоне свободной торговле ведутся с Египтом, Таиландом, Ираном, Монголией, Сербией.

На примере Евразийского экономического союза показаны сложности становления экономических отношений, их регулирования на межгосударственном и надгосударственном уровне. Периодически возникают разногласия между Россией и Республикой Беларусь по вопросам о тарифах на энергоносители, поступления из Беларуси на рынок России санкционных товаров из Европы. Тем не менее Союз развивается, преодолевая все сложности.

Этому способствует организационная структура, заложенная Договором о ЕАЭС 2014 года. Органы Евразийского экономического союза ведут последовательную работу по созданию правовой основы функционирования общего рынка. Идет разработка и внедрение технических регламентов, которые позволяют унифицировать требования контролирующих органов государств-членов к качеству поступающих на рынок товаров.

Риски, связанные с конкурентной борьбой, побуждают участников межгосударственных экономических объединений создавать механизм защиты своих хозяйствующих субъектов. Так, Договор о ЕАЭС наделяет Евразийскую экономическую комиссию юрисдикционными полномочиями, позволяющими ей осуществлять функцию защиты своих товаропроизводителей от недобросовестной конкуренции. Евразийская экономическая комиссия имеет право начать расследование в отношении компаний, поставляющих товар на рынок ЕАЭС по демпинговым ценам.

В статье сделан вывод о необходимости усиления полномочий наднациональных органов нового Союза.

Глобализация мирового экономического пространства не может не затрагивать Российскую Федерацию [1, с. 3]. Участие в межгосударственных объединениях дает возможность каждой стране значительно повысить потенциал своего развития, но, с другой стороны, создает угрозу потери части своих суверенных прав. Эти риски нивелируются балансом договоренностей, достигаемых при заключении международных договоров, и учитывающих возможности влияния государств на принимаемые общие решения.

Интересы участников межгосударственных объединений обеспечиваются в процессе взаимодействия, опирающегося на нормы международного права. Часто проблемой является согласование норм различных уровней, например, «права ВТО», национального и международного права [2] Тюрина.

Искключительно важен опыт Европейского Союза как успешного экономического сообщества, со всеми своими сильными сторонами взаимодействия государств с различным уровнем экономического развития. Этот опыт позволяет оценивать различные аспекты экономической интеграции, брать все позитивное и воздерживаться от шагов, внушающих опасения с точки зрения защиты интересов отдельных государств-участников [3–5].

Для России важно учитывать не только интересы государства в целом, но и интересы ее субъектов. Российская Федерация представляет собой совокупность субъектов, успешное экономическое развитие которых является важным фактором развития страны. Благополучие граждан РФ не может обуславливаться местом их проживания, географическими или иными условиями. Каждый регион России должен себя чувствовать равноправным участником не только политического процесса, но и частью взаимосвязанного хозяйственного механизма. Общая экономическая политика государства должна быть нацелена на создание благоприятного климата для товаропроизводителей независимо от места их регистрации, вида производимого товара, создаваемых преференций.

Созданию благоприятных условий развития бизнеса в стране, в том числе в субъектах РФ, должно способствовать интегрирование государства в мировую экономику. Именно эту цель преследует учреждение различного рода межгосударственных объединений. Россия последовательно шла в направлении установления более тесных экономических отношений с традиционными торговыми партнерами – бывшими республиками СССР. Стремлением развивать интеграционные процессы объясняется учреждение Союзного государства Беларуси и России, создание Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), а затем и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). При этом использовался опыт Европейского Союза [6].

Евразийский экономический союз образован в 2014 году. Договор о его создании подписали три государства: Беларусь, Казахстан и Россия [7]. Сегодня ЕАЭС стал привлекательным межгосударственным экономическим объединением и для других стран. Армения и Киргизия присоединились к Союзу в 2015 году. Интерес к экономическому сотрудничеству со странами ЕАЭС проявляют целый ряд иных государств, стремящихся получить доступ на весьма привлекательный рынок. Можно сказать, что новый экономический Союз состоялся и продолжает развиваться [8].

Одним из направлений такого развития является заключение соглашений о зоне свободной торговли. Подобное соглашение было подписано с Вьетнамом 29 мая 2015 года (вступило в силу после ратификации государствами-членами ЕАЭС). Переговоры о заключении соглашений о ЗСТ ведутся с Египтом, Таиландом, Ираном, Монголией, Сербией.

17 февраля 2017 года в Сингапуре прошла встреча председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Тиграна Саркисяна с премьер-министром – главой правительства Республики Сингапур Ли Сянь Луном. Обсуждались вопросы расширения экономического сотрудничества и подписания Соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) между странами Евразийского

экономического союза (ЕАЭС) и Республикой Сингапур. В 2016 году между странами был подписан меморандум о взаимопонимании [9].

Вместе с тем становление нового межгосударственного образования проходит сложно, продолжается формирование его правовой базы, согласовываются различные взгляды и подходы к содержанию интеграционных процессов. Примером может служить сложный процесс согласования цены на газ для Республики Беларусь, имеющиеся разногласия относительно проникновения на российский рынок продовольственных товаров из ЕС, внесенных Россией в антисанкционный список. По мнению политолога А. Суздальцева, «на территории Белоруссии возник, пожалуй, самый крупный на планете контрабандный терминал, включающий и логистические центры, куда поступает продукция с Запада, переупаковывается, снабжается государственными санитарными документами, и уже оттуда на российский рынок приходят белорусские киви и апельсины. Это делается демонстративно, и объемы такой контрабанды колоссальные» [10]. Пользуясь выгодами торговли с Россией в рамках ЕАЭС, Белоруссия, в то же время, неохотно пускает российские товары на свой рынок. Например, в Белоруссии нет ни Камазов, ни ростовских комбайнов [10]. Есть проблемы торговых отношений с Казахстаном. А. Суздальцев отмечает, что «благодаря Казахстану российский рынок превратился в отделение китайского рынка» [10].

Все эти проблемы известны, они обсуждаются на различных «площадках» с использованием механизмов, существующих в ЕАЭС. Анализ существующих проблем отражен в докладе «Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза» (Белая книга), который подготовлен Коллегией по внутренним рынкам, информатизации, информационно-коммуникационным технологиям Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Представленный в Докладе анализ направлен на обеспечение функционирования внутреннего рынка Евразийского экономического союза без барьеров, изъятий и ограничений. В его основе лежит совместная работа всех заинтересованных сторон: государственных органов, бизнес-сообщества стран – членов ЕАЭС, а также использованы наилучшие международные практики и опыт по выявлению и устранению препятствий на внутренних рынках в интеграционных объединениях [11].

Несмотря на все сложности периода становления нового экономического союза, Россия продолжает поддерживать и развивать партнерские отношения с государствами – членами ЕАЭС, полагая, что без подобной интеграции страна не сможет полноценно развиваться.

Органы Евразийского экономического союза ведут последовательную работу по созданию правовой основы функционирования общего рынка. Идет разработка и внедрение техрегламентов, которые позволяют унифицировать требования контролирующих органов государств-членов к качеству поступающих на рынок товаров. Безусловно, важным является разработка документов, регламентирующих отношения с третьими странами, продукция которых ввозится на территорию ЕАЭС [12].

Риски, связанные с конкурентной борьбой, побуждают участников межгосударственных экономических объединений создавать механизм защиты своих хозяйствующих субъектов. Так, Договор о ЕАЭС наделяет Евразийскую экономическую комиссию юрисдикционными полномочиями, позволяющими ей осуществлять функцию защиты своих товаропроизводителей от недобросовестной конкуренции.

Евразийская экономическая комиссия имеет право начать расследование в отношении компаний, поставляющих товар на рынок ЕАЭС по демпинговым ценам. Правовой основой такого расследования является Приложение № 8 к Договору о ЕАЭС 2014 года, которое именуется «Протокол о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отноше-

нию к третьим странам». Например, приказом директора Департамента защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии от 30 декабря 2016 года утверждено Уведомление «О начале антидемпингового расследования в отношении гербицидов, происходящих из Европейского союза и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» [13].

По итогам расследования Коллегия Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) может принять решение о введении антидемпинговой пошлины в отношении товара, поступающего из третьей страны. Например, решением Коллегии ЕЭК от 17 ноября 2015 года принято Решение № 154 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении грузовых шин, происходящих из Китайской Народной Республики и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» [14].

Юрисдикционная компетенция наднациональных органов межгосударственных объединений является предметом обсуждения как в академических кругах, так и среди политиков. Осторожность, с которой лидеры государств ЕАЭС подходят к возможности расширения полномочий наднациональных органов понятна, поскольку утрата части суверенных полномочий оказывает влияние на общую атмосферу развития интеграционных возможностей [15–17].

Руководство ЕАЭС продолжает работу по согласованию документов, призванных создать единую правовую основу общего рынка ЕАЭС. Объем документов, необходимых согласований при их разработке и утверждении весьма значителен. Например, создается правовая основа для защиты фармацевтического рынка от поддельных и некачественных товаров. Планируется создание в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) Фармакопеи – единого свода требований к качеству лекарств. Это необходимо не только для производства качественных лекарственных препаратов, но и для стабильного развития в Союзе фармацевтической промышленности. Целью новации является обеспечение граждан ЕАЭС безопасными и качественными лекарствами.

Подобный положительный опыт существует в Европе, который может быть использован и в ЕАЭС. Безусловно, знакомиться с практикой создания соответствующих структур предпочтительней путем совместной деятельности. Возможные шаги в этом направлении обсудили в Страсбурге министр по техническому регулированию Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) В. Корешков и директор Европейского директората по качеству лекарственных средств и здравоохранению (EDQM) Сюзанн Кайтель. Гармонизация в рамках Союза национальных требований к качеству лекарств, по мнению участников встречи, может стать событием глобального масштаба – вторым региональным проектом в мире после Европейской фармакопеи и первым – на евразийском пространстве. Создание Фармакопеи Евразийского союза придаст новый импульс международным торговым отношениям в этой сфере.

Интеграционные процессы в рамках ЕАЭС затрагивают широкий круг вопросов как экономического, так и политического плана. Их решение представляет собой непростую задачу, но на сегодня есть политическая воля и основополагающие учредительные акты, благодаря которым процесс экономического взаимодействия остановить уже невозможно [18]. Можно уверенно констатировать, что формирование единого экономического пространства, основанного на незыблемости провозглашенных в Договоре о ЕАЭС 2014 года принципах, продолжается. Его успех во многом зависит от эффективности деятельности наднациональных органов управления Союзом [19]. Однако сегодняшние полномочия не позволяют им в полной мере осуществлять регулирующее воздействие на процессы интеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эбзеев Б.С. Глобализация и становление транснационального конституционализма // Государство и право. 2017. № 1. С. 5–15.
2. Тюрина Н.Е. Фрагментация международного права в контексте «права ВТО» // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 52–58.
3. Бирюков М.М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право. М.: Научная книга, 2006. 253 с.
4. Право Европейского Союза / под ред. С.Ю. Кашкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2010. 1119 с.
5. The European Commission / eds. D. Spence, E. Geoffrey. London: John Harper Publishing, 2006. 250 p.
6. Малый А.Ф. Институциональная система ЕвразЭС и опыт Европейского Союза // Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции: материалы международной конференции. М.: ИЦ ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2014. С. 216–220.
7. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Евразийская экономическая комиссия. URL: eurasiancommission.org.
8. Евразийство: на пути к «Большой Европе» / науч. ред. Ю.Н. Сушкова. Саранск: Мордов. ун-т, 2015. 208 с.
9. Председатель Коллегии ЕЭК Тигран Саркисян встретился с премьер-министром Республики Сингапур: Соглашение о ЗСТ будет подписано до конца 2017 года // Евразийская экономическая комиссия. URL: urasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-02-2017-2.aspx.
10. Горбачев А.А. Жить за счет России вы готовы? Политолог Андрей Суздальцев – о невыгодном для Москвы ЕАЭС // Lenta.ru. 2017. 5 февраля.
11. Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза (Белая книга). Доклад Коллегии по внутренним рынкам, информатизации, информационно-коммуникационным технологиям Евразийской экономической комиссии // Евразийская экономическая комиссия. URL: eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/09-02-2017-165921.aspx.
12. Малый А.Ф., Малая Т.Н. Проблемы обеспечения национальной продовольственной безопасности при формировании единого экономического пространства в странах ЕС и ЕАЭС // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 143–146.
13. О начале антидемпингового расследования в отношении гербицидов, происходящих из Европейского союза и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза: утв. приказом директора Департамента защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии от 30 декабря 2016 года // Евразийский экономический союз: правовой портал. URL: docs.eaeunion.org.
14. О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении грузовых шин, происходящих из Китайской Народной Республики и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза: решение Коллегии ЕЭК от 17 ноября 2015 г. № 154 // Евразийский экономический союз: правовой портал. URL: docs.eaeunion.org/clcd/18112015/154.
15. Tolstykh V.L. The Problems of Eurasian Integration // Journal of Eurasian Law. 2015. № 3. P. 17–22.
16. Malaya T., Nesterova T. On the Jurisdictional Powers of the Eurasian Economic Union // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2017. Vol. 7. № 8. P. 2143–2147.
17. Малый А.Ф. Воплощение принципа наднациональности в организационной структуре Евразийского союза // Европейский союз и Евразийский экономический союз: на пути к «Большой Европе» от Лиссабона до Владивостока: материалы международной научно-практической конференции. Саранск: НИ МордГУ им. Н.П. Огарёва, 2016. С. 75–82.
18. Kashirina A.A., Morozov A.N. The International-Legal Model of the Eurasian Economic Union: Integration Interaction Potential and Risks // Journal of Eurasian Law. 2015. № 6. P. 25–29.
19. Malyi A.F., Khurmatullina A.M. The supranationality problem in the formation of associations (the case of the Eurasian economic union) // Journal of Economics and Economic Education Research. 2016. Vol. 17. Special Issue 2. P. 304–309.

ECONOMIC DEVELOPMENT AS A PURPOSE OF RUSSIA'S PARTICIPATION IN INTERSTATE ASSOCIATION

© 2017

A.F. Malyi, Doctor of Law, Professor,
Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law
Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan (Russia)

Keywords: economic integration; interstate association; union; Russian Federation; supranational body.

Abstract: The author discusses some problems of Russia's participation in interstate associations. In 2014 Belarus, Kazakhstan and Russian Federation created the Eurasian Economic Union (EAEU), whose goal is development economics of the founding states. The attractiveness to Union is evidenced by the fact that it was joined by Kyrgyzstan and Armenia; therefore questions are discussed regarding the forms of participation in Union by other countries. Negotiations on the conclusion of agreements on a free trade zone are being conducted with Egypt, Thailand, Iran, Mongolia, and Serbia.

The example of the Eurasian Economic Union shows the difficulties of the formation of economic relations, their regulation at the interstate and supstate level. There has been somedisaagreement between Russian Federation and the Republic of Belarus on the issue of tariffs for energy carriers and the receipt of sanctions goods from Europe to the Russian market. Nevertheless, the Union is developing, overcoming all difficulties. This is facilitated by the organizational structure laid down by the Treaty on the Eurasian Economic Union of 2014. The Union bodies are constantly working on creating a legal framework for the functioning of the common market. There is a development and implementation of technical regulations that allow to unify the requirements of the controlling bodies of the Member States to the quality of goods entering the market.

Risks related to competitive struggle are encourage participants of interstate economic associations to create a mechanism for protecting their economic entities. Thus, the Treaty on the Eurasian Economic Union gives the Eurasian Economic Commission jurisdictional powers that allow it to exercise the function of protecting its producers from unfair competition. The Eurasian Economic Commission has the right to initiate an investigation against companies that supply goods to the market of the Union at dumping prices.

The article concludes that it is necessary to strengthen the powers of the supranational bodies of the Union.

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ**

© 2017

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, директор
Саратовский филиал Института государства и права РАН, Саратов (Россия)
Р.С. Маркунин, кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; системный подход; орган публичной власти; государство; иммунитет; президент.

Аннотация: Статья посвящена анализу системного подхода и его роли в изучении юридической ответственности органов публичной власти на примере Президента РФ. В рамках ответственности главы государства как системы предлагается выделить такие элементы, как субъект ответственности, ее основания, процедура привлечения к ответственности, меры юридической ответственности и др. В работе подчеркивается особое место Президента РФ среди государственных органов и должностных лиц, которое отличается отсутствием подчиненности в процессе осуществления государственных полномочий, что сопряжено с должностной независимостью, неприкосновенностью и особым государственным статусом. В связи с подобным положением Президента стоит признать особый характер последствий нарушения нормативно-правовых актов с его стороны, поскольку общественная опасность в таком случае будет максимальной. В работе подробно исследованы каждый элемент системы ответственности главы государства. В результате проведенного анализа статуса Президента РФ дается вывод о том, что существующие основания отрешения от должности главы государства находятся в неудовлетворительном состоянии. На современном этапе сыграло свою положительную роль расширение перечня оснований, а именно «в связи с совершением деяний, несовместимых со статусом главы государства». В заключении подчеркивается неудовлетворительное состояние действующей системы ответственности главы государства, в связи с чем необходимы соответствующие изменения каждого элемента системы, которые должны быть отражены на законодательном уровне. Без проведения подобных мероприятий не удастся выстроить как систему ответственности Президента РФ, так и систему ответственности органов публичной власти в целом.

В ходе разработки концепции правовой политики в сфере юридической ответственности может быть активно использован системный подход [1], что будет способствовать получению новых знаний и более глубокому исследованию такого явления как ответственность. Отдельные главы концепции могут быть рассмотрены в качестве элементов самой системы ответственности (основания ответственности, ее меры и т. д.).

Особо следует обратить внимание на проблему ответственности органов публичной власти и ее системном анализе [2]. Вопросы ответственности власти имеют принципиальное значение, учитывая избранный путь нашей страны, ориентированный на построение правового государства и формирование гражданского общества. В связи с этим необходим постоянный контроль как со стороны общества, так и самого государства [3]. Особенность ответственности государства связано с установлением в отношении себя законодательных ограничений, системы контроля и мер ответственности. Объем подобных мер и ограничений зависит от стадии развития правового государства в конкретной стране [4]. Ослабление функции контроля за деятельностью властных субъектов со стороны демократических институтов может создавать опасную ситуацию, которая негативным образом будет сказываться на эффективности работы публичной власти [5].

Публичную власть в государстве олицетворяет ряд субъектов, среди которых особое место занимает Президент РФ. Он является главой государства, высшим должностным лицом страны, наделенным предельно широкими полномочиями, от действий или бездействия которого зависит состояние жизни всей страны. Место Президента среди государственных органов и должностных лиц отличается отсутствием подчиненности в процессе осуществления государственных полномочий, что сопряжено с должностной независимостью, неприкосновенностью и особым государственным статусом [6].

В связи с подобным положением Президента стоит признать особый характер последствий нарушения нормативно-правовых актов с его стороны, поскольку общественная опасность в таком случае будет максимальной. На основании чего считаем, что исследование вопросов ответственности Президента РФ и особенностей ее закрепления в действующем законодательстве имеет особое значение [7].

Использование системного метода обязывает нас установить и подвергнуть анализу отдельные элементы системы ответственности главы государства. Применительно к ответственности Президента РФ можно вести речь о таких элементах как: субъект ответственности, ее основания, процедура привлечения, меры юридической ответственности.

Наличие и закрепление самого субъекта в законодательстве в качестве элемента системы ответственности не вызывает сомнений. Президент РФ выступает особым субъектом, имеющим свой уникальный правовой статус со свойственными ему иммунитетами и гарантиями, что в связи с занимаемой высокой должностью весьма обоснованно. Широкий перечень полномочий также закреплен на законодательном уровне. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в действующей Конституции отсутствует точное определение неприкосновенности Президента РФ. Норма, раскрывающая сущность президентского иммунитета также не содержится в каких-либо нормативно-правовых актах.

Существование подобного пробела сказывается негативным образом на показателе эффективности системы ответственности, поскольку отсутствие вышеназванной дефинитивной нормы и ее детального закрепления на законодательном уровне создает потенциальную опасность в будущем при возможном совершении различных правонарушений со стороны Президента [8]. В данном случае мы склоняемся к мнению о необходимости принятия специального федерального конституционного закона о статусе Президента РФ, в котором следует за-

крепить основные права, обязанности, раскрыть перечень имеющихся гарантий и особенности их правового регулирования, тем самым ликвидировать имеющиеся сегодня пробелы.

Рассматривая вопрос о неприкосновенности Президента РФ, следует указать на еще один немаловажный момент. Если в отношении действующего главы государства ее содержание в законодательстве раскрывается недостаточно, то в отношении бывшего президента и членов его семьи ситуация совершенно иная. В ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 12 февраля 2001 года «О гарантиях Президенту РФ, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» говорится о неприкосновенности прекратившего исполнение своих полномочий Президента РФ. Это означает, что он не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности за деяния, совершенные им в период своего президентства, а также задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу либо личному досмотру, если указанные действия осуществляются в ходе производства по делам, связанным с исполнением им полномочий главы государства.

Вопрос о том, почему законодатель в отношении бывшего Президента закрепил особенности регулирования его неприкосновенности, но не сделал этого в отношении действующего, остается открытым.

Далее затронем такой элемент системы, как основания привлечения к ответственности. На сегодняшний день Конституцией РФ установлено основание, включающее в себя лишь случаи совершения Президентом преступления, и нет ни одного, влекущего ответственность за неисполнение им обязанностей. Это вполне объяснимо, поскольку на данный момент нуждаются в четком закреплении обязанности главы государства, неисполнение (ненадлежащее исполнение) которых должно влечь ответственность. Напомним, что действующая Конституция РФ не говорит ни об одной обязанности Президента прямо. Об обязанностях говорится лишь в норме, посвященной возможности временного исполнения обязанностей главы государства. Однако конкретный перечень обязанностей Президента так и не находит своего отражения в тексте Основного закона. Отсутствие зафиксированных обязанностей не дает возможности вести речь и о позитивной юридической ответственности, которая играет важную роль в поощрении активного правомерного поведения участников правоотношений за счет исполнения обязанностей [9] и морально-правового долга [10].

Норма, закрепленная в ст. 93 Конституции РФ, говорит нам о таких основаниях привлечения к ответственности, как государственная измена или совершение иного тяжкого преступления. Подобная формулировка вызывает лишь недоумение, поскольку включает в себя исключительно тяжкие преступления, хотя ст. 15 Уголовного кодекса РФ предусматривает несколько групп преступлений [11]. Получается, что глава государства, совершивший преступление средней тяжести или особо тяжкое, может оставаться в своей должности. Данное обстоятельство вступает в противоречие с одним из основных конституционных принципов – принципом равенства граждан перед законом и судом. Вышеназванный анализ оснований показывает их неработоспособный и половинчатый характер. Подобное состояние лишает возможности эффективно выстроить какую-либо систему, поскольку становится невозможно привлечь Президента по ряду действий, которые могут влиять на стабильность законности и правопорядок в стране. К примеру, многие правоведы считают, что в Конституции РФ необходимо закрепить перечень оснований и порядок привлечения к уголовной ответственности Президента как за совершение преступлений, так и за нарушение норм Конституции, неисполнение решений Конституционного Суда РФ или иных федеральных судов [12].

Мы, в свою очередь, также полагаем, что существующие основания отрешения от должности Президента находятся в неудовлетворительном состоянии. На современном этапе сыграло бы свою положительную роль расширение перечня оснований, а именно «в связи с совершением деяний, несовместимых со статусом главы государства». Подобная формулировка основания отрешения от должности помогла бы сблизить Президента с главой субъекта РФ, который может быть отрешен от занимаемой должности по утрате доверия [13], тем самым положив начало созданию единой, непротиворечивой системы ответственности должностных лиц.

Выдвинутое нами предложение не вступает в противоречие с зарубежной практикой, отвергающей конкретно сформулированные законодательные основания импичмента, о чем неопровержимо свидетельствует, например, опыт США. За рубежом неоднократно высказывались мнения о том, что возможны ситуации, при которых процедура импичмента может быть возбуждена за действия, которые не содержат в себе состава правонарушения. В качестве основания для инициирования процедуры импичмента может выступать любой поступок Президента, который подрывает доверие к федеральному правительству. К примеру, может быть достаточным обвинение в некомпетентности, дурном управлении, моральном несоответствии занимаемой должности [14]. Подобные основания выглядят вполне оправданными и органически вытекающими из статуса президента, который обязан иметь безупречную репутацию [15].

Говоря о мерах ответственности, стоит сказать, что в ст. 93 Конституции РФ зафиксирована мера в виде импичмента (отрешения от должности), которая является распространенной за рубежом. Иные меры ответственности применяются к Президенту РФ наравне с обычным гражданином в случае снятия с него неприкосновенности.

Президент представляет интересы своего народа и его волю, получает свой пост посредством прямых всенародных выборов. При этом население не имеет юридической возможности лишить своего представителя неприкосновенности. Народ с помощью проведения референдума может выразить лишь недоверие к президентской политике, но, даже принимая во внимание такое массовое недоверие, результаты данного референдума не могут быть основаниями утраты главой государства своей неприкосновенности с дальнейшим привлечением его к ответственности при возникновении кризисных ситуаций в стране.

С другой стороны, многие правоведы сходятся во мнении, что статус президента сопряжен с опасностью, что административное или уголовно-процессуальное действие может быть связано с лоббированием чьих-либо интересов, направленных на создание политической нестабильности. По этой причине, в отличие от иных лиц, обладающих иммунитетом, Президент не должен подвергаться производству подобных мер, так как они могут приравняться к попытке государственного переворота [16]. В последнее время эта позиция становится актуальной и находит все больше сторонников. В феврале 2017 года Председатель Государственной Думы РФ В.В. Володин поддержал предложение принять закон о защите чести и достоинства президента РФ, указав, что после того как президент избирается, он возглавляет институт президентства, а все институты должны быть защищены. Но так получилось, что в России на сегодняшний день этот вопрос законодательно не отрегулирован [17].

Возвращаясь к существующим мерам ответственности, мы склонны полагать, что отрешение от должности явно недостаточно и вредит гибкости всей системы ответственности. На данный момент следует предусмотреть возможность установления и иных, более мягких мер, например официальное предупреждение со сторо-

ны парламента. Благодаря закреплению разного рода ограничительных и предупредительных мер ответственности можно гарантировать работу главы государства в пределах законодательства.

Процедура привлечения также выступает немаловажным элементом системы ответственности Президента. Мы склонны утверждать, что современное состояние данного элемента требует внесения законодательных поправок. По нашему мнению, не совсем верным является словосочетание в ст. 93 Конституции РФ, что Президент Российской Федерации «может быть отрешен» [18]. Следует придать данной норме признак императивности, заменив словосочетание на «должен быть отрешен».

Существующая процедура отрешения Президента от должности чрезмерно усложнена, в ее реализации задействованы многие органы публичной власти. Действующая Конституция РФ также установила такие основания для постановки вопроса об отрешении от должности, при которых оно нереализуемо на практике. Президент РФ, согласно ст. 93 Конституции, может быть отрешен от должности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления. Совершенно очевидно, что невозможно уличить главу государства в совершении государственной измены или другого тяжкого уголовного преступления, да еще благодаря деятельности Государственной Думы, которая не имеет никаких специальных процессуальных полномочий [19].

Процесс отрешения Президента от должности сводится к трем этапам, с участием четырех государственных органов, которые являются коллегиальными, что лишь затягивает принятие решения. Помимо усложненности самой процедуры в ней наблюдаются и пробелы, в частности отсутствие норм, регулирующих процедуру предъявления обвинения и дачи заключения Верховным Судом РФ и т. д. Причем судьи Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ назначаются на эти должности по представлению Президента РФ (пункт «е» ст. 83 Конституции РФ) и получают материальные блага согласно его указам. Весьма сомнительно, что такие судьи позволят отрешить Президента РФ от должности [20].

Из вышесказанного можно сделать вывод об отсутствии потенциальной возможности привлечения главы государства к ответственности за свои действия. В связи с этим следует изменить имеющуюся процедуру, сделав ее практически осуществимой в реальных условиях. В этом вопросе стоит обратиться к зарубежному опыту, где встречается процедура, при которой отрешение от должности Президента происходит при наличии обвинения со стороны лишь двух палат парламента, как, например, в Италии, Польше, США.

На основании изложенного стоит констатировать факт того, что на сегодняшний день система ответственности главы государства в нашей стране не выстроена должным образом. Каждый элемент системы требует соответствующих изменений, которые должны быть отражены на законодательном уровне. Без проведения подобных мероприятий не удастся выстроить как систему ответственности Президента, так и систему ответственности органов публичной власти в целом. Особое положение главы государства и его центральное место в механизме власти обуславливает факт того, что на его систему ответственности ориентируются иные государственные органы и если система ответственности Президента будет закреплена лишь номинально, при этом обладая большим количеством пробелов и противоречий, то схожие недостатки будут свойственны и системам иных органов публичной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бруевич А.А. Соотношение категорий «система» и «системность» в теории права: философские и методологические основы // *Lex Russica*. 2013. № 1. С. 5–15.
2. Воробьева О.А. Публичная власть в России: проблемы теории и практики. М.: *Nota Bene*, 2010. 192 с.
3. Сулейманов Б.Б. Ответственность публичной власти: исторические и методологические аспекты // *Публичная власть: проблемы реализации и ответственности*. Саратов: Саратов. гос. академия права, 2011. С. 41–45.
4. Кушхова Б.З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 27 с.
5. Буравлев Ю.М. Юридическая ответственность государственных служащих, обусловленная оценкой эффективности служебной деятельности // *Государственная власть и местное самоуправление*. М.: *Юрист*, 2012. № 4. С. 32–35.
6. Курдубанова М.Ю. Конституционно-правовая ответственность Президента Российской Федерации // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2009. № 1. С. 16–19.
7. Малько А.В., Маркунин Р.С. Правовая политика в сфере юридической ответственности органов публичной власти // *Юридическая ответственность: философский, социологический, психологический и междотраслевой аспекты: монография*. М.: *Юрлитинформ*, 2017. С. 530–535.
8. Савченко Н.А. Президентский иммунитет: правовое обеспечение неприкосновенности Президента РФ // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2014. № 9. С. 6–10.
9. Краснов М.А. Ответственность власти. М.: *Магистр*, 1997. 55 с.
10. Магузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Саратов. ун-т, 1987. 294 с.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. М.: *Кн. сервис*, 2004. 160 с.
12. Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М.: *Юрист*, 2006. 345 с.
13. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 06 октября 1999 № 184-ФЗ: ред. от 09.03.2016 // *Собрание законодательства РФ*. 1999. № 42. Ст. 5005.
14. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: *Статут*, 2013. 520 с.
15. Хугаева Р.Г. Ответственность высших органов государственной власти и разделение властей // *Общество и право*. 2010. № 3. С. 67–68.
16. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М.: *Проспект*, 2013. 584 с.
17. К чести президента будь сказано // *Коммерсант.гу*. URL: kommersant.ru/doc/3218636.
18. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: ред. от 21.07.2014 // *Собрание законодательства РФ*. 2009. № 4. Ст. 445.
19. Быкова Е.А. Особенности ответственности президента российской федерации // *Общество и право*. 2011. № 4. С. 94–96.
20. Мазуров А.В. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде РФ». М.: *Частное право*, 2006. 392 с.

**RESPONSIBILITY OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE SYSTEM OF LEGAL RESPONSIBILITY
OF PUBLIC AUTHORITY BODIES**

© 2017

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation, Director
*Saratov Branch of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences, Saratov (Russia)*
R.S. Markunin, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Theory of State and Law Department
Saratov State Law Academy, Saratov (Russia)

Keywords: legal responsibility; system approach; public authority; state; immunity; president.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the system approach and its role in the study of the legal responsibility of public authorities by the example of the President of the Russian Federation. Within the framework of the responsibility of the head of state as a system, it is proposed to identify such elements as: the subject of responsibility, its grounds, the procedure for bringing to justice, measures of legal responsibility, etc. The work highlights the special place of the President of the Russian Federation among state bodies and officials, which is distinguished by the lack of subordination in the process Implementation of state powers, which is associated with official independence, immunity and special state status. In connection with such a situation, the President should recognize the special nature of the consequences of violations of regulations from his side, since the public danger in this case will be maximum. In the work, each element of the system of responsibility of the head of state was studied in detail. As a result of the analysis of the status of the President of the Russian Federation, it is concluded that the existing grounds for removal from the office of the head of state are in an unsatisfactory state. At the present stage, the expansion of the list of grounds would play a positive role, namely "in connection with the commission of acts incompatible with the status of the head of state". In conclusion, the unsatisfactory state of the current system of responsibility of the head of state is underlined, which necessitates appropriate changes to each element of the system, which should be reflected in the legislative level. Without holding such events, it will not be possible to build both the responsibility system of the President of the Russian Federation and the system of responsibility of public authorities in general.

**СУБЪЕКТ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ**

© 2017

Р.С. Маркунин, кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; системный подход; орган публичной власти; государство; иммунитет; законодательство.

Аннотация: Статья посвящена анализу системного подхода и его роли в изучении юридической ответственности органов публичной власти. Отмечается, что в последнее время все более распространенным становится употребление системного подхода во многих областях науки. Это происходит неслучайно, поскольку исследование отдельных объектов в составе систем, способствует более глубокому пониманию сущности этих объектов. В рамках ответственности как системы предлагается выделить такие элементы как: субъект ответственности, ее основания, процессуальный элемент реализации юридической ответственности, меры юридической ответственности и др. К числу субъектов публичной власти можно отнести: население; государство и его органы; органы местного самоуправления; различного рода общественные объединения и т. д. Стоит отметить, что каждому из названных субъектов присуща своя специфика, реализуемая через функции, полномочия и ответственность. Показаны негативные последствия при отсутствии части элементов в названной системе. В структуре статуса субъекта публичной власти выделяется такое своеобразие как наличие огромного числа иммунитетов ряда лиц (депутатов, судей и прокуроров). В силу чего на практике указанных должностных лиц с трудом можно подвергнуть процедуре привлечения к ответственности, что порождает признаки вседозволенности в их профессиональной деятельности. В связи с этим высказывается мысль о недопустимости необоснованного выведения какого-либо должностного лица из-под действия общего деликтного законодательства, а каждое исключение из общих правил должно быть обоснованным и разумным. Делается вывод о том, что в современных условиях применение системного подхода в ходе исследования ответственности позволяет провести более глубокое исследование привычных явлений и найти новые пути решения имеющихся проблем.

На протяжении всей истории вопросы, связанные с ответственностью публичной власти и вместе с ней властных субъектов находились в центре научных дискуссий и споров. Многие правоведы в ходе научного исследования предпринимали попытку нахождения баланса между мерами наказания и поощрения вышеназванных субъектов с целью выявления пути эффективного функционирования и исполнения возложенных на них обязанностей. По этой причине формирование концепции правовой политики в сфере юридической ответственности с включением в нее отдельного раздела, посвященного системе ответственности органов публичной власти, считаем весьма обоснованным.

В последнее время все более распространенным становится употребление системного подхода во многих областях науки [1]. Это происходит не случайно, поскольку исследование отдельных объектов в составе систем способствует более глубокому пониманию сущности этих объектов. Один из важных моментов применения системного метода при изучении любого объекта состоит в его рассмотрении в виде комплекса взаимодействующих элементов [2].

Мы склонны полагать, что ответственность органов публичной власти может быть рассмотрена с позиции системного подхода. Термин «публичная власть» в советский период применялся в качестве аналога государственной власти. В настоящее время в связи с наличием органов местного самоуправления, которые осуществляют особый вид публичной деятельности, понятие «публичная власть» используется для обозначения власти не только государства, но и иных субъектов, в частности муниципальных образований. В ведении субъектов публичной власти находятся вопросы, связанные с функционированием государства с его аппарата, армии, органов внутренних дел, денежной и налоговой системы и т. д. [3].

На сегодняшний день научные исследования систем свидетельствуют о том, что на них оказывают серьезное влияние свойства составляющих ее элементов и подсистем. Элементы системы, в свою очередь, зависят от других объектов, с которыми они взаимодействуют, от влияния на них системы и условий ее существова-

ния. Учитывая вышесказанное, будет логичным считать, что первый этап процесса познания должен заключаться в вычлениении из упорядоченной системы отдельных объектов, вещей и процессов и осмысление этих объектов в качестве всеобщей формы существования материи.

Применительно к юридической ответственности органов публичной власти можно вести речь о таких элементах как: субъект ответственности, ее основания, процессуальный элемент реализации юридической ответственности, меры юридической ответственности и др.

В рамках же данной статьи мы подробнее остановимся на таком элементе как субъект ответственности и его особенностях, поскольку он является одним из важнейших составляющих всей системы. На основании изложенного нами выше к органам публичной власти можно отнести: население; государство и его органы; органы местного самоуправления; различного рода общественные объединения и т. д. Стоит отметить, что каждому из названных субъектов присуща своя специфика, реализуемая через функции, полномочия и ответственность.

Население может нести лишь позитивную юридическую ответственность в силу своей специфики и чрезмерной абстрактности самого субъекта. Доказательством этого служит ч. 2, ст. 1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в которой местное самоуправление определяется как самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения. В приведенной норме закрепляется самосознание населения, которое дает возможность понять свою значимость в принятии решений. Позитивная ответственность в данном случае заключается в осознании того груза, который лежит на плечах избирателей [4]. Особенностью муниципального уровня является возможность позитивной юридической ответственности дополняться негативными проявлениями в связи с безответственным и легкомысленным поведением самого населения [5].

Государство также не лишено ряда специфических особенностей в качестве элемента системы ответвен-

ности. Его деятельность осуществляется в рамках ответственности, что создает гарантию защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц и уменьшает возможность проявления различного рода нарушений со стороны государственных служащих.

Актуальность исследования вопросов юридической ответственности государства и его органов связано с тем, что лишь законная деятельность органов публичной власти обеспечивает необходимый уровень защиты интересов и прав граждан. Из этого утверждения следует вывод о том, что формирование правового государства и взаимодействию с ним гражданского общества невозможно без наличия соответствующей системы ответственности органов публичной власти.

Особенность такого субъекта ответственности как государство проявляется в том, что оно несет ответственность и в рамках национальной и в рамках международной правовой системы. Процессы, связанные с формированием правового государства, являются причинами повышения юридической ответственности государства [6]. В пределах действия международного права государство выступает субъектом, который обладает уникальными правами и обязанностями. На уровне национальной системы, которая основана на принципе равенства сторон, государство является равноправным субъектом.

Помимо самого государства как отдельного субъекта ответственности его органы также могут выступать самостоятельными субъектами. Их деятельность и деятельность государственных служащих регулируется Конституцией РФ, федеральным законодательством, законами субъектов РФ и иными нормативно-правовыми актами. Иерархическая система государственных органов образуется для реализации особых функций управления. Работа государственных органов в общественном сознании олицетворяется с самим государством. Органы государства в пределах реализации своих функций являются участниками правоотношений и выступают от имени государства. По этой причине в случае причинения вреда юридическим или физическим лицам по вине какого-либо государственного органа или должностного лица ответственным субъектом будет выступать само государство [7].

Государство в лице своих органов рассматривается в качестве субъекта публично-правовых отношений и несет ответственность перед населением. Например, в ст. 3.1 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» закрепляется, что в случае принятия органами государственной власти субъектов РФ нормативных правовых актов, противоречащих Конституции РФ, федеральным конституционным законам и федеральным законам и повлекших за собой массовые и грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина, угрозу единству и территориальной целостности Российской Федерации, национальной безопасности Российской Федерации и ее обороноспособности, единству правового и экономического пространства Российской Федерации, органы государственной власти субъектов РФ несут ответственность в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным законом [8].

Государство является особой организацией политической власти, где власть находит свое отражение в работе государственного аппарата, правоохранительной системы и др. Юридическую ответственность государства следует рассматривать в единстве негативного и позитивного аспектов. Негативный аспект проявляется при совершении государством, органом государственной власти или должностным лицом правонарушения. Позитивный аспект проявляется в обязанности государства соблюдать права и законные интересы населения [9]. Вся

система органов власти должна нести безусловную позитивную ответственность за надлежащее исполнение своих функций [10]. Публичную власть олицетворяет работа должностных лиц, осуществляющие на материальной основе деятельность в сфере защиты публичных интересов. На них возлагаются соответствующие обязанности претерпевать адекватные лишения в случае причинения вреда в процессе реализации функций государства [11]. В ходе анализа юридической ответственности необходимо обозначить и ее позитивный аспект. Позитивная ответственность должностных лиц реализуется благодаря регулярным отчетам о работе перед населением [12].

Рассматривая юридическую ответственность как систему, мы способны выявить имеющиеся проблемы и недочеты в вопросах построения и взаимосвязи элементов системы ответственности. К примеру, действующим законодательством в отношении членов Совета Федерации Федерального Собрания, в п. 1 ст. 8 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 229-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» устанавливается, что их полномочия прекращаются досрочно по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». В связи с последними изменениями утратил силу п. 2 ст. 4 данного Закона, устанавливающий право досрочно прекращать полномочия члена Совета Федерации избравшим (назначившим) его органом государственной власти субъекта РФ [13]. Проанализировав данное решение можно прийти к выводу, что законодатель исключил возможность для региона прекратить полномочия своего представителя в парламенте по причине отсутствия в законе единых оснований для данной меры ответственности, в связи с чем на территории многих субъектов РФ одновременно действовали собственные различного рода основания, которые устанавливались региональным законодательством, тем самым порождая неравенство в статусе парламентариев.

Изъятие из Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» права досрочного прекращения полномочия члена Совета Федерации избравшим (назначившим) его субъектом РФ нельзя назвать дальновидным решением. В связи с вышеназванными изменениями такой элемент как субъект был фактически выведен из системы ответственности, связи внутри системы между субъектом, основаниями и мерами ответственности были нарушены и как следствие всего этого сама система становится нерезультативной.

По причине отсутствия на федеральном уровне единого подхода к институту досрочного прекращения полномочий члена верхней палаты парламента выстраивание эффективной системы ответственности власти невозможно. В сложившейся ситуации более верным было бы дополнить названный Федеральный закон основанием, утраты доверия органом государственной власти субъекта РФ, с наличием которого законодатель допускал бы право инициировать процедуру досрочного прекращения полномочий конкретного представителя. При этом следует предусмотреть возможность конкретизации вышеназванного основания в региональном законодательстве. Подобные поправки позволят восполнить в действующем законодательстве пробелы в вопросах регулирования института досрочного прекращения полномочий сенаторов верхней палаты парламента.

Помимо обязательного присутствия и точного определения субъекта в системе юридической ответственности органов публичной власти, стоит сказать и о его своеобразии, которое заключается в наличии огромного числа имунитетов ряда лиц (депутатов, судей и прокуроров) [14].

В силу этого на практике указанных должностных лиц с трудом можно подвергнуть процедуре привлечения к ответственности [15], что порождает признаки вседозволенности в их профессиональной деятельности [16].

Вопрос о причинах наделения определенного круга лиц иммунитетами имеет ключевое значение. Мировая практика демонстрирует развитие института иммунитета от всевозможных противоправных действий со стороны органов власти. Правда, за рубежом часто объем неприкосновенности несколько меньше, чем в России [17]. Если такого субъекта как депутат закон наделяет иммунитетами по причинам вполне объяснимым, так как работа в сфере законотворчества свидетельствует об обладании самыми сильными и опасными в чужих руках рычагами по управлению обществом, которыми стремятся воспользоваться и иные субъекты посредством оказания давления на парламентария. То наличие столь обширных иммунитетов у работников суда и прокуратуры вызывает большие сомнения, при этом закрадывается мысль о недоверии к работе и уровню профессиональной подготовки самих органов власти которые проводят расследования и привлекают к ответственности лиц совершающих правонарушения. Для того чтобы гарантировать безопасность должностных лиц, иммунитеты начинают использоваться в качестве непреодолимого препятствия, что затрудняет работу органов власти по привлечению возможных правонарушителей к ответственности. Подобная ситуация лишь стимулирует вседозволенность должностных лиц и увеличивает уровень коррупционной составляющей в их работе.

Действующее на данный момент законодательство устанавливает обширный перечень иммунитетов, прав и свобод, который нельзя сравнить с несистематизированными обязанностями и мерами ответственности [18]. Если обратиться к зарубежному опыту, то в вопросе правового регулирования иммунитета наблюдается совершенно иная позиция. Например, по законодательству Швеции иммунитет члена представительного органа власти на многие случаи не распространяется, он только частично касается депутата в связи с его обычной деятельностью [19].

В связи с этим следует напомнить, что недопустимо необоснованное выведение какого-либо должностного лица из-под действия общего деликтного законодательства, а каждое исключение из общих правил должно быть обоснованным и разумным [20]. Чрезмерное наличие иммунитетов у должностных лиц оказывает негативное влияние на эффективность системы ответственности, поскольку простое присутствие субъекта в самой системе недостаточно. В рамках анализа системы следует помнить не только о необходимости фактического наличия какого-либо элемента внутри системы (в данном случае мы речь ведем о субъекте), но и о важности установления связей с иными элементами системы (основания, меры и т. д.), что в настоящее время бывает весьма затруднительным.

Действующие на данный момент разрозненные и весьма абстрактные нормы не позволяют выстроить единую систему ответственности органов публичной власти, наблюдается безответственность и вседозволенность вышеназванных субъектов. В современных условиях применение системного подхода в ходе исследования юридической ответственности органов публичной власти позволяет провести более глубокое исследование привычных явлений и найти новые пути решения имеющихся проблем. Подобный подход требует дальнейшего

развития в рамках формирования Концепции правовой политики в сфере юридической ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М.: Наука, 1974. 279 с.
2. Горский Д.П. Системный анализ и научное знание. М.: Наука, 1978. 247 с.
3. Воробьева О.А. Публичная власть в России: проблемы теории и практики. М.: Nota Bene, 2010. 192 с.
4. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства. М.: Норма, 2004. 813 с.
5. Авакьян С.А. Муниципальное право России. М.: Проспект, 2009. 544 с.
6. Витрук Н.В. Материалы круглого стола журнала «Государство и право»: «Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих» // Государство и право. 2000. № 4. С. 20.
7. Калинина И.В. Ответственность государства за причиненный вред // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4. С. 162–170.
8. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
9. Романова В.В. Юридическая ответственность государства // Юридическая ответственность: история и современность. Тольятти: ТГУ, 2014. С. 128–142.
10. Матузов Н.И. Публичная власть как объект научного анализа (вместо введения) // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности. Саратов: Саратов. гос. академия права, 2011. С. 13–38.
11. Толстова И.А. Юридическая ответственность государства и его представителей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2010. 32 с.
12. Шугрина Е.С. Общая характеристика ответственности органов публичной власти и их должностных лиц // Евразийский юридический журнал. 2013. № 4. С. 100–106.
13. Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства. 1994. № 2. Ст. 74.
14. Маркунин Р.С. Юридическая ответственность депутатов и органов представительной власти: общетеоретический аспект. М.: Юрлитинформ, 2015. 176 с.
15. Жданов Н.М. Об административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции // Административное право и процесс. 2013. № 9. С. 33–37.
16. Макарейко Н.В. Актуальные проблемы правового регулирования административной ответственности // Юридический мир. 2011. № 7. С. 62–66.
17. Доронина О.В. Депутатский иммунитет: некоторые вопросы теории и практики. Калуга: Изд-во научной литературы, 2009. 53 с.
18. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2003. 512 с.
19. Могунова М.А. Государственное право Швеции. М.: Инфра-М, 2009. 384 с.
20. Дементьев И.Д. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных иммунитетов // Российский следователь. 2008. № 10. С. 11–14.

**THE SUBJECT AS AN ELEMENT OF THE SYSTEM OF RESPONSIBILITY
OF PUBLIC AUTHORITIES BODIES**

© 2017

R.S. Markunin, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Theory of State and Law Department
Saratov State Law Academy, Saratov (Russia)

Keywords: legal responsibility; system approach; public authority; the state; immunity; legislation.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the system approach and its role in studying the legal responsibility of public authorities. It is noted that in recent times the use of the system approach in many fields of science has become more and more widespread. This is not accidental, since the study of individual objects in the system, contributes to a deeper understanding of the essence of these objects. Within the framework of responsibility as a system, it is proposed to distinguish such elements as: the subject of responsibility, its grounds, the procedural element of the implementation of legal responsibility, measures of legal responsibility, etc. Among the subjects of public authority are: the population; the state and its bodies; bodies of local self-government; various kinds of public associations, etc. It should be noted that each of these subjects has its own specificity, realized through functions, powers and responsibility. The negative consequences are shown in the absence of a part of the elements in the named system. In the structure of the status of a subject of public authority, such distinctiveness is distinguished as the presence of a huge number of immunities of a number of persons (deputies, judges and prosecutors). Because of this, in practice, these officials can hardly be subjected to the procedure of prosecution, which gives rise to signs of permissiveness in their professional activities. In this regard, the idea is expressed about the inadmissibility of unjustified removal of an official from the general tort law, and every exception to the general rules should be reasonable and reasonable. It is concluded that in modern conditions the application of the system approach in the study of responsibility allows for a deeper study of habitual phenomena and finding new ways of solving existing problems.

**УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
КАК ЧАСТЬ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

© 2017

Д.Э. Марченко, кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Ключевые слова: пенитенциарная политика; проблемы уголовно-исправительных учреждений; пути решения проблем в пенитенциарной сфере; перепрофилирование исправительных учреждений; пенитенциарная безработица; право осужденного на защиту здоровья; право осужденного на личную безопасность; материально-техническое обеспечение уголовно-исполнительной системы; религиозный и политический экстремизм.

Аннотация: В статье на основе статистических данных рассматриваются проблемы уголовно-исполнительной системы России, связанные с функционированием. В статье рассматриваются проблемы несоблюдения норм содержания осужденных в следственных изоляторах: обветшание зданий и коммуникаций, несоблюдение санитарных норм жилой площади, неудовлетворительное положение с обеспечением права на защиту здоровья и права на личную безопасность. В статье также рассматривается проблема необходимости перепрофилирования определенного числа исправительных учреждений, вызванная устареванием отрядной (групповой) системы проживания осужденных, являющейся наследием советского уголовно-исправительного законодательства. Автор приходит к выводу о необходимости строительства новых зданий и режимных корпусов, в связи с изношенностью жилого фонда учреждений. В работе приводятся необходимые объемы строительства зданий и сооружений в уголовно-исполнительной системе на основе официальных данных Федеральной службы исполнения наказаний России.

Отдельно в статье рассматриваются проблемы, возникающие в сфере защиты здоровья и обеспечения осужденных трудом. В уголовно-исполнительной системе России на сегодняшний день занято на производстве порядка 30 % осужденных. Пенитенциарная безработица является главной проблемой экономической безопасности уголовно-исполнительной системы и, как следствие, ведет к совершению новых преступлений уже в стенах исправительных учреждений, различным грубым нарушениям порядка отбывания уголовных наказаний, а также моральному разложению осужденных.

В рамках обеспечения прав человека в работе рассматривается проблема личной безопасности осужденных, подозреваемых и обвиняемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Рост числа криминальных смертей в исправительных учреждениях, преступлений и иных правонарушений в области жизни, здоровья и половой свободы человека ставит эту проблему в число главных. Автор приходит к выводу, что причинами проблем в области личной безопасности осужденных являются вышеперечисленные проблемы с материальными условиями содержания, отсутствием необходимого числа рабочих мест, недостаточной работой по перепрофилированию колоний, пробелы в уголовно-исполнительном законодательстве.

Особое место в статье автор отводит распространению религиозного и политического экстремизма в исправительных учреждениях. В статье предлагаются пути решения указанных проблем.

Главные направления уголовно-исполнительной политики России определяются законодательством, а также рядом принятых Правительством Российской Федерации планирующих документов, к которым в первую очередь можно отнести Концепцию развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года с внесенными в нее изменениями, а также Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2016 года № 2808-р [1], утвердившее Концепцию федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 гг.)» [2].

Главными целями уголовно-исполнительной политики России, согласно уголовно-исполнительному законодательству, являются:

- сокращение рецидива преступлений, которые совершаются осужденными в период отбывания наказания в виде лишения свободы, используя методы социальной и психологической работы, а также с помощью проведение в местах лишения свободы мероприятий в целях адаптации в обществе освободившихся осужденных;

- гуманизация условий, в которых содержатся осужденные, а также для лиц, содержащихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний России [3].

На сегодняшний момент в деятельности уголовно-исполнительной системы имеется достаточно много проблем, связанных с реализацией указанных целей. В том числе проблемы в области обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, носящие системный характер.

Длительное время одной из серьезнейших проблем в содержании подозреваемых, обвиняемых и осужден-

ных в России является несоблюдение установленной санитарной нормы площади в камере на одного человека, а также создания бытовых условий, отвечающих требованиям санитарии, гигиены и пожарной безопасности. Наиболее остро данная проблема сейчас стоит в отношении следственных изоляторов [4, с. 30]. Современная уголовно-исполнительная система располагает 218 следственными изоляторами. По фактам нарушений Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в части нарушения санитарной нормы (4 квадратных метра) на одного человека в адрес начальников следственных изоляторов в 2014 и 2015 годах вынесено 298 и 284 представления об устранении выявленных нарушений [5]. Это происходит на фоне увеличения численности лиц, содержащихся в следственных изоляторах.

В 2013 году в изоляторах уголовно-исполнительной системы России содержалось 114,8 тысячи человек, в 2016 году – 123,2 тысячи человек [6]. В последние годы в изоляторах г. Москвы, Московской области, Свердловской области, Республики Башкортостан и ряда других субъектов Российской Федерации превышение составило от 23 до 56 процентов. На начало 2017 года дефицит в следственных изоляторах составит более 13,5 тысяч мест, даже если в учет будут брать режимные корпуса, находящиеся в аварийном состоянии.

В 22 субъектах Российской Федерации следственные изоляторы в 2017 году не будут соответствовать отечественным и международным стандартам в вопросе санитарной нормы площади. К их числу относятся и следственные изоляторы Республики Крым и города

федерального значения Севастополь (построенные еще в шестидесятых годах прошлого века), входящие в число учреждений интегрированных в уголовно-исполнительную систему России [7, с. 56].

Все это говорит о необходимости строительства новых следственных изоляторов, отвечающих нормам отечественного и международного права. Если брать во внимание вышеуказанные нормы, то в России необходимо построить как минимум десять новых следственных изоляторов с наполнением на 10 тысяч мест и четырнадцать новых режимных корпусов на три тысячи мест, реконструировать вспомогательные и иные помещения имеющихся учреждений [8, с. 16].

В исправительных учреждениях (колониях и тюрьмах), лимиты наполняемости в последние годы соблюдаются, в первую очередь, за счет сокращения числа осужденных. Так современная уголовно-исполнительная система включает 722 исправительных, лечебных исправительных и лечебно-профилактических учреждения, 8 тюрем, 30 воспитательных колоний, в которых содержится более 650 тысяч человек. В 2010 году, к примеру, содержалось более 864 тысяч человек [9, с. 23].

Тем не менее в колониях строгого режима мест для размещения осужденных составляет 95 процентов [10, с. 35]. С учетом того, что сроки наказания за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и сроки погашения судимости за совершение тяжких и особо тяжких преступлений в уголовном законодательстве были увеличены, серьезно возросло количество осужденных в колониях строгого режима и лечебных исправительных учреждениях.

Территориальное расположение исправительных колоний не позволяет в полной степени реализовать требование уголовно-исполнительного законодательства относительно принципа (законного интереса осужденного) отбывания наказания в пределах субъекта Российской Федерации, в котором осужденный проживает [11, с. 301].

Таким образом, для улучшения условий содержания осужденных и предотвращения нарушений санитарных норм в исправительных учреждениях необходимо создать не менее 1,8 тысячи мест в исправительных колониях строгого режима, 2 тысячи мест в колониях особого режима, а также порядка 1 тысячи мест в колониях особого режима для лиц, отбывающих наказание пожизненно [12, с. 369]. Те учреждения, в которых наблюдается значительное несоответствие лимита проживания осужденных, должны подвергаться перепрофилированию. Закрывать же следует, в первую очередь, учреждения с ветхими и аварийными зданиями, в которых отсутствует производственная база организации труда осужденных.

Сохранение проблемы превышения количества осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы также позволит оказать существенное влияние на обеспечение личной безопасности осужденных, а также сократить количество злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания [13, с. 47].

Второй, не менее важной, проблемой для уголовно-исполнительной системы является то, что достаточно большое количество осужденных страдают социально-значимыми видами заболеваний, зачастую выявляемыми впервые в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. На сегодняшний день из тех, кто поступил в следственные изоляторы, от трех до девяти процентов являются ВИЧ-инфицированными, четыре процента страдают психическими заболеваниями, три процента больны алкоголизмом и наркоманией, семь процентов страдают туберкулезом [14, с. 188].

В связи с этим необходима стопроцентная диагностика заболеваемости людей, поступивших в исправительные учреждения. В уголовно-исполнительной системе необходимо создать улучшенные условия для содержания лиц с социально-значимыми заболеваниями. Меди-

цинским обслуживанием подозреваемых, обвиняемых и осужденных занимаются 116 лечебно-профилактических учреждения, 63 лечебно-исправительных учреждения [15, с. 19]. Тем не менее имеющиеся площади не позволяют разместить всех нуждающихся в стационарном и амбулаторном лечении с учетом норм полноценности. В данное время требуется создание более двадцати новых больниц и больничных корпусов, а также значительного количества дополнительных объектов амбулаторно-поликлинического профиля. Актуальность проблемы также обусловлена отсутствием оптимальных условий для создания санитарно-противоэпидемиологического режима и требований охраны труда медицинского персонала учреждений.

Третьей важной проблемой уголовно-исполнительной системы является состояние ее жилищно-коммунальных фондов. Более шестидесяти процентов зданий и сооружений построены в середине шестидесятых годов двадцатого века, девятнадцать процентов зданий являются деревянными, где не соблюдаются правила санитарной и пожарной безопасности [16, с. 42]. Ветхость конструкций, инженерных коммуникаций, протечка кровли, грибок на стенах, отсутствие централизованной канализации (52 учреждения) и горячего водоснабжения создают угрозу для жизни и здоровья, как осужденных, так и персонала исправительных учреждений. Пятьдесят процентов котельных и 80 процентов инженерных сетей требуют незамедлительной модернизации.

В отношении следственных изоляторов дела обстоят гораздо хуже. 127 из 654 режимных корпусов следственных изоляторов имеют срок эксплуатации более ста лет, 92 помещения – более 60 лет, в неисправном состоянии находится 81 режимный корпус. Почти в половине режимных корпусов отсутствует система вытяжной принудительной вентиляции [17, с. 50].

Исключение не составляют даже инженерные ограждения, предназначенные для охраны исправительных учреждений, где двадцать три с лишним процента нуждаются в замене, а сорок семь процентов сделаны из дерева и имеют низкие сдерживающие свойства, подвергнуты климатическим воздействиям и также требуют реконструкции.

Еще одной важной проблемой отечественной уголовно-исполнительной системы является создание необходимой базы для привлечения большего количества осужденных к труду. Обязательное привлечение осужденных к общественно-полезному труду является одной из мер реализации уголовно-исполнительной политики государства, непосредственно способствует исправлению осужденных, стимулирует правоопослушное поведение, создает условия для ресоциализации и адаптации осужденного в обществе. В уголовно-исполнительном законодательстве труд осужденного остается обязательным и выступает в качестве средства исправления осужденного.

Функционирующий производственный комплекс, включающий 7 федеральных унитарных предприятий, 556 центров трудовой адаптации осужденных, 80 производственных (трудовых) мастерских, не может справиться с вышеуказанными задачами и требует существенного реформирования [18, с. 385].

Проблемой выступает и то, что субъекты федерации и муниципальные образования практически перестали осуществлять дополнительное финансирование исправительных учреждений. Это обусловлено и трудностями, связанными с формированием данных бюджетов, и с теми требованиями относительно целей расходования, которые выдвигает законодательство. На сегодняшний день финансирование исправительных учреждений не из федерального бюджета является фактически нецелевым расходованием денежных средств. Институт благотворительной помощи также не дает ощутимой материальной помощи исправительным учреждениям.

На сегодняшний день в учреждениях обеспечены трудом всего лишь 200 тысяч осужденных, что составляет менее одной трети от общего количества осужденных, основная часть которых занята на швейном, металлообрабатывающем и лесном производстве. Более 290 тысяч осужденных находятся без работы, что это сильно осложняет поддержание дисциплины в колониях. Осужденные не могут в должной степени возмещать обязательство по гражданским искам, а также затраты государства на питание и вещевое довольствие спецконтингента. При этом законодательство предусматривает обязательный труд осужденных, труд осужденного признается одним из основных средств исправления.

В этой связи встает вопрос о продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что за короткий период общее число обеспечивающих продовольствием хозяйств в учреждениях сократилось на 157 в 2015 году по сравнению с 2011 годом. А расходы на продовольственное обеспечение учреждений возросли на 41 процент.

Таким образом, уголовно-исполнительной системе требуется приобретение не менее 35 тысяч единиц техники и оборудования (на сегодняшний момент используется 120 тысяч единиц технологического оборудования), создание не менее 100 тысяч рабочих мест.

Подводя итог, хотелось бы обратить внимание на самую главную, на наш взгляд, проблему, с которой сталкиваются исправительные учреждения России – распространение радикализма и экстремизма среди осужденных.

Рост числа заключенных за преступления экстремистского характера и террористической направленности фиксируется в последние годы во многих странах мира. За 2016 года количество осужденных в России, взятых на профилактический учет за экстремистские проявления в исправительных учреждениях увеличилось на 40 процентов по сравнению с предыдущими годами [19]. Радикальные общественные объединения и группировки, использующие националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, ведут деятельность, направленную на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию веротерпимости, внутривнутриполитической и социальной ситуации, в том числе и среди осужденных. Особую группу в указанных проявлениях составляет деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе. В 2016 году было зарегистрировано 1 358 уголовных дел экстремистского характера (что на 12,7 % больше, чем в аналогичном периоде предыдущего года) [20, с. 132].

Подводя итоги, хотелось бы кратко охарактеризовать основные направления уголовно-исполнительной политики в области совершенствования уголовно-исполнительной системы России. Учитывая вышеизложенные проблемы, в ближайшей перспективе необходимо решить следующих задач:

- строительство и реконструкция следственных изоляторов, в которых на основе действующего законодательства должны быть обеспечены необходимые условия содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;
- увеличение количества лечебных и лечебно-профилактических учреждений, деятельность которых направлена на содержание осужденных, страдающих туберкулезом, наркоманией и алкоголизмом;
- увеличение количества рабочих мест, сокращение пенитенциарной безработицы в исправительных учреждениях;
- принятие мер по обеспечению продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы России;

- принятие дополнительных мер к сокращению уровня радикализации среди осужденных, проведение комплекса мероприятий по профилактике экстремизма среди лиц, находящихся в учреждениях ФСИН России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Концепции развития УИС до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 года № 1717-р: с изменениями на 23 сентября 2015 года // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
2. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)»: распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2016 года № 2808-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 2-П. Ст. 413.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (по сост. на 18 ноября 2015г.) // Российская газета. 1997. № 9. 16 янв.
4. Чорный В.Н. Правовые и организационные вопросы обеспечения безопасности осужденных в исправительных учреждениях. Рязань: РИПЭ МВД России, 2012. 145 с.
5. Материалы официального сайта ФСИН России. URL: fsin.rf/document.
6. Обзор работы ФКУ ЦГЖБО ФСИН России «Материально-бытовое обеспечение осужденных и лиц, заключенных под стражу» // Преступление и наказание. 2016. № 5. С. 38–39.
7. Антонян Е.А. Деятельность исправительных учреждений по предупреждению рецидива преступлений // Преступление, наказание, исправление: материалы 2-ого международного пенитенциарного форума. Т. 1. Рязань: Академия права и управления Федеральной службой исполнения наказаний, 2015. С. 33–36.
8. Громов М.А. Международные стандарты и безопасность личности в пенитенциарных учреждениях // Уголовно-исполнительная система право, экономика, управление. 2015. № 1. С. 15–17.
9. Усеев Р.З., Щербаков Е.А. Организация и ведение отрядного хозяйства. Самара: СЮИ ФСИН России, 2016. 24 с.
10. Новожилова Ж.С. Совершенствование продовольственного обеспечения учреждений уголовно-исполнительной системы : дис. ... канд. экон. наук. Орел, 2016. 169 с.
11. Талакин К.В. Обеспечение безопасности в УИС подразделениями, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Пенитенциарное право и пенитенциарная безопасность: теория и практика: материалы III Международной научно-практической конференции. Самара: СЮИ ФСИН России, 2013. С. 300–303.
12. Щербаков Е.А. Правовые аспекты применения технических средств надзора и контроля // Пенитенциарное право и пенитенциарная безопасность: теория и практика: материалы III Международной научно-практической конференции. Самара: СЮИ ФСИН России, 2013. С. 369–374.
13. Усеев Р.З. Реализация мер безопасности в уголовно-исполнительной системе и новые правила их применения: сравнительно-правовой анализ, проблемы и перспективы // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 4. С. 47–53.
14. Мишустин С.П. Правовое и тактическое обеспечение исполнения наказаний в отношении осужденных с социально значимыми заболеваниями // Пенитенциарное право и пенитенциарная безопасность: теория и практика: материалы III Международной научно-практической конференции. Самара: СЮИ ФСИН России, 2013. С. 188–190.
15. Марченко Д.Э. Проблемы обеспечения прав осужден-

- ных к лишению свободы в исправительных учреждениях ФСИН России // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 4. С. 39–43.
16. Кузнецов М. О совершенствовании отрядного звена // Преступление и наказание. 2016. № 7. С. 42–45.
17. Владимирова О.А. О правовой безопасности освобождения от уголовной ответственности // Пенитенциарное право и пенитенциарная безопасность: теория и практика: материалы III Международной научно-практической конференции. Самара: СЮИ ФСИН России, 2013. С. 50–54.
18. Яворский М.А. Участие религиозных объединений в деятельности УИС России и пенитенциарная безопасность // Пенитенциарное право и пенитенциарная безопасность: теория и практика: материалы III Международной научно-практической конференции. Самара: СЮИ ФСИН России, 2013. С. 384–388.
19. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: мвд.рф/reportitem/9338947.
20. Яворский М.А. Причины радикализации заключенных в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Право и образование. 2016. № 5. С. 131–143.

CRIMINAL-EXECUTIVE POLICY AS A PART OF THE LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN THE FIELD OF LEGAL RESPONSIBILITY

© 2017

D.E. Marchenko, Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of State and Legal Disciplines
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: penitentiary policy; problems of penitentiary institutions; problem solutions in the penitentiary sphere; re-profiling of correctional facilities; prison unemployment; the right of the convict to health protection; the right of the convicted person to personal security; material and technical support of the penitentiary system; religious and political extremism.

Abstract: The article examines the problems of the Russian Federation's penitentiary system related to the functioning on the basis of statistical data. The article deals with the problems of non-observance of the norms of keeping convicts in remand centers: obsolescence of buildings and communications, non-observance of sanitary norms of living space, unsatisfactory situation of ensuring the right to health protection and the right to personal security. The article also examines the problem of the need to reorient a certain number of correctional institutions, caused by the obsolescence of the detachment (group) system of convicts living as a legacy of Soviet penal correction legislation. The author comes to a conclusion about the construction of new colonies and regime buildings, the deterioration of the housing stock of institutions. The necessary construction volumes of buildings and structures in the penitentiary system are given in the article on the basis of official data of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Separately the problems arising in the field of health protection and providing convicts with labor are examined in the article. In Russia criminal-executive system today about 30 % of convicts are employed in the production. Penitentiary unemployment is the main problem of economic security of the penal system. Consequently, it leads to the commission of new crimes now within the walls of correctional institutions, various outrages when serving criminal penalties, as well as the moral disintegration of convicts.

As part of ensuring human rights, the work addresses the issue of personal safety of convicts, suspects and accused in the institutions of the penal system. The growing number of criminal gangs in prisons, crimes and other offenses in the sphere of life, health and human sexual freedom poses this problem as one of the main problems. The author comes to the conclusion that the above-mentioned problems with the material conditions of detention, lack of the necessary number of jobs, insufficient work on the conversion of colonies, gaps in the penal enforcement legislation are the reasons for the problems in the personal safety of convicts.

The author also places emphasis on the spread of religious and political extremism in correctional institutions. The article suggests ways to solve these problems.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ
С ИНЫМИ ВИДАМИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

© 2017

Ю.М. Савельев, старший преподаватель кафедры
«Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; виды ответственности; семейно-правовая ответственность; семейное правоотношение; институт права.

Аннотация: В настоящее время все еще остается актуальным вопрос определения места института семейно-правовой ответственности в системе институтов юридической ответственности, а также его взаимосвязи с иными видами юридической ответственности, поэтому работа посвящена исследованию дискуссионного вопроса относительно обоснованности возможности определения института семейно-правовой ответственности в качестве самостоятельного института в системе юридической ответственности.

Для определения взаимосвязи семейно-правовой ответственности с иными видами юридической ответственности было также проведено исследование содержания семейно-правовых отношений, а также раскрыто содержание терминов «брак», «семья» и «семейные отношения».

Сильное сходство брачных и семейных правоотношений с гражданско-правовыми правоотношениями действительно дают повод для причисления семейно-правовых отношений к виду гражданско-правовых отношений. Отсутствие у семейного права самостоятельных мер правового воздействия также дают повод для причисления данного вида юридической ответственности к иным видам юридической ответственности. В то же время, семейные правоотношения нельзя причислить к виду гражданских правоотношений, так как они связаны с личными отношениями именно внутри семьи и брака, в то время как гражданские правоотношения имеют сугубо возмездный характер.

В ходе проведенного анализа правовых мер воздействия, которые задействованы в семейном законодательстве было установлено, что данный вид ответственности повсеместно использует меры правового воздействия других отраслей права, что нисколько не умаляет возможности его самостоятельного бытия. Кроме того, активное сотрудничество с иными отраслями права дает возможность к обоснованию института семейно-правовой ответственности как комплексного и межотраслевого института права

По материалам проведенного исследования делается обоснованный вывод о том, что институт семейно-правовой ответственности является межотраслевым комплексным функциональным институтом юридической ответственности в сфере семейно-правовых отношений.

Базовые термины, такие как «семья» и «брак», широко используемые в семейном праве, как ни парадоксально, до сих пор не имеют своего легального закрепления. В.И. Прозорова не считает отсутствие терминологии недочетом законодателя, так как, по ее мнению, законодатель специально не дал точных определений, в связи с тем, что отношения внутри брака и семьи регулируются не только законом, но и социальными нормами [1]. Относительно ее размышлений необходимо, на наш взгляд, внести коррективы, потому что семейным законодательством, а также другими правовыми актами регулируются именно правовые отношения лиц, состоящих в семейном родстве, и лиц, состоящих в браке, а не их внутренние социальные отношения. Мы считаем, что необходимо законодательно закрепить значение соответствующих терминов, с примечанием, согласно которому закон будет регламентировать и регулировать именно правоотношения семьи и брака, а не отношения социального бытия.

В то же время в семейном законодательстве приведено достаточно характерных признаков, для самостоятельного формулирования терминологических содержания. Например, исходя из нормативного содержания статей Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [2] можно определить, что брак – это добровольный и равноправный союз мужчины и женщины (ч. 3 ст. 1; ст. 12 СК РФ), заключаемый при соблюдении определенных условий, установленных законом (глава 3 СК РФ) с целью создания семьи (ч. 1 ст. 27; ч. 3 ст. 29 СК РФ), который порождает у супругов взаимные личные (глава 6 СК РФ) и имущественные (глава 7 СК РФ) права и обязанности без указания срока действия (глава 4 СК РФ).

В целом позиции ученых относительно терминологического содержания «брака» схожи, за исключением некоторых нюансов в виде добавления конкретных условий вступления в брак, или наоборот, обобщения его содержания. По мнению Л.П. Герасимова, брак – «это свободный, равноправный союз женщины и мужчины,

достигших брачного возраста, не состоящих в другом браке, заключенный с соблюдением условий и порядка, установленных законом, и имеющий целью создание семьи» [3]. О.Е. Кутафин определяет содержание термина «брак» как «добровольный, равноправный союз мужчины и женщины, заключенный с соблюдением определенных правил с целью создания семьи» [4]. Из энциклопедического словаря следует, что брак – это регулируемая обществом и, в большинстве государств, регистрируемая в соответствующих государственных органах семейная связь между людьми, достигшими брачного возраста, порождающая их права и обязанности по отношению друг к другу, а также, при наличии у пары детей, – и к детям [5]. Одновременно с этим отчасти справедливо утверждение, что брак – это вид гражданского договора, который заключается при соблюдении определенных условий, прописанных в СК РФ. Подобного мнения придерживаются М.В. Антокольская [6], М.В. Кротов [7], К.И. Забоев [8].

Действительно, брачно-семейные правоотношения весьма схожи с гражданским правоотношением. К тому же в СК РФ в статье 4 указывается возможность применения положений гражданского законодательства в случае таковой необходимости. На принадлежность брачных правоотношений к гражданско-правовому договору указывают факты «порождения взаимных прав и обязанностей» после заключения брака, что соответствует гражданскому определению договора как соглашения двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ст. 420 ГК РФ [9]). Одновременно с этим следует учесть тот факт, что исходя из положений СК РФ, права и обязанности внутри семьи возникают без заключения предварительных договоров. В данном случае мы говорим о том, что обязанности по алиментным содержаниям детьми их престарелых родителей, детей – родителями и т. п. возникают автоматически, без обязательно заключения предварительных гражданских договоров, осно-

вываясь на факте родства. По этой причине семейные отношения нельзя причислить к гражданским, несмотря на их значительные сходства. Более того, имущественные отношения гражданской природы будут носить возмездный характер, в то время как правоотношения семейной природы будут тесно связаны с личными отношениями. Как правило, гражданские правоотношения имеют срочный характер, в то время как в семейных правоотношениях акцент сделан на бессрочные правоотношения. Субъектами семейных правоотношений не могут выступать юридические лица, что наоборот, часто встречается в гражданских правоотношениях. Как уже указывалось нами ранее, основой гражданских правоотношений является договор, в то время как в семейном праве, наоборот, применение договора ограничено закрытым перечнем брачных договоров.

Из вышесказанного следует, что брак не может быть признан одним из видов гражданского договора, а является самостоятельным добровольным соглашением лиц. Отношения, возникающие внутри семьи (а не только брака), невозможно причислить к гражданско-правовым по ряду вышеуказанных причин. При этом указание законодателя в статьях 4 и 5 СК РФ о возможности применения гражданского законодательства по аналогии либо в случаях отсутствия разрешения возникшего вопроса средствами семейного законодательства следует трактовать, как предложение решать аналогичные споры гражданского и семейного характера по общим правилам, не отягощая действующей конструкции права. Следовательно, мы с полной уверенностью можем говорить о существовании семейного права как самостоятельной отрасли права, которая имеет свою обособленную совокупность правовых норм, которыми регулируются личные и имущественные отношения между лицами, состоящими в родстве на основании брака или семьи, либо других юридических фактов, порождающих родство. Более того, в СК РФ прописаны отношения, которые регулируются семейным законодательством. Согласно статье 2 СК РФ семейное законодательство устанавливает порядок осуществления и защиты семейных прав, условия и порядок вступления в брак, условия прекращения брака и признания его недействительным, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами, определяет порядок выявления детей, оставшихся без попечения родителей, формы и порядок их устройства в семью, а также их временного устройства, в том числе в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Таким образом, семейными правоотношениями следует считать общественные отношения, урегулированные нормами семейного права, которые возникают из факта брака, родства, усыновления, а также любой другой формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Естественно, если в семейных правоотношениях существуют законодательно установленные нормы и правила поведения и взаимные права и обязанности, которые могут нарушаться недобросовестными гражданами, порождая факт правонарушения. Как и все остальные институты права, институт семейного права должен обладать самостоятельным институтом юридической ответственности, который в свою очередь может быть представлен совокупностью норм различных отраслей, регулирующих в установленном законом порядке правовые отношения, возникающие их правонарушений. В данном случае мы говорим о семейно-правовой ответственности. Относительно выделения семейно-правовой ответственности в качестве самостоятельного института также ведутся споры по причине возможного причис-

ления ее к виду гражданско-правовой ответственности. Данного мнения придерживаются М.В. Антокольская [6] и С.П. Гришаев [10], Р.Ф. Гарипов [11], которые считают, что семейно-правовой ответственности «в чистом ее виде» не существует вовсе. Относительно данного суждения можно заключить, что для гражданско-правовой ответственности характерны дополнительные гражданско-правовые обязанности, либо же лишение права. Базовой мерой правового воздействия для гражданско-правовой ответственности выступает возмещение убытков (п. 2 ст. 15 ГК РФ), которые правонарушитель должен возместить в обязательном порядке для восстановления нарушенного права потерпевшего, а также, если таковое имело место быть, для возмещения упущенной выгоды потерпевшему, которую он мог быть получить, если бы его право не было нарушено. Для гражданско-правовой ответственности также предусмотрены иные специальные меры, к которым относятся неустойка (ст. 330 ГК РФ), исполнение обязательства в натуре (ст. 396 ГК РФ), исполнение обязательства за счет должника (ст. 397 ГК РФ) и потеря задатка (ст. 381 ГК РФ). Применительно к семейному праву из вышеперечисленных видов гражданско-правовой ответственности можно отнести только лишь возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ).

Если говорить о семейно-правовой ответственности, в рамках ее правоотношений, возможно выделить следующие виды: ответственность супругов за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми. Несмотря на то, что подобная ответственность причислена к гражданскому законодательству, при обращении взыскания на имущество супругов обращение проводится в соответствии с 2 ст. 45 СК РФ (п. 3 ст. 45). Это ответственность родителей за осуществление родительских прав в ущерб правам и интересам детей, которую они несут в порядке, установленном п. 1 ст. 65 СК РФ. Также к семейно-правовой ответственности можно отнести и ответственность должностных лиц и иных граждан за несообщение по неуважительной причине сведений о перемене места работы или жительства плательщиком алиментов судебному приставу, которая наступает в порядке, установленном п. 3 ст. 111 СК РФ. Кроме того, ответственность плательщика алиментов по задолженности в их уплате, которая реализуется путем обращения взыскания на денежные средства плательщика алиментов в порядке, наступающем в соответствии с гражданским процессуальным законодательством, но в соответствии с п. 2 ст. 112 СК РФ. В свою очередь ответственность руководителей учреждений, в которых находятся дети, за непредставление достоверных сведений, а также за иные действия, направленные на сокрытие ребенка от передачи на воспитание в семью наступает в порядке, установленном п. 4 ст. 122 СК РФ. Ответственность должностных лиц за разглашение тайны об усыновлении против воли его усыновителей; она наступает в порядке, установленном п. 2 ст. 139 СК РФ, но подобный состав преступления также предусмотрен и Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ) [12]. Кроме того, УК РФ содержит следующие составы преступления – ст. 156 «неисполнение обязанности по воспитанию несовершеннолетнего», ст. 157 «Уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», подобный состав правонарушения имеется и в статье 5,35 КоАП РФ [13] – неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по их содержанию и воспитанию. Более того, Уголовное законодательство содержит целую главу 20, которая именуется «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

Таким образом, можно сделать вывод, что семейно-правовая ответственность заимствует меры ответственности из других отраслей права: гражданского, административного, уголовного. Это, с одной стороны, указывает на межотраслевой характер института семейно-право-

вой ответственности, а с другой – на тот факт, что своих собственных мер юридической ответственности семейно-правовая ответственность не имеет. В то же время необходимо обратить внимание на тот факт, что семейно-правовая ответственность может наступать не только для членов семьи, но и для должностных лиц, которые работают в детских учреждениях, на предприятии, где числятся плательщики алиментов и прочее. Но данный факт не означает, что отсутствие самостоятельных мер ответственности умаляет права существования самостоятельности семейно-правовой ответственности в качестве самостоятельного института права. Данного мнения придерживаются Ю.Ф. Беспалов [14] и Р.Х. Макуев [15], И.К. Пискарев [16], С.А. Сидорова [17]. С.А. Сидоровой сформулировано определение семейно-правовой ответственности, которое содержит признаки, характеризующие ее как самостоятельный институт: «это возможные неблагоприятные последствия, выражающиеся в лишении или ограничении имущественного или личного неимущественного права либо в ограничении семейной правоспособности, предусмотренные в санкциях правовой нормы либо условиями договора, которые могут наступить в случае виновного несоблюдения правонарушителем требований правовой нормы, условий договора, положений судебного акта» [17]. Семейно-правовая ответственность имеет свои специфические признаки: применяется за совершение правонарушений, которые прописаны в нормах семейного законодательства; данные меры ответственности могут быть возложены только на членов семьи и лиц, состоящих в браке, что означает, что они применяются исключительно к субъектам, состоящим в семейных правоотношениях.

Из вышесказанного следует, что институт семейно-правовой ответственности вполне может быть признан в качестве самостоятельного института в системе юридической ответственности. Данную позицию также разделяют А.Е. Казанцева [18], А.М. Нечаева [19], Н.Ф. Звенигородская [20], Л.Е. Чичерова [21] и др.

Итак, на основании исследования, можно заключить, что семейно-правовая ответственность – это межотраслевой функциональный институт юридической ответственности в сфере семейно-правовых отношений, обеспечивающий реализацию позитивной обязанности по соблюдению и исполнению норм, предусмотренных семейным кодексом, а в случае их нарушения – обеспечивающий применение к правонарушителю принудительных мер различного характера, оказывающих лишения личного или имущественного характера исходя из отраслевой принадлежности выявленного правонарушения.

Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-33-00017 «Комплексный, межотраслевой институт юридической ответственности: понятие, структура, взаимосвязи и место в системе права».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прозорова В.И. Правовая сущность брака // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2007. № 6. С. 85–88.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ: ред. от 01.05.2017 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Герасимов Л.П. Семейное право. Конспект лекций. М.: Юрайт-Издат, 2008. 128 с.
4. Основы государства и права / под ред. О.Е. Кутафина. 7-е изд. М.: Юрист, 2007. 416 с.
5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Т. IVА. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1891. 486 с.
6. Антокольская М.В. Семейное право. М.: Юрист, 2013. 336 с.
7. Кротов М.В. Понятие и признаки брака // Гражданское право. Т. 3. М.: Проспект, 2004. С. 372–376.
8. Забоев К.И. Принцип свободы договора в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 27 с.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ: ред. от 28.03.2017 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
10. Гришаев С.П. Семейное право в вопросах и ответах. М.: Новая культура, 2008. С. 72–75.
11. Гарипов Р.Ф. Деликтоспособность: теоретико-правовые проблемы. Казань: Школа, 2009. 218 с.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 07.06.2017 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 07.06.2017 // Российская газета. 2001. № 256.
14. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в РФ. Владимир: Атлас, 2008. 324 с.
15. Макуев Р.Х. Теория государства и права. Орел: ОРАГС, 2005. 684 с.
16. Пискарев И.К. Мировой судья в гражданском судопроизводстве. М.: Городец, 2004. 816 с.
17. Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности в семейном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 216 с.
18. Казанцева А.Е. Обязанности и права родителей по воспитанию детей и их ответственность за их нарушение. Томск: Том. ун-т, 1987. 140 с.
19. Нечаева А.М. Правонарушения в сфере личных семейных отношений. М.: Наука, 1991. 238 с.
20. Звенигородская Н.Ф. Семейное правонарушение как основание семейно-правовой ответственности // Российский судья. 2010. № 12. С. 13–17.
21. Чичерова Л.Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 28 с.

**INTERRELATION OF RESPONSIBILITY IN FAMILY LAW
WITH OTHER TYPES OF LEGAL RESPONSIBILITY**

© 2017

Yu.M. Savelyev, Senior Lecturer of Department
“The constitutional and administrative law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: legal responsibility; types of responsibility; family and legal responsibility; family legal relationship; institute of the right.

Abstract: Now still there is urgent a question of definition of the place of institute of family and legal responsibility in system of institutes of legal responsibility, and also its interrelation with other types of legal responsibility therefore work is devoted to a research of a debatable question concerning validity of a possibility of definition of institute of family and legal responsibility as independent institute in system of legal responsibility.

For determination of interrelation of family and legal responsibility with other types of legal responsibility the research of maintenance of family legal relations was also conducted, and also the contents of the terms “marriage”, “family” and “family relations” are opened.

Strong similarity of marriage and family legal relationship to civil legal relationship really give a reason for reckoning of family legal relations to a type of the civil relations. Absence at law of domestic relations of independent measures of legal influence also give a reason for reckoning of this type of legal responsibility to other types of legal responsibility. At the same time, family legal relationship cannot be ranked as a type of civil legal relationship because they are connected with the personal relations exactly in a family and marriage while civil legal relationship have especially paid character.

During the carried-out analysis of legal corrective actions which are involved in the family legislation was it is established that this type of responsibility everywhere uses measures legal influence of other branches of the right that does not belittle a possibility of its independent life at all. Besides, active cooperation with other branches of the right gives the chance to justification of institute of family and legal responsibility as complex and interindustry institute of the right

On materials of the conducted research the valid conclusion that the institute of family and legal responsibility is interindustry complex functional institute of legal responsibility in the sphere of family legal relations is drawn.

В.В. Степанова, старший преподаватель кафедры
«Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; виды юридической ответственности; налоговая ответственность; налоговые правонарушения; система юридической ответственности.

Аннотация: Актуальность темы исследования обусловлена неугасающими дискуссиями об определении места юридической ответственности за совершение налоговых правонарушений в системе юридической ответственности. В настоящее время полемика подвергается возможности причисления юридической ответственности за совершение налоговых правонарушений как к административному, так и к финансовому видам юридической ответственности, а также выделение ответственности за совершение налоговых правонарушений в качестве самостоятельного вида юридической ответственности.

Помимо этого интересным представляется выявление должной формулировки и возможности синонимичного употребления терминов «налоговая ответственность» и «юридическая ответственность за совершение налоговых правонарушений».

В ходе проведенного исследования было проанализировано российское налоговое законодательство, а также постановления Конституционного Суда РФ с целью выявления варианта употребления надлежащей юридической терминологии. Для определения места юридической ответственности за совершение налоговых правонарушений в системе юридической ответственности были проанализированы меры правового воздействия, закрепленные в нормах налогового законодательства, и проведено их сравнение с мерами правового воздействия в иных отраслевых кодифицированных правовых актах. Помимо этого были проведены сравнения точек зрения по данному вопросу различных ученых-теоретиков и правоведов и проанализирован ход их мышления с целью выявления логических причинно-следственных связей и определения возможности принятия их суждений для последующих авторских умозаключений.

В ходе проведенного исследования установлено, что юридическая ответственность за совершение налоговых правонарушений не должна причисляться к виду административной ответственности по ряду причин. Сам законодатель также указывает на невозможность причисления юридической ответственности за совершение налоговых правонарушений причисляться к виду административной ответственности в первых статьях соответствующих кодифицированных актов.

Юридическая ответственность, являясь центральной категорией общей теории права, раскрывает содержание многих правовых явлений, выявляя их формальное содержание [1; 2]. Юридическая ответственность находится в тесной взаимозависимости с правонарушением, которое определяет в значительной мере ее сущность [3–5].

Юридическая ответственность, как комплексный межотраслевой институт права, объединяет в себя отраслевые институты гражданско-правовой, дисциплинарной, финансовой, административной и уголовной ответственности. Теория права является динамичной наукой, положения которой развиваются вместе с обществом и государством, отражая при этом его эволюцию и соответствуя его потребностям. Так, в условиях возрастающего количества финансовых правоотношений объективно наступил момент для выделения финансово-правовой ответственности в самостоятельный вид ответственности [6].

Юридическая и финансовая ответственность соотносятся между собой как категории рода и вида, а институт финансовой ответственности представляет собой «сложное строение, система которого состоит из субинститута налоговой, бюджетной, валютной и банковской ответственности» [7]. При этом Д.А. Липинский подчеркивает, что не считает валютную, налоговую, банковскую и бюджетную ответственность самостоятельными видами и причисляет их к субинститутам финансовой ответственности [8]. В то же время существуют альтернативные точки зрения, в рамках которых налоговая ответственность причисляется к разновидностям не только финансовой, но и административной [9], и даже к уголовной ответственности [10], а также выделяется в качестве самостоятельного вида юридической ответственности. Но при существующем многообразии противоречий все авторы сходятся в одном: они называют налоговой ответственностью юридическую ответственность за правонарушения в сфере налоговых правоотношений, что указывает на единообразное применение

синонимичности данных понятий. Государственные органы также употребляют оба термина в своих правовых актах, но в то же время поправки, внесенные в Налоговый кодекс РФ [11] от 2006 года, ясно дают понять, что законодатель делает выбор в пользу правильности употребления термина «ответственность за совершение налоговых правонарушений» [12].

Налоговая ответственность рассматривается некоторыми авторами даже в качестве самостоятельного межотраслевого комплексного института, потому как нормы налогового кодекса активно используют меры административной и уголовной ответственности, не имея своей специфичной меры правового воздействия [13; 14].

Альтернативной представляется точка зрения, согласно которой налоговую ответственность следует причислять к административной, финансовой либо уголовной ответственности, каждый раз определяя характер совершенного правонарушения [15]. С подобным предложением нельзя согласиться на том основании, что многие виды правонарушений, особенно административного и уголовного характера, коррелятивны между собой. Грань, определяющая характер и тяжесть совершенного правонарушения, настолько тонка, что вряд ли позволит объективно определить степень опасности содеянного налогового правонарушения, что повлечет за собой ошибку при назначении наказания.

В самих нормах Налогового кодекса РФ повсеместно употребляется термин «ответственность за совершение налоговых правонарушений», но одновременно с этим в начальных положениях кодекса не дается легального определения данному понятию, что служит основой для распространения многочисленных споров о принадлежности налоговой ответственности к иным видам юридической ответственности, а также понимания сущности ее правовой природы.

Если возвратиться вновь к вышеуказанному факту о том, что налоговая ответственность не имеет самосто-

ательного специфичного вида меры правового воздействия, то возможно заметить, что большинство ее мер составляют штрафы – превалирующее административное взыскание. Именно по этому основанию большинство ученых склонно причислять налоговую ответственность именно к разновидности административной ответственности. Подтверждением тому является и сам процессуальный порядок наложения налоговых санкций, который совпадает с формой реализации административной ответственности. К тому же в июле 2001 года Конституционный Суд РФ вынес определение, в котором установил тождество между административными и налоговыми санкциями. Свою точку зрения Конституционный суд мотивировал следующим образом: «В соответствии с правовыми позициями, выраженными Конституционным Судом Российской Федерации в названных решениях, различного рода штрафы, взимаемые налоговыми органами с физических лиц за нарушение ими требований налогового законодательства, выходят за рамки налогового обязательства как такового и этим отличаются от недоимок и налоговой пени. Полномочие же налогового органа, действуя властно-обязывающим образом, налагать штрафы за нарушение требований налогового законодательства означает, что им применяются санкции, по сути являющиеся административно-правовыми, а не уголовно-правовыми или гражданско-правовыми, т. е. имеет место административно-правовая ответственность за налоговые правонарушения. Штрафные санкции, применяемые налоговыми органами за нарушение норм законодательства, направленного на обеспечение фискальных интересов государства, относятся к мерам взыскания административно-правового характера (за административные правонарушения) и осуществляются в рамках административной юрисдикции» [16]. На этом основании, кажется, нужно было бы подчиниться Постановлению Верховного Суда РФ и прекратить споры о принадлежности юридической природы налоговой ответственности, однако в пункте 3.1 данного Постановления делается отсылка на то, что вопрос о правовой природе штрафных санкций, налагаемых налоговыми органами за нарушение норм налогового законодательства, а также о конституционно-правовых принципах и критериях их применения ранее уже был разрешен Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлениях от 17 декабря 1996 года. Подразумевается, что Постановления Верховного Суда РФ должны быть единообразными и последовательными, исходя из чего следует ожидать, что и в данном Постановлении мы найдем еще одно подтверждение принадлежности налоговой ответственности к виду административной ответственности. Однако, вопреки ожиданиям, в данном Постановлении сказано следующее: «Налоговые правоотношения основаны на властном подчинении одной стороны другой. Они предполагают субординацию сторон, одной из которых – налоговому органу, действующему от имени государства, принадлежит властное полномочие, а другой – налогоплательщику – обязанность повиновения. Требование налогового органа и налоговое обязательство налогоплательщика следуют не из договора, а из закона. С публично-правовым характером налога и государственной казны и с фискальным суверенитетом государства связаны законодательная форма учреждения налога, обязательность и принудительность его изъятия, односторонний характер налоговых обязательств. Вследствие этого спор по поводу невыполнения налогового обязательства находится в рамках публичного (в данном случае налогового), а не гражданского права.

Наделение налогового органа полномочием действовать властно-обязывающим образом при бесспорном взыскании налоговых платежей правомерно в той степени, в какой такие действия, во-первых, остаются в рамках именно налоговых имущественных отношений, а не

приобретают характер гражданско-правовых, административно-правовых или уголовно-правовых санкций» [17]. Таким образом, мы имеем два Постановления Верховного Суда РФ, в одном из которых указывается на самостоятельность налоговой ответственности исходя из характера налоговых имущественных отношений, несмотря на то, что подразумевают жесткую субординацию сторон, что все же характерно для административного права. В другом Постановлении указывается на явную принадлежность налоговой ответственности к разновидности административной ответственности и именно по причине наличия одинаковых мер правового воздействия. Однако факт того, что и административная, и налоговая юридическая ответственность используют одинаковую меру правового воздействия в виде штрафа, еще не является основанием для их соподчинения и не указывает на принадлежность налоговой к административной ответственности.

В этой связи необходимо вернуться к утверждению о том, что в настоящее время признана самостоятельность финансовой ответственности [18] как вида юридической ответственности с соответствующими ее субинститутами налоговой, бюджетной, валютной и банковской ответственности. Это суждение позволяет утверждать факт существования налоговой ответственности не внутри, а параллельно с административной ответственностью [19]. На недопустимость признания налоговой ответственности видом административной ответственности указывает также и тот факт, что законодатель указывает в статье 1 НК РФ на то, что «законодательство Российской Федерации о налогах и сборах состоит из настоящего кодекса и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах, сборах, страховых взносах», тем самым разграничивая административную и налоговую виды ответственности. Далее, в статье 2 НК РФ говорится, что «Законодательство о налогах и сборах регулирует властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов, сборов, страховых взносов в Российской Федерации, а также отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения». Если бы налоговые правонарушения имели отношение к административной ответственности, то законодатель должен был изложить последнюю строку абзаца следующим образом: «...привлечения к административной ответственности за совершение налогового правонарушения». Это указывало бы на принадлежность налоговой ответственности к виду административной. Помимо этой формулировки, положения норм НК РФ активно используют термин «налоговое правонарушение», что еще больше свидетельствует о различиях между административным и налоговым правонарушениями. Признание же налоговой ответственности субинститутом финансовой отрасли права означает ее обособленность и самостоятельность от иных правовых институтов.

Более того, в положениях статьи 62 НК РФ указывается, что «Срок уплаты налога, сбора и (или) страховых взносов не может быть изменен, если в отношении заинтересованного лица проводится производство по делу о налоговом правонарушении либо по делу об административном правонарушении в области налогов, сборов, страховых взносов, таможенного дела в части налогов, подлежащих уплате в связи с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза». Тем самым законодатель явно указывает на необходимость разграничения административного и налогового правонарушений.

Несмотря на то, что и административная, и налоговая ответственность используют одинаковую меру правового воздействия – штраф, их природа начисления также раз-

лична. Так, в отличие от КоАП РФ, положения главы 16 НК РФ позволяют выделить два вида штрафов, которые могут быть выведены или в твердой денежной сумме, или в процентной доле по отношению к установленной стоимости объекта налогового правонарушения. В административном производстве существует иная система начисления штрафов – они могут также быть наложены в твердой денежной сумме или в процентной доле к стоимости объектов правонарушения, но также могут удваиваться в случае наступления рецидива правонарушения или исчислять свой процент по отношению к должностному окладу правонарушителя и т. п.

Учитывая большое количество противоречий и разногласий в самом законодательстве, Ю.А. Крохина призывает учитывать данное состояние российской правовой системы и считать, что юридическую ответственность за правонарушения в области налоговых правоотношений следует назначать исходя из характера правонарушения и вида затронутых правоотношений с учётом их отраслевой принадлежности – финансовой, таможенной, административной или уголовной [20]. Однако НК РФ содержит собственные меры правового воздействия, и если на практике будут применяться меры исходя из отраслевой принадлежности, то мы получим ситуацию, согласно которой налоговые меры правового воздействия не будут применяться на том основании, что будут применены меры финансовой, таможенной, административной или уголовной отраслей, что подразумевает необходимый отказ от мер воздействия со стороны НК РФ для недопущения возможного двойного наказания в соответствии с положением статьи 15 Конституции РФ, согласно которой «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление».

Таким образом, на основании вышеприведенных доводов можно заключить следующее:

1. Правильным будет считаться название термина «ответственность за налоговые правонарушения», нежели термин «налоговая ответственность».

2. «Ответственность за налоговые правонарушения» и «административная ответственность» выступают как два самостоятельных вида ответственности.

3. Ответственность за налоговые правонарушения заключается в применении к субъекту налогового правоотношения, совершившему налоговое правонарушение, мер правового воздействия, предусмотренных действующим законодательством в порядке, определенном законом с целью наказания и принуждения к исполнению возложенной на субъект конституционной обязанности по соблюдению норм налогового права.

4. Ответственность за налоговые правонарушения можно назвать комплексным межотраслевым институтом права, потому как данный вид ответственности предполагает задействование мер различных видов ответственности – налогового, административного, гражданского и уголовного, исходя из характера совершенного правонарушения.

Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-33-00017 «Комплексный, межотраслевой институт юридической ответственности: понятие, структура, взаимосвязи и место в системе права».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.

2. Степанова В.В. К вопросу о понятии юридической ответственности // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 5. С. 55–60.
3. Савельев Ю.М. К вопросу о юридической природе института юридической ответственности // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 4. С. 389–392.
4. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск: Краснояр. ун-т, 1985. 120 с.
5. Багиров С.Е. Финансово-правовая ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 21 с.
6. Степанова В.В. Самостоятельность института финансово-правовой ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 2. С. 72–75.
7. Мусаткина А.А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности. Тольятти: ВуиТ, 2003. 179 с.
8. Липинский Д.А. К вопросу о структуре института юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 6. С. 62–67.
9. Кузьмичева Г.А., Калинина Л.А. Административная ответственность. М.: Юриспруденция, 2000. 464 с.
10. Савельев Ю.М. О понятии уголовно-правовой ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 3. С. 89–91.
11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ: ред. от 28.12.2016 // Российская газета. 1998. № 148-149.
12. О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования: федеральный закон от 27.07.2006 № 137-ФЗ: ред. от 03.07.2016 // Российская газета. 2006. № 165.
13. Пепеляев С.Г. Основы налогового права. М.: ИнвестФонд, 2000. 496 с.
14. Чирков А.П. Ответственность в системе права. Калининград: Калининград. ун-т, 1996. 77 с.
15. Кучеров И.И. Налоговое право России. М.: ЮрИнфоР, 2001. 360 с.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 130-О «По запросу Омского областного суда о проверке конституционности положения пункта 12 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 34. Ст. 3512.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» // Российская газета. 1996. № 247.
18. Сатарова Н.А. Финансовая ответственность: тезисы докладов международной научно-практической конференции. Саратов: СарГУ, 2003. 74 с.
19. Козырев А.А. Некоторые вопросы ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах // Государство и право. 2004. № 4. С. 80–84.
20. Крохина Ю.А. Ответственность за нарушение налогового законодательства: понятие, стадии и механизм реализации // Хозяйство и право. 2003. № 5. С. 102–111.

**THE PLACE OF RESPONSIBILITY FOR COMMISSION OF TAX OFFENCES
IN SYSTEM OF LEGAL RESPONSIBILITY**

© 2017

V.V. Stepanova, senior Lecturer of “Constitutional and Administrative Law” department
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: legal responsibility; types of legal responsibility; tax responsibility; tax offenses; system of legal responsibility.

Abstract: Relevance of a subject of a research is caused by undying discussions about definition of the place of legal responsibility for commission of tax offenses in system of legal responsibility. Now polemic the possibility of reckoning of legal responsibility for commission of tax offenses both to administrative, and to financial is exposed to types of legal responsibility, and also allocation of responsibility for commission of tax offenses as an independent type of legal responsibility.

In addition detection of the due formulation and a possibility of the synonymous use of the terms “tax responsibility” and “legal responsibility for commission of tax offences” is represented interesting.

During the conducted research the Russian tax law, and also resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation for the purpose of identification of option of the use of an appropriate legal language has been analysed. For definition of the place of legal responsibility for commission of tax offenses in system of legal responsibility the measures of legal influence fixed in standards of the tax law have been analysed and comparison with measures of legal influence in other industry codified legal acts is carried out them. Comparisons of the points of view on the matter of various scientists-theorists and jurists have been in addition carried out and the course of their thinking for the purpose of identification of logical relationships of cause and effect and definition of a possibility of acceptance of their judgments for the subsequent author’s conclusions is analysed.

During the conducted research it is established that legal responsibility for commission of tax offenses shouldn’t be ranked as a type of administrative responsibility for a number of reasons. The legislator also points to impossibility of reckoning of legal responsibility for commission of tax offenses to be ranked as a type of administrative responsibility in the first articles of the relevant codified acts.

**МЕТОДЫ ПОСТРОЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

© 2017

Р.Р. Хаснудинов, кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Ключевые слова: метод; построение; концепция; правовая политика; юридическая ответственность; конструкция.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об оптимальном варианте методов, используемых в процессе построения концепции правовой политики в сфере юридической ответственности. Актуальность придания правовой политике в сфере юридической ответственности такой формы реализации теоретической конструкции системного подхода как концепция обусловлена тем, что одной из задач современной юридической науки является обеспечение концептуализации теоретических взглядов и практических подходов в области правового регулирования. Концепция, будучи комплексом ключевых положений, достаточно полно и всесторонне раскрывающих сущность, содержание и особенности исследуемого явления, выступает концентрированной, аргументированной, системной, целостной формой. От методов построения самой концепции во многом зависит качественное наполнение её содержания. Следуя по пути оптимизации методов построения концепции правовой политики в сфере юридической ответственности, с одной стороны, и исследования соответствующего понятийного аппарата – с другой, автору удалось получить следующие результаты. Во-первых, опираясь на понятие концепции в целом, концепция правовой политики в сфере юридической ответственности была представлена как форма реализации разработанной соответствующей теоретической конструкции. Во-вторых, исходя из сформулированной дефиниции концепции правовой политики в сфере юридической ответственности, а также накопленного в рассматриваемом отношении научного опыта, в состав оптимального варианта методов построения данной концепции автор предложил включить системно-структурный метод, позволяющий сформировать структуру концепции; метод адаптации, обеспечивающий наполнение структурных элементов концепции содержанием посредством компрессии и трансформации научного текста; метод моделирования, предполагающий построение абстракций, умозаключения по аналогии, конструирование научных гипотез; и метод проектирования, осуществляющийся при помощи дивергенции, трансформации и конвергенции и их методов.

Построение концепции правовой политики в сфере юридической ответственности – сложный и многогранный процесс, успех которого во многом зависит от методов его осуществления. Как заметили методологи А.М. Новиков и Д.А. Новиков, применяемые методы исследования играют «существенную, подчас определяющую роль в построении любой научной работы» [1, с. 99]. Это актуализирует тему настоящего исследования, ориентируя при этом на поиск оптимального варианта методов построения исследуемой концепции, с одной стороны, и анализа соответствующего понятийного аппарата – с другой.

Исходя из очерченных таким образом границ, мы, прежде всего, определим понятие концепции правовой политики в сфере юридической ответственности, в частности, опираясь при этом на понятие концепции в целом. Следуя в этом направлении, заметим, что вокруг понятия концепции сложилась довольно сложная ситуация, выраженная в многообразии его определений. Так, в словарях и справочниках мы находим следующие определения понятия «концепция». Например, концепция у В.И. Даля – это понятие, образ понятия, способ понимания, соображения и выводы [2, с. 154], у С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – «система взглядов на что-нибудь; основная мысль» [3, с. 293] и др.

Философы, например, В.И. Штанько, определяют понятие концепции как систему «взглядов, выражающих определенный способ видения, понимания явлений и процессов, включающий в себя сложный конгломерат логико-теоретических, философских, социальных, психологических компонентов» [4, с. 113]; Л.А. Микешина – как целостную, логически увязанную систему взглядов, объединенную какой-то общей идеей и направленную на достижение цели (целей) исследования [5, с. 32].

Методологи А.М. Новиков и Д.А. Новиков, рассматривая концепцию как ведущую идею, основную мысль чего-либо и как синоним теории, предложили использовать ее в обоих этих смыслах. «...В первом случае, – объясняют авторы, – когда говорим о концепции как о короткой емкой формулировке; во втором – когда говорим о том, что

концепция (как краткая формулировка) разворачивается, развивается в совокупности концептуальных положений, принципов, факторов, условий, механизмов и т. д. – то есть в концепцию как синоним теории» [1, с. 188].

С позиции исследователей, выстраивающих те или иные концептуальные конструкции, к примеру, К.Г. Оганисян, «концепция – это вид обобщения, которое может содействовать систематизации какого-либо знания и построению теорий» [6, с. 268]; Е.В. Яковлева и Н.О. Яковлевой – совокупность «научных знаний об исследуемом объекте, оформленных специальным образом» [7, с. 9].

Есть ряд других дефиниций концепции [5, с. 32; 8, с. 3]. Их синтез, в первую очередь точек зрения на обозначенную проблему А.М. Новикова и Д.А. Новикова, Е.В. Яковлева и Н.О. Яковлевой, приводит нас к мысли о фундаментальном и прикладном смысловых значениях понятия концепции.

Фундаментальными (основополагающими, лежащими в основе) являются формулировки концепции как, например, ведущей идеи, основной мысли чего-либо [1, с. 188], определенного способа понимания, анализа и описания объекта исследования [8, с. 3], а также как синонима теории [1, с. 188].

К прикладному (имеющему практическую направленность) смысловому значению мы можем отнести, к примеру, дефиницию концепции, сформулированную Е.В. Яковлевым и Н.О. Яковлевой как совокупность «научных знаний об исследуемом объекте, оформленных специальным образом». То есть концепция здесь выступает как форма представления результатов научной работы [7, с. 9].

Исходя из этих соображений, мы можем говорить о концепции правовой политики в сфере юридической ответственности как о форме реализации разработанной некой теоретической конструкции. Соответственно определяется и понятие концепции правовой политики в сфере юридической ответственности: это форма реализации разработанной в процессе исследования теоретической конструкции правовой политики в сфере юридической ответственности.

Придавая сформулированной дефиниции статус базовой, мы можем перейти к решению основной задачи данного исследования – поиск оптимального варианта методов построения концепции правовой политики в сфере юридической ответственности.

Обращаясь к накопленному в рассматриваемом отношении научному опыту [9, с. 3–181], в состав методов построения концепции правовой политики в сфере юридической ответственности мы можем включить системно-структурный метод, метод адаптации, метод моделирования и метод проектирования. Так, системно-структурный метод позволяет сконструировать структуру той или иной концепции как системное образование.

Метод адаптации является одним из вариантов наполнения структурных компонентов соответствующей концепции содержанием. Посредством этого метода мы можем адаптировать (приспособить, преобразовать) полученные результаты своих конкретно-научных исследований к содержанию структурных компонентов разрабатываемой в этом отношении концепции. Подобная адаптация достигается посредством компрессии и трансформации научного текста. Компрессия (от лат. *compressio* – сжатие) научного текста – это структурное изменение его объема «с помощью определенных средств, с целью передачи одного и того же содержания, но в более сжатом виде» [10, с. 28]. «При компрессии информации, – пишет С.В. Первухина, – сохраняется замысел текста-источника и его общая идея, а детали содержания опускаются. При этом она обращает «внимание на тот факт, что при компрессии информации текста-источника изменяется внешняя форма вторичного текста (слова могут заменяться синонимами, может происходить изменение синтаксических конструкций), но глубинные семантические структуры текста остаются неизменными» [11, с. 94]. Трансформация (от позднелат. *transformatio* – превращение) научного текста – это преобразование данного текста в целом, и отдельных его элементов, в частности, «возникновение нового варианта, соотносительного со старым» [12, с. 79]. Причем, трансформация научного текста не должна допускать «искажения смыслового ядра первичного текста», она должна проявляться «в изменении формальных и некоторых содержательных элементов текста». Стилистические преобразования научного текста должны подчиняться «обязательному требованию – точности в выражении смысла...» [13, с. 100].

Метод моделирования базируется «на разработке и использовании моделей» [14, с. 8]. Моделирование (от франц. *modele* – образец, прообраз) – «замещение одного исходного объекта другим объектом, называемым моделью» [15, с. 8]; «отображение фактов, вещей и отношений определенной области знания в виде более простой и более наглядной материальной структуры этой области или другой области» [16, с. 72]; «процесс построения, изучения и применения моделей». Моделирование «тесно связано с такими категориями, как абстракция, аналогия, гипотеза и др. Процесс моделирования обязательно включает и построение абстракций, и умозаключения по аналогии, и конструирование научных гипотез. Главная особенность моделирования заключается «в том, что это метод опосредованного познания с помощью объектов-заместителей. Модель выступает как своеобразный инструмент познания, который исследователь ставит между собой и объектом и с помощью которого изучает интересующий его объект. Именно эта особенность метода моделирования определяет специфические формы использования абстракций, аналогий, гипотез, других категорий и методов познания» [14, с. 8–9].

Проектирование – это процесс создания проекта-прототипа, прообраза предполагаемого или возможного объекта. Проектирование осуществляется различными

методами, что зависит от цели проектирования и характера решаемой проблемы. В случае проектирования концептуальных конструкций как неких системных образований, исследователи предлагают применять дивергенцию, трансформацию и конвергенцию [5, с. 32; 17, с. 91].

Дивергенция (от позднелат. *divergentia* – расхождение) «обозначает расширение границ проектной ситуации с целью обеспечения достаточно обширного – и достаточно плодотворного – пространства для поиска решения» [17, с. 91]. Дивергентный поиск – «это проверка на устойчивость идей, подходов, направлений исследования, поиск парадигм и точек отсчета свободное блуждание в проблемном поле» [5, с. 32]. Он «характеризуется следующими основными чертами»:

- во-первых, «цели устойчивы и условны»;
- во-вторых, «границы задачи неустойчивы и неопределенны»;
- в-третьих, «оценка откладывается на будущее: все, что может иметь отношение к решению задачи, принимается во внимание, как бы сильно одно положение ни противоречило другому»;
- в-четвертых, задача исследователя «заключается в сознательном увеличении своей неуверенности, в освобождении от заранее заданных решений, в изменении стратегии мыслительной деятельности на основе массива данных, которые могут иметь отношение к решению задачи»;
- и др. [17, с. 91–92].

Дивергенция включает в себя такие методы, как, например, метод формулирования основной исходной задачи, метод поиска и анализа литературных источников, метод выявления визуальных противоречий, метод обобщения данных о проектной ситуации, методы поиска идей и др. [5, с. 32; 17, с. 186–257].

Трансформация – это «изменение представления о проблеме до такого вида, который представляется наиболее приемлемым для исследования» [5, с. 32]. «Для трансформации... характерны следующие основные черты»:

- во-первых, «основная цель заключается в том, чтобы на результаты дивергентного поиска наложить некоторую концептуальную схему, достаточно точную для конвергенции к единому проекту, а затем утвердить этот проект и закрепить его во всех деталях. Избранная схема должна отражать все реалии конкретной ситуации. Создание концептуальной схемы в данном случае представляет собой творческий акт преобразования сложной задачи в простую задачу «путем изменения ее формы и принятия решения о том, что необходимо подчеркнуть, а чем можно пренебречь»;
- во-вторых, «на этой ступени фиксируются цели... и границы задачи, выявляются важнейшие переменные, распознаются ограничения... Здесь используются представляющиеся возможности и выносятся оценочные суждения»;
- в-третьих, «на этой же ступени задача расчленяется на подзадачи, причем считается, что все подзадачи можно решать параллельно или последовательно и в значительной мере независимо друг от друга»;
- в-четвертых, «важнейшими условиями успешной трансформации являются»: «свобода изменения подцелей, позволяющая избежать серьезных потерь качества» и «быстрота оценки возможностей и последствий реализации любой конкретной последовательности подцелей»;
- и др. [17, с. 93–94].

Основными методами трансформации являются методы поиска идей и методы исследования структуры проблемы. Несомненно, есть и другие методы, используемые на стадии трансформации [5, с. 32; 17, с. 242–294].

Конвергенция (от лат. *convergo* – приближаюсь, схожусь) – «целесообразное сужение границ предмета исследования» [5, с. 32]. То есть исследователю «необхо-

димо шаг за шагом разрешать второстепенные противоречия до тех пор, пока из многих возможных альтернативных конструкций не останется одна – окончательное решение, которое и получит «путевку в жизнь». Среди основных характеристик конвергенции, исследователи выделяют следующие:

- во-первых, «основная цель на этом этапе – как можно быстрее уменьшить неопределенность, поэтому большую помощь здесь оказывает все, что способствует исключению альтернатив, не заслуживающих рассмотрения»;

- во-вторых, «модели, используемые для представления поля оставшихся альтернатив, в ходе конвергенции должны становиться менее абстрактными и более детализированными»;

- в-третьих, «для осуществления конвергенции возможны две диаметрально противоположные стратегии»: одна из них направлена от внешнего к внутреннему; другая - от внутреннего к внешнему. В первом случае, исследователь, исходя, например, из названия концепции, конструирует ее структуру; во втором – опираясь на структуру концепции, приходит к решению о названии данной концепции;

- и др. [17, с. 94, 95].

В процессе конвергенции используются метод упорядоченного или систематического поиска, основанный на применении теории решений; метод определения границ поиска; методы оценки проектных решений (например, ранжирование); и др. [5, с. 32; 17, с. 117–124, 144–158, 307–314].

Итак, понимая под концепцией правовой политики в сфере юридической ответственности форму реализации разработанной соответствующей теоретической конструкции, а также исходя из накопленного в рассматриваемом отношении научного опыта [18–20], в состав методов построения данной концепции мы предлагаем включить:

- системно-структурный метод, позволяющий сконструировать структуру той или иной концепции как системного образования;

- метод адаптации, являющийся одним из вариантов наполнения структурных компонентов соответствующей концепции содержанием, и эффективность которого достигается путем компрессии и трансформации научного текста;

- метод моделирования, предполагающий построение абстракций, умозаключения по аналогии, конструирование научных гипотез и др.;

- проектирование, осуществляющееся в случае проектирования концептуальных конструкций как неких системных образований при помощи дивергенции, трансформации и конвергенции и их методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Новиков А.М., Новиков Д.А. *Методология*. М.: СИНТЕГ, 2007. 668 с.
- Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Т. 2: И – О. М.: Рус. яз. Медиа, 2006. 699 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
- Штанько В.И. *Философия и методология науки*. Харьков: ХНУРЭ, 2002. 292 с.
- Кожухар В.М. *Основы научных исследований*. М.: Дашков и К°, 2010. 216 с.
- Оганисян К.Г. Концептуальное обоснование системы защиты прав и свобод человека и гражданина в России // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 114. С. 266–276.
- Яковлев Е.В., Яковлева Н.О. *Педагогическая концепция: методологические аспекты построения*. М.: ВЛАДОС, 2006. 239 с.
- Лихин А.Ф. *Концепции современного естествознания*. М.: Проспект, 2006. 26 с.
- Разработка проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Круглый стол журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки» на тему: «Разработка проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности», 15–18 апреля 2015 г. (Тольятти) / отв. ред. А.В. Малько, Д.А. Липинский. М.: РИОР, 2015. 205 с.
- Шагланова Е.А. Информационно-стратегический потенциал компрессии текста рекламы : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2014. 143 с.
- Первухина С.В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста : дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 305 с.
- Жеребило Т.В. *Словарь лингвистических терминов*. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
- Марьева М. *Стилистическая трансформация текста в юридической практике* // *Филология и культура*. 2016. № 2. С. 99–104.
- Мамаева З.Д. *Введение в методы исследования и моделирования экономики*. Нижний Новгород: ННГУ, 2012. 36 с.
- Алиев Т.И. *Основы моделирования дискретных систем*. СПб.: СПбГУ ИТМО, 2009. 363 с.
- Архангельский С.И. *Лекции по научной организации учебного процесса в высшей школе*. М.: Высшая школа, 1976. 200 с.
- Джонс Дж.К. *Методы проектирования*. 2-е изд., доп. М.: Мир, 1986. 326 с.
- Липинский Д.А. О структуре и принципах правовой политики в сфере юридической ответственности // *Разработка проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Круглый стол журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки»*. 15–18 апреля 2015 г. (Тольятти). М.: РИОР, 2015. С. 4–7.
- Малько А.В. О направлениях развития концепции правовой политики в сфере юридической ответственности // *Разработка проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Круглый стол журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки»*. 15–18 апреля 2015 г. (Тольятти). М.: РИОР, 2015. С. 3–4.
- Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А.В. Малько. Саратов: СарГУ, 2010. 49 с.

**METHODS OF CREATION OF THE CONCEPT OF LEGAL POLICY
IN THE FIELD OF LEGAL RESPONSIBILITY**

© 2017

R.R. Khasnutdinov, Candidate of Law, Associate Professor,
deputy chief of department of state and legal disciplines
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: method; construction; concept; legal policy; legal responsibility; design.

Abstract: In article the question of an optimal variant of the methods used in the course of creation of the concept of legal policy in the sphere of legal responsibility is considered. Relevance of giving of legal policy in the sphere of legal responsibility of such form of realization of a theoretical design of system approach as the concept is caused by the fact that one of problems of modern jurisprudence is ensuring conceptualization of theoretical views and practical approaches in the field of legal regulation. The concept, being a complex of key provisions, it is rather full and comprehensively disclosing essence, contents and features of the studied phenomenon, acts as the concentrated, reasoned, system, complete form. High-quality filling of her contents in many respects depends on methods of creation of the concept. Following on the way of optimization of methods of creation of the concept of legal policy in the sphere of legal responsibility, on the one hand, and researches of the corresponding conceptual framework – with another, the author managed to receive the following results. First, leaning on a concept of the concept in general, the concept of legal policy in the sphere of legal responsibility has been submitted as a form of realization of the developed corresponding theoretical design. Secondly, proceeding from the formulated definition of the concept of legal policy in the sphere of legal responsibility, and also the scientific experience accumulated in the considered relation, the author has suggested to include the system and structural method allowing to create structure of the concept in structure of an optimal variant of methods of creation of this concept; the adaptation method providing filling of structural elements of the concept with contents by means of a compression and transformation of the scientific text; the modeling method assuming creation of abstractions, conclusions on analogies, designing of scientific hypotheses; and the design method which is carried out by means of divergence, transformation and convergence and their methods.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ
ЗАКОНОМЕРНОСТИ, НЕОБХОДИМОСТИ,
СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ**

© 2017

Е.В. Черных, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов (Россия)

Ключевые слова: закономерность; необходимость; свобода; ответственность личности; статут; правовой статус личности; статусная ответственность; позитивный и ретроспективный аспекты реализации.

Аннотация: Исследуются актуальные вопросы диалектической взаимосвязи закономерности, необходимости, свободы и ответственности личности, а также статуса, правового статуса личности и статусной ответственности, их органического взаимодействия с юридической ответственностью в ее полном объеме. Юридическая ответственность рассматривается как целостное правовое явление, обладающая различными аспектами реализации. Определяется взаимосвязь юридической ответственности и правового государства, а сама ответственность обосновывается как атрибут правового государства, его признак и принцип. Юридическая ответственность с одной стороны, сама обусловлена свободой и необходимостью, а с другой стороны она ограничивает свободу и познанный необходимость. Свобода – продукт развития материальных отношений. В историческом плане она означает такое состояние человека в обществе, которое характеризуется наличием у него определенной суммы социальных возможностей, обеспечивающих его всестороннее развитие и совершенствование. Свобода и ответственность являются не только характеристиками правового государства, но и гражданского общества. Гражданское общество, правовое государство и юридическая ответственность взаимообусловлены друг другом. Свобода представляет собой познанный необходимость, обусловленную в том числе и правовым государством с гражданским обществом, но абсолютной свободы не бывает, она ограничена ответственностью, но и одновременно обусловлена ей. Делается вывод, что это двуединый, прямо пропорциональный процесс движения к более высокой ступени организованности общества. Совершенствование общественных отношений требует свободной и ответственной деятельности людей в соответствии с познанной исторической закономерностью. Признание необходимости недостаточно еще для действительно свободной и ответственной деятельности. Без ее познания не может быть свободы, ибо неосознанная деятельность случайна, несвободна и безответственна.

Существует множество видов социальной ответственности, которые тесно связаны с закономерностью, необходимостью и свободой [1–3]. Например, нравственная, этическая [4–6]. Юристов прежде всего интересуют вопросы взаимосвязи, взаимодействия и взаимозависимости этих понятий в правовой сфере жизни общества.

В философской литературе наряду с категорией «необходимость» употребляются категории «социологический закон» и «общественная закономерность». Законы общества – это законы деятельности людей. К. Маркс характеризует их как «внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями...» [7, с. 246]. Объективные законы развития природы и общества не зависят от воли людей. Познавая их, люди действуют в соответствии с ними, а не вопреки им. Закономерность не есть неизбежность, она неоднозначна, а, напротив, содержит в себе варианты, тенденции, по-разному выражающиеся в зависимости не только от объективных, но и субъективных условий и факторов. Объективный закон «диктует» свои условия, «лимитирует» объективные пределы действия субъектов социальных отношений и «подчиняет» себе их поведение.

Обусловленность свободы закономерностью требует не оставлять вне поля зрения субъективную сторону деятельности, как момент, характеризующийся постановкой цели, построением программы действий, соединенной с готовностью ее осуществить. Под свободой понимают совокупность трех органически взаимосвязанных между собой компонентов: познание необходимости, действие в соответствии с ней и предвидение непосредственных и отдаленных последствий своей деятельности с позиций ее пользы или вреда для общества.

Исследование юридической ответственности в тесной взаимосвязи со свободой и необходимостью имеет как практическое, так и методологическое значение. В этой связке она становится эффективным средством наведения порядка в общественной и правовой жизнедеятельности. Познание закономерностей расчищает (или облегчает) путь к свободе. От уровня их познания и использования

зависят реальные возможности и результаты успешного решения государственных задач, воспитание чувства ответственности, деловитости граждан относительно того, что делается в стране. Чем глубже наука всем этим овладевает, тем свободнее, ответственнее и результативнее будет деятельность государства и граждан. Несмотря на то, что объективные процессы, протекающие в обществе, не зависят от государства, последнее, тем не менее, учитывая их, может создавать благоприятные условия для активной и ответственной жизненной позиции личности. А игнорирование назревших проблем, задержка в их решении, пренебрежение достоверной информацией относительно последствий своей деятельности приостанавливает развитие свободы, как государства, так и отдельных граждан. В конечном счете, приводит к безответственности власти на любом уровне, грубым просчетам в практической деятельности, ибо в таком случае приходится руководствоваться методом проб и ошибок. Что может быть более опасным в условиях общего системного кризиса нашего общества? Все это вызывает тревогу, не может претендовать на научную методологию. Дабы не допустить развала государства за подобные деяния, особенно на высоком уровне (мягко говоря, брак в работе госструктур) пора уже или освобождать от должности по причине профнепригодности, или привлекать к юридической ответственности. Причины могут быть разные, но главная из них – общий системный кризис общества декларативный характер множества законоположений об ответственности государственных структур за влияние на судьбы своей страны [8, с. 12], ее граждан и т. п.

Изложенное никак не способствует выходу общества из кризисного состояния, а усугубляет его, так как длится десятилетиями. Встревоженное таким положением научное сообщество считает вопрос необходимости повышения юридической ответственности высших эшелонов власти (на федеральном и региональном уровнях) весьма злободневным [7, с. 29; 9, с. 62–64].

Познание и использование общественных закономерностей в деятельности государства зависит в первую

очередь от состояния науки, основной задачей которой является повышение ее вклада в решение актуальных проблем. Но лишь при условии внедрения в жизнь научных разработок, так как невостребованная наука рано или поздно умирает, а практика при таком к ней отношении становится слепой. Решающая роль среди общественных закономерностей принадлежит производственным отношениям, познание которых составляет одну из важнейших проблем науки. Непознанный характер производства может существенно ограничить, а иногда совершенно исключить возможность активного и сознательного вмешательства людей в действие закономерностей. Знание закономерностей общественного развития дает возможность государству брать их под свой контроль. Достигается это в основном при помощи права, которое является наиболее эффективным средством реализации закономерностей в целенаправленной деятельности людей. Правда, на это нужна еще и политическая воля. Известно, что право создается не по произволу законодателя, оно выступает следствием объективной необходимости, формой выражения общественных законов. Чем точнее и глубже нормы права отражают содержание закономерностей, тем эффективнее оказывается результат взаимного их действия, а право в целом способствует развитию экономики, но, безусловно, не является ее тормозом. В противном случае, или при игнорировании закономерностей, право становится тормозом развития экономики. В ней возникают различные, негативные явления, приводящие к застою, сырьевому характеру экономики, или к их совокупности, что и произошло в нашей стране. В связи с чем надо срочно повышать ответственность властвующих структур за оздоровление российской экономики, за выполнение госслужащими своих прямых обязанностей в этом деле. Этот критерий должен быть определяющим их профпригодности. В противном случае светлым для нас всегда будет только будущее. Пора уже переходить к делу.

Каждому объективному закону свойственен специфический механизм его действия, проявляющийся в строго определенных требованиях, не исключающих, однако, вариативности. В пределах закономерности существует определенная свобода выбора, которая постоянно меняется. Связано это с тем, что сама закономерность диалектична, постоянно изменяется и на различных этапах своего развития выражается по-разному.

Современная наука суть свободы видит не в сфере обособленности и независимости личности, а в прочной ее связи с государством и обществом. Свобода – продукт развития материальных отношений. В историческом плане она означает такое состояние человека в обществе, которое характеризуется наличием у него определенной суммы социальных возможностей, обеспечивающих его всестороннее развитие и совершенствование. Свобода как философская категория – явление многогранное. Различные ее стороны изучаются многими общественными науками, в том числе и теорией государства и права, которую интересует ее правовой аспект.

В этом аспекте возникают естественные вопросы: при каких условиях гражданин может определить рамки своей правовой свободы, познать юридическую необходимость и действовать сообразно с ней, предвидеть результаты своих деяний в ракурсе правовой ответственности или безответственности? Ответ – только в условиях регулирования общественных отношений социальными нормами и прежде всего правовыми, поскольку речь идет о регулировании наиболее важных общественных отношений с точки зрения государственной власти.

Правовая свобода может быть определена как деятельность гражданина, регламентированная в своих проявлениях требованиями правовых норм. Зачатки такой свободы сложились в рабовладельческом обществе, где государство при помощи норм обычного права санкци-

онировало свободу для рабовладельцев и полностью лишало ее рабов. Ограничения общественной, духовной и личной жизни народных масс в буржуазном обществе вызвали с их стороны требования закрепления естественных прав. Свобода угнетенных классов возросла только после буржуазно-демократических революций.

Правовой аспект свободы реализуется в социально-экономической, общественно-политической и духовной сферах деятельности личности и государства. Обращая внимание на роль государства в развитии свободы, К. Маркс назвал его посредником «между человеком и свободой человека» [7, с. 389]. Посредничество выражается в том, что в процессе правотворческой деятельности государство не только отражает и закрепляет познанные закономерности в нормах права, но и устанавливает в них объем свободы, которой могут пользоваться граждане, их организации. Посредственными рамками правовой свободы выступают нормы объективного права, – ее юридическая основа, так как «юридически признанная свобода существует в государстве в форме закона» [3, с. 62]. Право закрепляет безличную форму свободы. «Законы – это положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование. Свод законов есть библия свободы народа» [7, с. 63].

Вот почему участники общественных отношений, находящиеся в правовом поле, обязаны «лимитировать» свое поведение и поступать юридически ответственно, т. е. руководствоваться правовыми предписаниями, а также моральными и религиозными нормами, если они нашли свое отражение в праве.

Для правового государства необходимо, чтобы оно, являясь посредником «между человеком и свободой человека», с одной стороны, закрепляло правовой статус личности, ядро которого составляют права, свободы и обязанности граждан, а с другой – устанавливало статусную ответственность за их соблюдение (имеется в виду универсальная форма права). В результате структурные элементы правового статуса личности на основе статуса приобретают свойство формальной определенности. Юридически признанная свобода предоставляет человеку возможность выбирать варианты дозволенного правового поведения, а статусная ответственность направляет его в позитивное русло, обязуя следовать универсальному правилу «пользуйся свободой, но не злоупотребляй правами и выполняй обязанности». Закрепляя свободу в правовом статусе личности при помощи норм права, государство обязывает всех субъектов права к необходимости соблюдения требований этих норм, закрепляющих юридически признанную свободу, устанавливая статусную ответственность. Действуя в рамках правовой свободы, совершая правомерные поступки, граждане РФ осознают необходимость следования правовым предписаниям, проявляют положительное к ним отношение и поступают ответственно. Они несут возложенную юридическую ответственность, в противном случае при негативном отношении к правовым предписаниям поступают безответственно, за что принудительно привлекаются к ретроспективной ответственности. Свобода без ответственности неуправляема, а ответственность без свободы немыслима, ибо нечего будет направлять в позитивное русло. Все это имеет практическое значение. При таком подходе граждане знают, что от них требует государство, а оно может контролировать развитие общественных отношений и направлять его в нужное русло.

Далее прослеживается логическая последовательность таких органически взаимосвязанных понятий как статут, правовой статус личности и статусная ответственность. Состоит она в том, что без статута, по определению, невозможно закрепление правового статуса

личности (нечем его закреплять), а без него не может быть и статусной ответственности (не за что ее устанавливать). Игнорирование этих исходных понятий и их взаимосвязей превратило бы юридическую ответственность в пустышку. Но почему-то этим вопросам не уделяется должного внимания.

Мера правовой свободы определяется, прежде всего, экономическими условиями развития общества. Давно известно, что право не может быть выше экономического и обусловленного им культурного уровня развития общества [10, с. 19]. Поэтому законодательного закрепления свободы недостаточно для того, чтобы она не оказалась декларативной.

В целях ее материализации и постоянного развития государству надо еще активнее, более ответственно заниматься вопросами оздоровления нашей экономики, используя право как конструктивное средство ее стимулирования, постепенно отказываясь от сырьевого ее характера. Надо развивать малый и средний бизнес как давно и успешно делают это во многих странах мира. Не следует огульно отменять и накопленный положительный опыт буржуазного общества. Тем более что наше государство во многом еще отстает от развитых капиталистических стран. Речь идет об учете не только научно-технических достижений, но и ряда форм организации общественной и государственной жизни, решении социальных задач. Почему бы нам не использовать из опыта наиболее развитых стран мира то, что приемлемо для нашей страны? Видимо нам еще предстоит серьезно осмыслить практику современной социал-демократии, ее конкретной деятельности, в том числе и по защите общедемократических завоеваний граждан. Некоторые из этих стран, например, Норвегия и Швеция значительно продвинулись в этом смысле. К тому же в ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации закреплена принцип социальности нашего правового государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [11].

Для правового государства характерно установление таких отношений между гражданами и государством, в основе которых лежит принцип утверждения человека как высшей социальной ценности. Свободы и многогранные права личности в российском обществе являются подлинным воплощением справедливости и гуманизма, они выступают как один из основополагающих институтов демократии и народовластия. Принцип правовой свободы российских граждан и его приоритетное значение получил свое выражение в Конституции РФ, где в ст. 2 закреплена: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [11]. Ради достижения этого идеала правовое государство устанавливает для личности область проявления своей свободной деятельности, в которой никто (в том числе и государство) не должен ставить гражданину какие-либо препятствия. Вместе с тем государство стремится к тому, чтобы граждане не выходили за пределы предоставленной им свободы. Выход за ее пределы ведет к нарушениям законности, правопорядка, государственной дисциплины, к безответственности. Для предотвращения этого негатива и устанавливается, прежде всего, юридическая ответственность, а не только для отрицательных последствий, применяемых в результате безответственного поведения, характерных для ее ретроспективного аспекта, хотя и это необходимо делать. Одно другому не мешает. Притязание правового государства к личности всегда имеет правовое основание. Вмешательство государства в личную свободу граждан допустимо, во-первых, когда действия и поступки одних граждан влекут умаление свободы других. В данном случае речь идет о взаимоотношениях между субъектами, одни из которых правомерно пользуются своей сво-

бодой, другие же, напротив, ее нарушают. В такой ситуации государство устанавливает запреты, относящиеся к тем субъектам, которые своим поведением наносят ущерб свободе других лиц. Во-вторых, в ходе взаимоотношений между собой граждане могут взаимно препятствовать осуществлению личной свободы. При таких обстоятельствах государство восстанавливает нарушенную свободу и обязывает граждан осуществлять ее только в правовых пределах. В-третьих, граждане управомочиваются совершать действия по обоюдному согласию. Здесь государство осуществляет контроль за тем, чтобы они не выходили за пределы своих полномочий. В-четвертых, ограничения в личной свободе являются равными для всех граждан.

Российские граждане обладают не только равными правами и свободами, но и равным объемом обязанностей, в которых также закреплена мера свободы. Особенность последней состоит, во-первых, в том, что граждане обладают свободой выбора в пределах выполняемой обязанности. Во-вторых, за пределами исполненной обязанности они могут распоряжаться свободой по своему усмотрению, не нарушая, естественно, свободы других граждан, руководствуясь при этом принципом «разрешено все, что не запрещено законом».

Правовой аспект свободы находит свое выражение не только в нормах объективного права, но и в субъективных правах, в которых свобода личности приобретает конкретное бытие. В природе субъективного права следует выделить свободу выбора личностью своего поведения; меру свободного выбора, закрепленную в юридических нормах, определяющих объективно возможные пределы в соответствии с общественными возможностями и социальным положением самой личности. Кроме того, субъективное право выступает и своеобразной формой сочетания личного и общественного интереса.

Возможность наиболее оптимально сбалансировать сферу личного и общественного интереса наступает лишь в гражданском обществе и правовом государстве. Не секрет, что наше государство в переходный период в лице властвующих структур нередко служит своекорыстным, а не общественным интересам. Гражданское общество способно контролировать деятельность государства и сделать его правовым, направить работу его механизма на путь поступательного развития и демократизации всех сторон общественной жизни, на установление тесной взаимосвязи между личными и общественными интересами. При таких условиях граждане увидят в своем государстве политическую организацию, благодаря которой они получают реальную возможность быть свободной личностью. История доказала – свобода не примет нас радостно у входа в светлое будущее, за нее надо бороться всеми законными путями. «В борьбе обретешь ты право свое» писал немецкий юрист Рудольф фон Иеринг. Люди забыли, сколько в истории было пролито крови в борьбе за «естественное» право на труд и 8-часовой рабочий день.

Свободная деятельность государства определяется тем, в какой мере осознанность закономерностей делается средоточием субъективных усилий, направленных на решение своих задач. Чем глубже осознание объективных явлений, тем свободнее деятельность. Расширение свободной деятельности государства и личности, повышение их ответственности – процесс взаимосвязанный. Используя познанные наукой закономерности, государство расширяет и свободу граждан, что способствует возрастанию их ответственности, творчества, инициативы, сознательности в управлении обществом и государством. Выбатывая навыки управления, повышая политическую и трудовую активность, граждане тем самым способствуют свободной деятельности и государства.

Свобода личности и государства предполагает взаимную их ответственность на основе социальных норм,

многообразии которых порождает различные виды социальной ответственности, различающиеся по своим признакам, структуре, путям реализации, основам возникновения и т. п. В литературе выделяется ответственность государственная и общественная; политическая, моральная, правовая; общая и профессиональная (юриста, врача, инженера, писателя, политика); коллективная и индивидуальная; длящаяся и кратковременная; полная и ограниченная; за совершаемые, совершенные социальные поступки и за те, которые предстоит совершить (статусная). Все ее разновидности реализуются в общественных отношениях и связях как проявление общего положения личности. Социальной ответственности присущ нормативный характер, т.е. она предусмотрена социальными правилами и основана на них. Социальные нормы призваны укреплять общественный порядок; имеют позитивный (положительный) и ретроспективный (отрицательный) аспекты; служат прерентивному и охранительному воздействию. Ответственность – это особое положение личности в системе взаимосвязей с себе подобными и обществом, без чего невозможно нормальное его функционирование и существование самой личности. Ответственность служит воспитанию или перевоспитанию участников общественных отношений в духе обеспечения общественного порядка. Будет ответственное отношение к социальным нормам, будет и порядок в обществе.

Социальной ответственности присуща оценка поступков человека. Каждое действие или бездействие оценивается личностью, коллективом, государством, обществом и имеет определенные последствия. Потому, что, «...если свобода означает возможность выбора, то ответственность – это оценка выбора, решения, поступка, оценка их пользы или вреда для общества...» [12, с. 30]. Социальные нормы – своеобразные указания индивиду, как он должен вести себя в данное время и в будущем, как он должен был бы вести себя в прошлом, чтобы заслужить положительную оценку своих действий со стороны общества и государства. Содержащийся в норме образец поведения – критерий оценки поведения человека как ответственного или безответственного.

Если социальная ответственность родовое понятие для всех разновидностей социальной ответственности, то юридическая (правовая) ответственность – родовое понятие для всех ее разновидностей. Система юридической ответственности в ее полном объеме – это ответственность за будущее (статусная ответственность), настоящее (позитивный аспект) и прошлое (ретроспективный аспект).

В этой триаде статусная ответственность – путеводная звезда для путника, еще собирающегося вступить в правовую жизнь, предварительный ориентир и критерий оценки его будущего поведения как ответственного или безответственного. Именно статусную ответственность (за будущее) И.А. Ильин называет предварительной, когда пишет: «предварительная ответственность есть живое чувство предстояния и призванности, стремление к совершенствованию. Еще не совершив поступка, человек уже знает о своей ответственности» [13, с. 305]. Без такого критерия (ориентира) невозможным становится предвидение оценки поведения самой личностью, обществом и государством. (Нет критерия оценки, нет и самой оценки). Статусную ответственность можно назвать статутной, предварительной и перспективной ответственностью, находящейся в статическом состоянии. Корни ее находятся в праве, и она является предпосылкой реализации ответственности. Благодаря этому ориентиру любой гражданин, еще не совершая деяний, а лишь обдумывая их, заранее может предвидеть в каком направлении ему следует двигаться, чтобы не сбиваясь с правильного пути, а государство и общество могут оценить его поведение как юридически ответственное

или безответственное и воздействовать на него с помощью соответствующих средств.

А последующие два аспекта ответственности предусмотрены предварительным ее структурным элементом и относятся к реализации ответственности, ее динамическому состоянию. Из них позитивный аспект является желательным (ответственным), а ретроспективный – нежелательным, но необходимым. Их существование есть проявление философского закона единства и борьбы противоположностей.

В свете изложенного, концепция позитивной ответственности, выдвинутая еще в советское время [14, с. 182–186; 15, с. 202–204; 16, с. 17], остается актуальной и получила в науке поддержку и развитие [17; 18]. Как читатель заметил, она закреплена в предварительной ответственности, которая нацелена, в первую очередь, на реализацию позитивного аспекта, на созидание, что очень важно в наше время.

Автор последовательно убежден, что при исследовании структуры юридической ответственности, взаимосвязи ее элементов, невозможно обойтись без этой концепции. Выступает она также основой анализа соотношения и зависимости закономерностей, необходимости, свободы и ответственности личности [9, с. 17], чему и посвящена данная работа.

Исходя из вышеизложенного, социальную ответственность следует рассматривать как необходимость принятия таких решений, в которых бы интересы личности сочетались с объективными закономерностями и установленными на их основе различного рода нормами. Идея ответственности базируется на способности человека отдавать себе отчет в своих действиях, выбирать тот или иной вариант поведения. Закрепление ответственности в нормативно-правовых актах и иных социальных нормах неразрывно связано с наличием условий, обеспечивающих их реальность. Если их нет, то провозглашенная свобода и мера ответственности превращаются в фикцию.

Ответственность, можно назвать своего рода «второй стороной» свободы, которая, по Ф. Энгельсу, заключается в познании законов природы и общества. Возьмем, к примеру, законы природы. Несерьезное к ним отношение уже породило множество отрицательных явлений, а, в конечном счете, может привести к катастрофическим последствиям, нарушению равновесия сил природы. На фоне даже одного такого неутешительного примера хочется спросить у сторонников признания только ретроспективного аспекта ответственности: может хватить всю структуру многогранного явления сводить к одному из ее элементов? Если такое произойдет, то зачем будет нужна ретроспективная ответственность? Ведь некого и некому будет к ней привлекать. Не будет вообще никакой ответственности. Исчезнет «естественное» право на жизнь. Поэтому разумнее своевременно предотвратить катастрофу посредством предварительной и позитивной ответственности, ее индивидуализации и связанных с этим средств воздействия. На этом фоне мы видим, что вопрос о необходимости ответственного отношения к законам природы имеет огромное теоретическое и практическое значение. Быть или не быть человечеству и «естественному» праву на жизнь – вот в чем его смысл.

Свобода воли, следовательно, означает способность человека принимать решения со знанием дела. Природе и обществу свойственны объективные законы развития, не зависящие от воли людей. Однако это не означает, что они являются рабами объективных закономерностей. Человек познает их и тем самым «подчиняет» своей воле, т. е. действует в соответствии с ними, а не вопреки ним. Познав закономерность, личность свободна. Но свобода воли – не свобода поступка. Гражданин волен мыслить как угодно, воля по своей сущности свободна. Однако

смысл свободы воли состоит в том, чтобы внешнее ее проявление не противоречило действительности, соответствовало ей. Человек, воспринимая многообразную информацию, поступающую к нему в форме знаний, «фильтрует» их, превращая тем самым в индивидуальное мировоззрение, которое затем реализуется в его поступках, за которые он ответственен. Вследствие этого, ответственность представляет собой единство объективного и субъективного. Объективное ее содержание – это комплекс требований, с которыми личность, коллектив должны соотноситься свои действия.

Подчеркнем роль предварительной, перспективной ответственности. В правовом поле участникам правоотношений необходимо действовать согласно установленным юридическим правилам, которые надо предварительно установить, а потом уже судить о том выполняются они или нет. Во всем должна быть строгая последовательность. Субъективный момент ответственности – это непосредственная деятельность субъекта, соответствующая или противоречащая необходимости. Если смысл свободы состоит в использовании познанной необходимости, то ответственность есть направление деятельности и сама деятельность, в которой реализуется свобода. Каждый дееспособный гражданин ответственен за свое поведение, за исключением тех случаев, когда он не стал еще субъектом социальных норм, или когда объективные условия допускают возможность только одного варианта поведения, исключая при этом свободный выбор поступка. Человек сам выбирает вариант своего поведения, которое обуславливается возможностями экономического, политического и морального характера. В этом суть подхода к пониманию ответственности, которая находится в прямой зависимости от этапов прогрессивного развития общества. Каждый шаг на этом пути, с одной стороны, связан с расширением прав и свобод, с другой – с повышением ответственности личности. Чем больше свободы, тем выше ответственность. Это двуединый, прямо пропорциональный процесс движения к более высокой ступени организованности общества. Совершенствование общественных отношений требует свободной и ответственной деятельности людей в соответствии с познанной исторической закономерностью. Признание необходимости недостаточно еще для действительно свободной и ответственной деятельности. Без ее познания не может быть свободы, ибо неосознанная деятельность случайна, несвободна и безответственна. Материализм осуждает слепое признание необходимости. Он отвергает фатализм в историческом развитии. «Одного только познания ... недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы господству общества. Для этого необходимо, прежде всего, общественное действие» [19, с. 329–330]. В основе свободы лежит социальная активность человека. Реализация свободы и ответственности немислимы без активной деятельности народных масс. Правовое государство и гражданское общество стихийно не появляются. Они создаются осознанной деятельностью людей, которые становятся творцами своей истории. Люди ставят четкие цели и осознанно используют познанную необходимость в научном управлении обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белецкая Л.И. Свобода и ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. 26 с.
2. Никишин В.В. Морально-правовые аспекты экологической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 17 с.
3. Сперанский В.И. Социальная ответственность в системе общественных отношений (социальный аспект) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1990. 40 с.
4. Филатова Т.И. Социальная ответственность как фактор преодоления отчуждения : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Харьков, 1990. 18 с.
5. Черменина А.А. Проблема ответственности в этике : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ленинград, 1965. 21 с.
6. Стребков Ю.С. Нравственная ответственность и ее роль в регуляции поведения : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1989. 17 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политическая литература, 1955. Т. I. 698 с.
8. Матузов Н.И., Малько А.В., Теория государства и права: учебник для вузов, обучающихся по направлению и спец. «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. – М.:Юристъ. 2005. - 767 с.
9. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политическая литература, 1955. Т. 19. 670 с.
11. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
12. Смирнов Г.Л. Демократия, свобода и ответственность личности. М.: Знание, 1968. 48 с.
13. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 432 с.
14. Черных Е.В. Некоторые вопросы юридической ответственности // Вопросы теории государства и права: сборник статей. Саратов: Саратовский юрид. ин-т, 1971. С. 179–192.
15. Черных Е.В. О двух аспектах правовой ответственности в социалистическом обществе // Вопросы теории государства и права: сборник статей. Саратов: Саратовский юрид. ин-т, 1971. Вып. 2. С. 179–192.
16. Черных Е.В. Проблемы правовой ответственности в условиях развитого социалистического общества. (Вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1981. 23 с.
17. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск: Красноярский ун-т, 1985. 145 с.
18. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Саратовский ун-т, 1987. 207 с.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политическая литература, 1955. Т. 20. 827 с.

**TOPICAL ISSUES OF THE DIALECTIC INTERCHANGE
OF REGULARITY, NECESSITY,
FREEDOM AND LIABILITY OF THE PERSON**

© 2017

E.V. Chernykh, Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
Saratov State Law Academy, Saratov (Russia)

Keywords: regularity; necessity; freedom; individual responsibility; statute; legal personality status; status responsibility; positive and retrospective aspects of implementation.

Abstract: The topical issues of the dialectical interrelation of the regularity, necessity, freedom and responsibility of the individual, as well as the statute, the legal status of the individual and status responsibility, their organic interaction with legal responsibility in its full scope are examined. Legal responsibility is seen as a holistic legal phenomenon that has various aspects of implementation. The relationship between legal responsibility and the rule of law is defined, and the responsibility itself is justified as an attribute of the rule of law, its sign and principle. Legal responsibility on the one hand, itself is conditioned by freedom and necessity, and on the other hand it limits freedom and cognized necessity. Freedom is the product of the development of material relations. Historically, it means such a state of a person in a society that is characterized by the presence of a certain amount of social opportunities that ensure its full development and improvement. Freedom and responsibility are not only characteristics of the rule of law, but also of civil society. Civil society, the rule of law and legal responsibility are mutually conditioned. Freedom is a cognized necessity, conditioned, among other things, by a rule-of-law state with civil society. But there is no absolute freedom, it is limited by responsibility, but it is also conditioned by it. It is concluded that this is a two-way, directly proportional process of movement towards a higher stage of organization of society. Perfection of social relations requires the free and responsible activity of people in accordance with a known historical pattern. Recognition of necessity is not enough for a really free and responsible activity. Without its knowledge, there can be no freedom, for unconscious activity is accidental, unfree and irresponsible.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В ЭВОЛЮЦИИ
ПОЗИТИВНОЙ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ВЫСШИХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© 2017

А. Ф. Чупилкина, кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Ключевые слова: позитивная конституционно-правовая ответственность; высшие органы исполнительной власти; нравственность; политическое усмотрение; ответственность перед обществом.

Аннотация: Степень разработанности конституционной ответственности высших должностных лиц является одной из судьбоносных для государства политико-правовых материй. В конституционном праве имеются основания для выделения как позитивной, так и негативной разновидностей ответственности. Для учёных и обывателей негативный вид более привычен и понятен в контексте рассуждений о понятии «ответственность». Позитивный вариант конституционно-правовой ответственности до сих пор вызывает вопросы по самому своему «праву на жизнь», уместности существования как «ответственной» категории, т. е. всё ещё требует чёткости в трактовке своего понимания. Автор утверждает, что в фундаменте данного вида ответственности имеется две точки опоры: нравственность и ответственность органов власти перед обществом. Однако, представляется сложным «упаковать» в норму права такой предмет, как нравственность. В качестве центральной проблемы видится освобождение оценки поведения субъекта права от политического усмотрения, которое может иметь довольно пристрастный характер. Сформулированы предложения, которые давали бы не только оценивающему субъекту, но и обществу отправную точку для возникновения позитивной конституционно-правовой ответственности высших органов исполнительной власти, и её обоснование. За основу рекомендуется взять второй фундаментальный ориентир позитивной ответственности – конституционно-правовую ответственность органов государственной власти перед обществом. В представленном в статье виде выражался бы социально-экономический характер конституционно-правовой ответственности, а её введение требовало бы активной деятельности обозначенных субъектов права, которая должна быть направлена на достижение положительного социального и экономического результата в своей работе.

Широко известен тезис С.А. Авакьяна о том, что «конституционное право – самая политизированная отрасль права ... именно политика предопределяет саму необходимость появления конституционно-правового регулирования» [1].

Политические материи затрагивают всех граждан без исключения не только по причине, указанной Аристотелем в том, что «человек по своей природе своей есть существо политическое» [2]. Такие категории, как международная политика, правовая политика, экономическая политика и прочее предопределяют состояние всех сфер общества, влияя на повседневную жизнь человека и в итоге обуславливают судьбу страны и народа.

Одной из таких судьбоносных для государства политико-правовых материй является степень разработанности конституционной ответственности высших должностных лиц государства. Причём, с точки зрения автора, степень этой историчности прямо пропорциональна градусу исследованности и подготовленности института указанного вида ответственности в конституционном пространстве той или иной страны.

Нас, бесспорно, прежде всего, интересует судьба родного государства и его народа, поэтому сосредоточены мы будем в данном направлении.

В российском законодательстве много видов отраслевой ответственности. Меры конституционно-правовой ответственности имеют больший резонанс, носят исключительный характер и играют прежде всего профлактическую роль.

Несомненно, в конституционном праве имеются все основания для выделения двух разновидностей ответственности: позитивной и негативной. Если негативный вид более понятен нам в контексте рассуждений о понятии «ответственность», так как в результате оценки обязанного следовать определенным нормам субъекта, в случае их нарушения наступает черёд применения к нему санкций, то позитивный вид вызывает вопросы по самому своему «праву на жизнь», уместности существования как «ответственной» категории, т. е. все ещё требует чёткости в трактовке своего понимания.

На эту тему высказывается судья Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиев: «Понятие юридической ответственности в советской литературе по правовой тематике определялось через применение мер государственного принуждения, чего, однако, недостаточно для возникновения такой ответственности» [3].

В связи с чем вызывают размышления о безусловной целесообразности дальнейших, более углубленных теоретических разработок конституционно-правовой ответственности в её позитивной форме выражения [4].

Профессор С.А. Авакьян рассматривает позитивную ответственность в следующем ключе: «Позитивная ответственность – ответственность перед своей совестью либо перед кем-то, кто может оценить поведение данного субъекта права. То есть спрашивают за поведение, в целом соответствующее закону, за его исполнение, поэтому и ответственность называется позитивной» [5].

В связи с проводимой организаторами темой конференции «Правовая политика в сфере юридической ответственности», обратим внимание и на следующий тезис корифея конституционного права: «конституционно-правовая ответственность зачастую есть политическая ответственность, всего лишь сопровождаемая конституционно-правовой формой» [5]. Из чего следует вывод о том, что сам по себе предмет конституционной ответственности как нельзя более подходит под проблематику обсуждения круглого стола.

После проведённого исследования трудов большинства мыслителей, разрабатывавших теорию юридической ответственности в либеральной и позитивистской доктринах второй половины XVIII–XIX вв., А.В. Чепус пришёл к выводу о том, что они основывались на проблеме взаимозависимости личности, общества и государства, имеющей прежде всего морально-правовой характер.

Далее автор указывает на то, что «в трудах представителей естественно-правового направления политико-правовой мысли позитивная ответственность выступала как ответственность государственной власти, и прежде всего органов исполнительной власти, перед обществом».

Принимая во внимание вышеприведённые критерии невозможно не обратить внимание на то, что позитивная ответственность в своём фундаменте имеет две точки опоры: нравственность и ответственность органов власти перед обществом.

Но, как мы указали в самом начале, более привычно для нашего понимания то, что правовая ответственность должна вытекать из правонарушения. Порой достаточно трудно такие философско-этические, духовные и душевные материи, как мораль, нравственность «упаковать» в норму права.

Ответственность перед своей совестью в контексте рассмотрения политических отношений может вообще вызвать недоумение у большинства читателей-учёных и у читателей-обывателей – ведь, как ссылается профессор И.А. Исаев на мнение разработчика доктрины разделения властей, «для Монтескье само понятие «политика» было уже в такой степени дискредитировано в предыдущую эпоху, что он уверенно приравнивал её к «искусству управления государством, осуществляемому без чести и совести»» [6].

К тому же, затрагивая вопросы государственного интереса, виднейший историк государства и права пишет: «В этизированном мире государства – индивиды неизбежно должны руководствоваться в своей деятельности критериями добра и зла, чтобы в политическом отношении занять позицию и статус «друга» или «врага»: включение этического в политику всегда означало невозможность занятия нейтральной позиции для любого из субъектов».

Таким образом, уповать на решение вопросов конституционной ответственности в абсолютном выражении, путём решения их через призму философско-этических, духовных и душевных материй не стоит. С такой точки отсчёта новейшей истории страны, как дата принятия Конституции Российской Федерации 1993 года [7], на память автора отложилось не так много случаев возвращения государственным деятелем своего мандата с формулировкой «не справился с возложенными на меня народом России задачами». При всём при этом мы не должны совершенно отречься от возможности применения «на деле» такого вида ответственности в конституционном праве, даже если а priori, исходя из приведённых цитат, сомневаемся во внутреннем нравственном содержании любого политического деятеля в высших органах государственной власти. Вероятно, здесь будет уместно привести цитату из В.М. Гессена: «Категоричность императивов права сознается не всеми. Карательные санкции его норм существуют для тех, кто повинуется праву как силе. Для тех, кто повинуется праву как праву, никакая угроза не нужна» [8].

Остаётся вторая часть определения позитивной ответственности, сформулированной профессором С.А. Авакьяном, – «перед кем-то, кто может оценить поведение данного субъекта права». И здесь возникает центральная проблема – как освободить оценку этим «кем-то» поведения данного субъекта права от политического *усмотрения*, которое может иметь довольно пристрастный характер. Мы как раз сталкиваемся с необходимостью иметь в качестве ориентира норму права, которая давала бы не только оценивающему субъекту, но и обществу отправную точку для возникновения конституционной ответственности и её обоснование.

Показательным примером в этом плане является «неответственная» фигура Председателя Правительства Российской Федерации. Возможности несения ответственности не индивидуально премьер-министром, а Правительством Российской Федерации в целом перед Президентом Российской Федерации и парламентом, на деле остаётся лишь декларативным в силу «усмотрительных», неконкретных положений конституционного законодательства и отсутствующей самостоятельности высших представительных органов страны, избранных

с использованием административного ресурса [9].

Взяв за основу второй фундаментальный ориентир позитивной ответственности, о котором говорилось выше – конституционно-правовую ответственность органов государственной власти *перед обществом*, можем высказать следующие рассуждения.

7 апреля 2017 г. на Втором всероссийском слёте конституционалистов, посвящённом юбилею академика О.Е. Кутафина, прозвучал доклад В.Е. Чиркина «Социально-экономическая парадигма современной конституции» [10]. В своём сообщении российский классик конституционного права зарубежных стран обратил внимание на то, что если ранние конституции занимались правами человека и организацией государства (органами государства, их полномочиями и взаимоотношениями), то современная конституционная модель занимается социально-экономическими вопросами, работает над жизнеобеспечением человека, что и проявилось в конституциях, принятых в 2011–2015 годах после арабских и цветных революций (Египет [11], Марокко [12], Тунис [13]).

Заглянув в новейшую Конституцию Египта 2014 года, можно обнаружить, что правительственные расходы (статьи 18, 19, 21, 28) измеряются в процентах от таких макроэкономических показателей, как валовой внутренний продукт (ВВП) и валовой национальный продукт (ВНП) [14].

В российском законодательстве, статья 74.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», перечисляющая основания для удаления главы муниципального образования в отставку, называет и финансово-экономические причины: просроченная задолженность муниципального образования по исполнению своих бюджетных обязательств, превышающая 40 % бюджетных ассигнований в отчетном финансовом году; нецелевое расходование бюджетных средств.

На этом фоне вполне реалистично может выглядеть предложение о подсчёте итогов деятельности высших органов исполнительной власти и, прежде всего, Председателя Правительства Российской Федерации, в процентах от ВВП страны или иных макроэкономических категорий. Точкой отсчёта для наступления конституционно-правовой ответственности указанных лиц, соответственно, считать падение ВВП на определённый уровень за истекший год.

В таком виде выразался бы её социально-экономический характер конституционно-правовой ответственности, а её введение требовало бы активной деятельности означенных субъектов права, которая должна быть направлена на достижение *положительного результата*.

Автор затрудняется взять на себя смелость в указании конкретного размера падения приведённого показателя, поскольку рациональность и допустимость данного предложения является предметом для обсуждения не только юристов, но и экономистов (здесь следует заметить, что конституционная экономика – один из самых эволюционных векторов развития конституционного пространства).

Безусловно, результаты обсуждения должны выразиться в приведение в соответствие конституционного законодательства.

Вполне вероятно, что в случае добровольной отставки высших органов исполнительной власти такая санкция могла бы быть рассмотрена как позитивный вид конституционно-правовой ответственности. Недобровольная отставка, да еще и в связи с претензиями к качеству деятельности Правительства и его руководящих органов (руководителя) или проводимой ими политике, выглядит больше как негативный вариант конституционно-правовой ответственности.

Но на наш взгляд, здесь больше просматривается вариант позитивной ответственности, так как закрепление

таких норм в российском конституционном пространстве являлось бы ответственностью перед обществом, играло бы прежде всего профилактическую роль в социально-экономической среде и нацеливало бы на достижение высшими органами исполнительной власти положительного результата в своей работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Конституционное право и политика: проблемы взаимодействия в современном мире // Конституционное право и политика: сборник материалов Международной научной конференции. М.: Юрист, 2012. С. 15–18.
2. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
3. Гаджиев Г.А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 7–15.
4. Чепус А.В. Теория позитивной юридической ответственности органов исполнительной власти : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 63 с.
5. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс. В 2 т. Т. 1. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2014. 864 с.
6. Исаев И.А. Легальность и государственный интерес // Lex Russica. 2016. № 11. С. 224–228.
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 года: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
8. Гессен В.М. Исключительное положение. СПб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1908. 410 с.
9. Авакьян С.А. Народовластие как совокупность институтов непосредственной и представительной демократии: проблемы эффективности // Российское государственное управление. 2014. № 2. С. 4–13.
10. Участие сотрудников сектора в IV Международном юридическом форуме // Институт государства и права РАН. URL: igpran.ru/about/subjects/snews/4288/.
11. Конституция Египта 2014 года // Конституции государств (стран) мира: интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: worldconstitutions.ru/?p=1013.
12. Конституция Королевства Марокко 2011 года // Конституции государств (стран) мира: интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: worldconstitutions.ru/?p=481.
13. Конституция Тунисской Республики 2014 года // Конституции государств (стран) мира: интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: worldconstitutions.ru/?p=1049.
14. Конституция Египта 2014 года // Конституции государств (стран) мира: интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: worldconstitutions.ru/?p=1013.

SOCIO-ECONOMIC VECTOR IN THE EVOLUTION OF THE POSITIVE CONSTITUTIONAL LEGAL RESPONSIBILITY OF THE HIGHEST EXECUTIVE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2017

A.F. Chupilkina, candidate of jurisprudence,
lecturer of the Department of state and legal disciplines
Samara juridical Institute of Federal penitentiary service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: the positive constitutional legal responsibility; the highest Executive authorities; morality; political discretion; responsibility to society.

Abstract: The degree of elaboration of the constitutional responsibility of senior officials is one of the most fateful for the state political and legal matters. In constitutional law, there is reason to highlight both positive and negative varieties of responsibility. For scientists and citizens a negative view of a more familiar and understandable in the context of discussions about the concept of “responsibility”. The positive version of the constitutional-legal liability still raises questions by its very “right to life”, the relevance of the existence of the “responsible” category, i. e. still requires definition in the interpretation of their understanding. The author argues that the Foundation of this type of liability has two points of support: the morality and responsibility of the authorities to society. However, it is difficult to “pack” in the rule of law such a thing as morality. As the Central problem is the liberation of assessing the behavior of the entity from political discretion, which can be quite biased in nature. Proposals that would not only assess the subject and society the starting point for the emergence of positive constitutional legal responsibility of the Supreme bodies of Executive power, and its justification. Based advised to take a second fundamental benchmark of positive responsibility – the constitutional-legal responsibility of state authorities to society. In presented article form to put it socio-economic character of constitutional and legal responsibility, and its introduction would require the active activities of the designated entities, which must be aimed at achieving positive social and economic outcomes in their work.

Д.С. Широков, аспирант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: социальная ответственность; юридическая ответственность; позитивная ответственность; негативная ответственность.

Аннотация: В силу постоянно происходящих процессов преобразования и развития в обществе, нередко возникает вопрос о том, что такое ответственность, в результате каких действий она может наступить и всегда ли ответственность должна наступать только за негативные поступки. В связи с этим необходимо сформулировать одно единое определение, отображающее в полном объеме смысл термина «ответственность».

За последние годы юридическая наука продвинулась далеко вперед в исследовании теории юридической ответственности, однако некоторые понятия и термины до сих пор остаются спорными. Одним из таких спорных моментов является отсутствие единого принятого для всех определения понятия «юридическая ответственность». Отсутствие данного определения создает некую свободу мысли касаясь этого термина, что допускает возникновение большого количества разных точек зрения у ученых, в связи с тем, что смысл этого понятия воспринимается по-разному. В результате в науке существует огромное количество определений понятия юридической ответственности, но так и не сформулировано одно общее значение данного термина.

В настоящей статье будут приведены соответствующие доводы относительно понятия «юридическая ответственность», что может послужить фундаментом для выработки единого определения и последующего его применения в юридической науке.

Для полного и всестороннего рассмотрения данного вопроса необходимо обратить внимание на исторический этап возникновения и последующего формирования такого термина как ответственность.

Первоначально в истории термин «ответственность» воспринимался, как обязанность лица понести соответствующее наказание за совершенный поступок или, как было указано в первом русском источнике права «Русская Правда», – «око, за око; зуб, за зуб». Нередко вид наказания не соответствовал тяжести совершенного проступка, в качестве примера можно отметить, что за убийство княжеского отрока или конюха, или повара, нужно было заплатить 40 гривен. В результате начал формироваться институт социальной ответственности, который по мнению ученых, был связан с наказанием одного человека другим или группой лиц за причиненный вред, причем без какого-либо расследования или должной проверки произошедшего.

В дальнейшем, с развитием общества и государства, понятие ответственности стало переходить на общественный и государственный уровень. Жители того или иного государства, передавали часть своих прав, свобод и обязанностей государству, а взамен доверяли назначать виновных должностным лицам, выступающим от их имени, при наличии причинения какого-либо вреда. Одновременно такой общественный договор по передаче функций привлечения к ответственности за причиненный вред государственными органами позволял самим гражданам быть более защищенными от посягательств на их жизнь, здоровье и имущество от имени того же государства. В связи с этим развитие категории социальной ответственности с переходом на уровень правовой ответственности имело долгий путь развития, когда право на наказание было переведено с индивидуально-коллективного уровня на общественно-государственный.

С учетом дальнейшего развития общества под социальной ответственностью стали понимать поведение лица по соблюдению, принятых в обществе норм

(правил поведения), а в случае их нарушения лишения для себя каких-либо благ в полном объеме. Своего рода это ответственность перед обществом за совершенные свои деяния в прошлом.

На сегодняшний день, можно сделать вывод о том, что помимо социальной ответственности, в обществе также существует и юридическая ответственность (или правовая ответственность), которая основана на общественном фундаменте социальной ответственности. Согласно этой концепции юридическая ответственность по своему содержанию должна соответствовать общим идеям и смыслу права, следовательно, и понятию правовой ответственности как высшей форме отражения бытия общественных отношений в условиях конфликта. Правовая ответственность, по мнению Н.В. Витрука, «...лежит в основе юридической ответственности, она определяет цели и принципы юридической ответственности». В этой связи правовая ответственность, по мнению ученого, наиболее тесно связана со справедливостью и находит адекватное отражение в нормах Конституции Российской Федерации [1, с. 360].

Таким образом, между терминами «социальная ответственность» и «юридическая ответственность» существует связь, которая выражается в их соотношении как категории рода и вида, имеющие свои общие признаки и характеристики, подразделяющиеся на виды (позитивная и ретроспективная (ответственность за совершение деяния в прошлом)).

Относительно видов ответственности среди ученых есть сторонники теории, которые полагают, что позитивной ответственности не существует в принципе, так как ответственность наступает всегда только за совершенные противоправные деяния. Данный довод неоднократно критиковался учеными, рассматривающих два вида ответственности, со своей стороны автор хотел бы отметить, что является сторонником теории существования как позитивной, так и негативной юридической ответственности.

Учитывая разделение юридической ответственности на виды, необходимо отдельно выделить признаки каждого вида для дальнейшего формирования термина «юридическая ответственность».

Для того, чтобы перейти к характеристике признаков позитивной и негативной (ретроспективной) юридической ответственности, необходимо отметить, что, несмотря на их различную роль в механизме правового регулирования общественных отношений, эти явления общественной жизни неразрывно связаны между собой. Также данные явления рождаются между собой, так как оба связаны с нравственно-психической характеристикой поведения людей.

В юридической науке есть ряд ученых, которые воспринимают позитивную юридическую ответственность в философском смысле, одним из признаков которого является чувство лица об осознании ответственности как долга, чувства ответственности. Так, «...позитивная ответственность воспринимается как осознание правовых свойств своих действий (бездействие), соотношение

их с действующими законами и подзаконными актами, готовность отвечать за них перед государством и обществом» [2, с. 12]. Кроме вышеуказанной позиции, нередко ученые воспринимают позитивную юридическую ответственность как обязанность соблюдать предписания правовых норм, обязанность действовать правомерно. Однако, сторонники данного мнения, не рассматривают причины соблюдения предписаний, которые могут выражаться в человеческом страхе либо нежелании претерпеть какие-либо материальные лишения для себя. Например, при низком уровне заработной платы, лицо усерднее старается избегать нарушения Правил дорожного движения в связи с материальными трудностями, которые могут возникнуть при уплате административного штрафа.

Позитивная юридическая ответственность характеризуется такими признаками, как нормативность, формальная определенность и четкость; детализированность и общеобязательность; гарантированность государством; обеспечивается убеждением, принуждением или поощрением; реализуется в регулятивном правоотношении; в свое содержание включает юридическую обязанность по соблюдению правовых норм и правомерное поведение; своими последствиями влечет одобрение или применение мер поощрения [3, с. 12].

Необходимо отметить, что данные признаки выражают собой добровольную форму реализации лицом юридической ответственности, которые в свою очередь не могут реализовываться без соответствующей «работы» государства. Для того, чтобы в обществе присутствовало желание нести позитивную юридическую ответственность, на мой взгляд, государство проводит своего рода воспитательный (образовательный) процесс, в результате которого сторонников негативной ответственности становится меньше. Данный процесс может выражаться в показательных судебных процессах с вынесением наиболее строго приговора в отношении лица совершившего преступление, постоянная пропаганда в средствах массовой информации результатов правомерного поведения лица, способствующего к формированию правового государства и т. д.

Однако нередко в последнее время в новостях появляются статьи о том, что именно государственные (муниципальные) служащие оказываются участниками деяний, за которые нередко выступали против перед всем

народом. Например, получение взятки «за решение» какого-либо вопроса, путем использования своего служебного положения либо появление в обществе в состоянии алкогольного опьянения, сопровождающееся причинением физического вреда здоровью.

В результате в обществе есть лица, которые в силу своего воспитания и принципов добровольно несут позитивную юридическую ответственность, а есть лица, на которых необходимо воздействовать для соблюдения ими принятых норм и правил. Однако, нельзя забывать, что юридическая ответственность не только может запрещать, но и позволять лицу совершать определенные (необходимые) для общества действия.

Совокупность указанных признаков в полном объеме раскрывает позитивную юридическую ответственность, и отсутствие одного из этих признаков может повлечь несостоятельность данного вида ответственности. Также необходимо отметить, что общество не может нормально развиваться без позитивной юридической ответственности.

В свою очередь, понятие негативной юридической ответственности заключается в установлении в особом процессуальном порядке обязанности субъекта, совершившего правонарушение, претерпеть лишения имущественного и морального характера.

На основании вышеизложенного, можно сформулировать понятие «юридической ответственности» следующим образом: «Юридическая ответственность – это желание лица, сформулированное на основе собственного правосознания, исполнять принятые в том или ином государстве нормы (правила поведения), регулирующие общественные отношения, а в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения их нести бремя лишения определенных благ и возможностей перед государством и обществом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991–2001). Очерки теории и практики. М.: Городец-издат, 2001. 508 с.
2. Фаткулин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань: Казанский ун-т, 1987. 336 с.
3. Шавалеев М.В. Эффективность принципа неотвратимости юридической ответственности. Тольятти: ТГУ, 2010. 172 с.

THE CONCEPT OF LEGAL LIABILITY

© 2017

D.S. Shirokov, postgraduate student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: social responsibility; legal responsibility; positive responsibility negative responsibility.

Abstract: In view of the constantly ongoing processes of transformation and development in society, often the question arises, what responsibility is, as a result of any actions it may occur and is it always the responsibility should occur only for negative actions. In this regard, it is necessary to formulate one single definition that displays the full meaning of the term “responsibility”.

НАШИ АВТОРЫ

Арутюнян Армен Рубикович, магистр политологии, старший преподаватель кафедры политологии.
Адрес: Российско-Армянский (Славянский) университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.

Тел.: (37495) 626-033
E-mail: armenh88@mail.ru

Власова Наталья Викторовна, аспирант.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482) 53-94-17
E-mail: vlasovanatalya@list.ru

Воробьева Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 909 365-30-92
E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Гербеков Ислам Исхакович, судья.

Адрес: Верховный суд Карачаево-Черкесской Республики, 369300, Россия, Карачаево-Черкесская Республика, г. Усть-Джегута, ул. Пролетарская, 12.

Тел.: (887822) 22-06-05
E-mail: mila77list@yahoo.com

Герман Сергей Эдуардович, студент Института права.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482) 53-94-31
E-mail: h.s.e@list.ru

Давыдов Петр Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин.

Адрес: Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии, 414303, Россия, г. Астрахань, ул. Савушкина 4а, 14.

Тел.: 8 927 282-42-83
E-mail: petrдав@mail.ru

Затонский Виктор Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин.

Адрес: Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, 410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 55.

Тел.: (8452) 57-47-44
E-mail: zatonviksar@yandex.ru

Зограбян Тигран Арамович, аспирант.

Адрес: Российско-Армянский (Славянский) университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.

Тел.: (37491) 52-30-04
E-mail: tigran_zohrabyan@yahoo.com

Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Адрес: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Тел.: (3952) 23-86-71
E-mail: grafik-87@mail.ru

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики.

Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тел.: (846) 337-99-63
E-mail: v.a.Lazareva@mail.ru

Малый Александр Федорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права.

Адрес: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

Тел.: 8 927 172-92-27
E-mail: afm-10@mail.ru

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор. Адрес: Саратовский филиал Института государства и права РАН, 410028, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135.
Тел.: (8845) 22-99-218
E-mail: i_gp@ssla.ru

Маркунин Роман Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права. Адрес: Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104.
Тел.: 8 960 357-49-77
E-mail: markunin88@yahoo.com

Марченко Дмитрий Эдуардович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин. Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в.
Тел.: (8846) 255-61-92
E-mail: marchenko.d.e@yandex.ru

Савельев Юрий Михайлович, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право». Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 8 927 610-15-49
E-mail: yusproc@gmail.com

Степанова Вера Владимировна, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право». Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 8 917 970-19-91, (8482) 76-65-05
E-mail: lawboxer@gmail.com

Хаснутдинов Ренат Рафаильевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин. Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в.
Тел.: (846) 205-67-38
E-mail: Khasnutdinoff@mail.ru

Черных Евгений Валентинович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права. Адрес: Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104.
Тел.: (8452) 29-90-29
E-mail: i_gp@ssla.ru

Чупилкина Айгуль Фаридовна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин. Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в.
Тел.: (846) 205-67-39
E-mail: aygul8@yandex.ru

Шарафутдинов Ильдар Ринатович, оператор. Адрес: ПАО «КуйбышевАзот», 445007, Россия, г. Тольятти, ул. Новозаводская, 6.
E-mail: pravo.66@mail.ru

Широков Дмитрий Сергеевич, аспирант. Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
Тел.: (8482) 53-94-17
E-mail: Shirokov.dim@yandex.ru

OUR AUTHORS

Chernykh Evgeniy Valentinovich, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law.
Address: Saratov State Law Academy, 410056, Russia, Saratov, Chernyshevskogo Street, 104.
Tel.: (8452) 29-90-29
E-mail: i_gp@ssla.ru

Chupilkina Aygul Faridovna, candidate of jurisprudence, lecturer of the Department of state and legal disciplines.
Address: Samara juridical Institute of Federal penitentiary service of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24v.
Tel.: (846) 205-67-39
E-mail: aygul8@yandex.ru

Davydov Petr Alexeyevich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State Legal Disciplines.
Address: Astrakhan branch of the Saratov State Law Academy, 414303, Russia, Astrakhan, Savushkin Street 4a, 14.
Tel.: 8 927 282-42-83
E-mail: petrдав@mail.ru

Gerbekov Islam Iskhakovich, judge.
Address: The Supreme Court of the Karachay-Cherkess Republic, 369300, Russia, Karachay-Cherkess Republic, Ust-Dzheguta, Proletarskaya Street, 12.
Tel.: (887822) 22-06-05
E-mail: mila77list@yahoo.com

Harutyunyan Armen Rubikovich, major-master degree in political science, Head lecturer of political science department of Institute of Law and Policy.
Address: Russian-Armenian (Slavic) University, 0051, Republic of Armenia, Yerevan, Hovsep Emin Street, 123.
Tel.: (37495) 626-033
E-mail: armenh88@mail.ru

Hermann Sergey Eduardovich, student of law Institute.
Address: Togliatti State University, Institute of law, 445020, Russia, Togliatti, Ushakova Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-31
E-mail: h.s.e@list.ru

Khasnutdinov Renat Rafailevich, Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines.
Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24v.
Tel.: (846) 205-67-38
E-mail: Khasnutdinoff@mail.ru

Kuzmin Igor Aleksandrovich, Ph. D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of Department of Theory of State and Law.
Address: Irkutsk Law Institute (Branch), Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 664035, Russia, Irkutsk, Shevtsov Street, 1.
Tel.: (3952) 23-86-71
E-mail: grafik-87@mail.ru

Lazareva Valentina Alexandrovna, Doctoral degree in law, professor, head of Department of Criminal Procedure and Forensic Science.
Address: Samara National Research University, 443086, Russia, Samara, Moskovskoe highway, 34.
Tel.: (846) 337-99-63
E-mail: v.a.Lazareva @ mail.ru

Maliy Alexander Fedorovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law.
Address: Kazan (Privolzhsky) Federal University, 420008, Russia, Kazan, Kremlin Street, 18.
Tel.: 8 927 172-92-27
E-mail: afm-10@mail.ru

Malko Aleksandr Vasilevich, doctor of law science, professor, Honored Scientist of Russia, Director.
Address: Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 410028, Russia. Saratov, Chernyshevsky Street, 135.
Tel.: (8845) 22-99-218
E-mail: i_gp@ssla.ru

Marchenko Dmitry Eduardovich, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines.
Address: Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24v.
Tel.: (8846) 255-61-92
E-mail: marchenko.d.e@yandex.ru

Markunin Roman Sergeevich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Theory of State and Law Department.
Address: Saratov State Law Academy, 410056, Russia, Saratov, Chernyshevsky Street, 104.
Tel.: 8 960 357-49-77
E-mail: markunin88@yahoo.com

Savelyev Yuriy Mihailovich, Senior Lecturer of Department “The constitutional and administrative law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 927 610-15-49
E-mail: yusproc@gmail.com

Stepanova Vera Vladimirovna, senior Lecturer of “Constitutional and Administrative Law” department.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 917 970-19-91, (8482) 76-65-05
E-mail: lawboxer@gmail.com

Sharafutdinov Ildar Rinatovich, operator of PJSC “KuibyshevAzot”.
Address: PJSC “KuibyshevAzot”, 445007, Russia, Togliatti, Novozavodskaya Street, 6.
E-mail: pravo.66@mail.ru

Shirokov Dmitry Sergeevich, postgraduate student.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Tolyatti, Belarusian Street, 14.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: Shirokov.dim@yandex.ru

Vlasova Natalya Viktorovna, postgraduate student.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakova st., 57.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: vlasovanatalya@list.ru

Vorobyova Olga Aleksandrovna, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of Business and employment law.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: 8 909 365-30-92
E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Zatonskij Viktor Aleksandrovich, candidate of history sciences, associate professor of the chair of state and legal disciplines.
Address: Volga Region Institute (the brunch) of All-Russian State Juridical University (RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice of the Russian Federation) in Saratov, 410003, Russia, Saratov, Radishev Street, 55.
Tel.: (8452) 57-47-44
E-mail: zatonviksar@yandex.ru

Zohrabyan Tigran Aramovich, postgraduate student.
Address: Russian-Armenian (Slavic) University, 0051, Republic of Armenia, Yerevan, Hovsep Emin Street, 123.
Tel.: (37491) 52-30-04
E-mail: tigran_zohrabyan@yahoo.com